

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

3/2014

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой обложке: Чингиз Айтматов.

Бронза. Автор - Виктор Шестопап

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 3/2014

ПРОЗА

Анатолий Курчаткин. Жарким летом прошедшего года. Второе пришествие. <i>Рассказы</i>	5
Александр Крячун. Кубулма киши. <i>Рассказ</i>	33
Александр Иванов. Письмо. Антон, Жанна и смерть. <i>Рассказы</i> ..	45
Вячеслав Александров. Алеет Восток. На “пьедестале” Победы. <i>Рассказы</i>	88

ПОЭЗИЯ

Александр Никитенко. Самые последние стихи.	104
Дмитрий Сагайдак. Новые стихи	116
Александр Сидорченко. <i>Стихи</i>	123

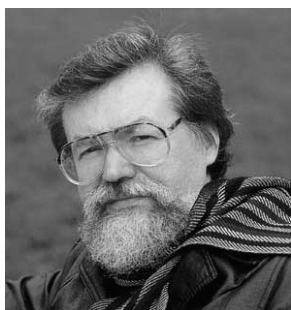
ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий Сандлер. Геном Серова. Принадлежащие имени. <i>Беседы</i>	131
---	-----

КУЛЬТУРА

Александр Иванов. Стремительный бег жизни и пера	149
Дмитрий Ащеулов. “Моя жизнь – скульптура”	153
Прерванная связь. <i>Вилору Акчурина</i>	159
Коротко об авторах	164

ПРОЗА

Анатолий КУРЧАТКИН

РАССКАЗЫ

ЖАРКИМ ЛЕТОМ ПРОШЕДШЕГО ГОДА

Когда-то в этих местах был дикий лес, и к святому Сергию, срубившему здесь для себя скит, приходил содрать с него шкуру или дань в виде ломтя ржаной ковриги, медведь. Леса было вдоволь еще и сейчас – дойди только до края поселка, и был он, наверно, так же дик, как и в ту, начальную пору русской жизни: лежали поперек троп рухнувшие ели, медленно истлевая своей смолистой плотью под кудрявыми зелеными шапками мха, стремительно, словно в топке, сгорали, коснувшись земли, поваленные ураганом березы, превращаясь в коричневую труху прежде, чем успевали дать приют беспощадному лишаю, и весело тянул себя ввысь подрост, толкаясь ветвями, будто локтями, стремясь захватить себе как можно больше пространства, скорее продраться к ничем не загороженному свету и пить его, перегоняя в кровь хлорофилла, всласть и вволю.

– Пьер, – сказала Жанна капризно, склоняя свою прелестную маленькую головку набок, отчего ее длинные, промывтые шампунем “Дессандж”, блестящие, замечательные волосы послушно и тяжело также ссыпались набок. – Пьер, ты все можешь, сделай что-нибудь с этим дымом.

– Да? – ответил Пьер с ленцой. – И что же ты имеешь в виду?

– Ну, то, что невозможно же дышать этим дымом. Что это за уик-энд, когда у тебя все легкие забиты горелым торфом?

– Отправляйся в дом, – сказал Пьер равнодушно. – Там кондиционер, там воздух – как на альпийском пастбище.

– Да, прекрасно придумал, – с обиженным видом

произнесла Жанна. Она вернула голову в вертикальное положение, и ее замечательные, хорошо промытые шампунем “Дессандж”, здоровые волосы послушно стекли ей на оба плеча.

– Приехать на уик-энд за город и сидеть в четырех стенах.

– Ладно, не грузи. – Пьер слегка повысил голос. – Против господ Бога не попрешь, смирись и жди смены ветра.

– “Смирись”! О, смотрите на него, “смирись”! Банкир проповедует смирение! – захохотал сидевший рядом с ними в шезлонге Борец, открывая закрытые до того глаза и вскидывая руки. Руки у него были в перевивах мышц – будто там под кожей переплелось по десятку питонов. – Шелкопера сюда какого-нибудь с диктофоном – пусть зафиксирует!

Борец – это было его устойчивое, можно сказать, официальное прозвище (трансформировавшееся, впрочем, в короткое и благозвучное Бор) для такого вот неофициального времяпрепровождения, когда-то он был в резерве олимпийской сборной, не пофартило выступить только случайно, и он любил, когда ему напоминали об успехах его молодости.

– Только шелкоперов нам тут не хватало, – отозвался на его слова Пьер. – Всех бы их – за яйца и на дерево вниз головой.

– Пьер, почему ты так плохо относишься к журналистам? – тем же капризным голосом спросила Жанна.

У нее вообще была манера задавать вопросы вот таким образом – будто ее чем-то обидели и она дулась, старалась это скрывать, но и не могла не выказать своего чувства. Пьера эта ее манера бесила, в нем поднималось дикое, жгучее желание гавкнуть на нее во все легкие, чтоб не выламывалась, но пока он терпел.

– А как к ним еще относиться? – вновь всхрикнув, ответил ей, опережая Пьера, Борец. – Суки продажные. Копье им вынешь, покажешь – на четвереньках будут тебя вылизывать.

– Ну, положим, за копье они только бочку дерьма на тебя выльют, – проговорил теперь Пьер. – Бабло, бабло им зеленое подавай. Твари!

– Странно, а почему Муз не приехал? – в воздух спросила Жанна. Было похоже, теперь она дуется на само мироустройство. – Он так любит потусоваться в уик-энд.

– Да, это странно, – подтвердил Борец. – Главное, я с ним созванивался в пятницу, он прямо как на своем кларнете играл: отлично, замечательно, буду непременно, страсть как хочу!

– Дела! – с той же ленцой, что отвечал Жанне, проговорил Пьер. – Дела призовут – и с бабы слезешь.

Жанна глянула на него вмиг обострившимся рысьим взглядом, губы ее в углах рта шевельнулись – она хотела что-то сказать, но не сказала.

Солнце смотрело с неба сквозь сизую хмарь мутным белесо-красным глазом – казалось, это было око самого космоса, пристально изучавшего земную жизнь и пытавшегося придумать для нее новые забавы, чтобы проверить, как она с ними справится. Загорать под таким солнцем было все равно, что пить воду из лужи, но кожу после бассейна оно высушивало не хуже, чем если бы катилось по ясному небу. Тридцать в тени. Вода испарялась, будто тебя гладили утюгом.

При мысли об утюге Борец невольно покривил губами. И следом с неудовольствием заметил, что Пьер перехватил взглядом его гримасу.

– А, что-то дернуло там, – сказал он Пьеру, показывая в область солнечного сплетения, – можно понять, что в животе, а можно, что и в груди.

С утюгом Борцу еще в самом начале 90-х, когда только вытаптывал свою площадку в бизнесе, пришлось познакомиться – правда, без прижигания, а в виде угрозы. Но все равно. Обдавая жаром, повисел у лица, покачался у переносицы, и от чего больше всего сжимало мочевого пузыря, – что ткнут сейчас острым мыском в глаз, и все, рубец вместо глаза.

– Сердце? – поинтересовался в ответ на его жест Пьер.

Борец пожал плечами: да непонятно.

– Все, прошло, – сказал он.

Пьер должен был видеть его только здоровым, здоровее гранитного валуна. Перед Пьером нужно было выглядеть заряженным почище батарейки “Энеджайзер” – на сто лет активного действия, не меньше. Иначе Пьер перекроет кислород, и никаких кредитов, кроме краткосрочных, из него не вытащишь. Зачем ему партнер, с которого потом не взыщешь долгов. Борец уже видел тому примеры. И были бы это чужие люди. Пьер имел свое прозвище в честь героя “Войны и мира”. Большой, толстый, в очках, голова всажена в плечи без всякого намека на шею. Но на самом деле от того, толстовского Пьера (Борец даже специально купил роман и впервые в жизни одолел тот от корки до корки, чтобы сравнить) только в нем и было, что внешнее сходство. Филолог, давая прозвище, явно хотел польстить ему. Пьеру оно и льстило – он так Пьером себя и чувствовал, Борец отметил это для себя еще тогда, когда только начинали разживаться прозвищами и не очень понимали, почему так жжет

называть себя вне официального круга общения совсем по-иному, чем ты обозначен в паспорте. Филолог потом объяснил, почему. Нужно было, словно змея, обновить кожу, чтобы выползти из прежней жизни. Не будь это непреодолимой помехой делам и не вызови подозрений, хоть смени свои имена совершенно по-настоящему, с заменой паспорта, официальным порядком.

– Ты где, в Кремлевке наблюдаешься? – спросил между тем Пьер.

– Ну, а где ж еще, – сказал Борец.

– И что говорят?

Он не просто так спрашивал. Просто так он не пил даже водки. Только если того требовали дела. Хотя, когда пил, мог при своих габаритах потребить ее и два литра. Он выведывал. Всасывал информацию. Автоматом. Вдруг вытечет.

– Да пережрал просто, – сказал Борец, решив оставить вопрос Пьера о состоянии своего здоровья без ответа. Хотя это и могло быть чревато подозрением, что со здоровьем у него неблагополучно.

Пьер помолчал.

– Да, я видел, ты на трюфели нажал! – сказал он затем. Не получилось походя всосать информации – и он не стал упорствовать. Принципиально вопрос не стоял. Здоровья Борцу, никаких сомнений – занимать пока не приходилось. – Будто впервые ел. Ограничивать себя надо. Форму держать. Мы же не плебс.

– Ой, Пьер, Бор в прекрасной форме, – вступилась за Борца Жанна. – Вон он, какие мышцы. Как у Геракла.

– Откуда ты знаешь, какие мышцы были у Геракла? – с той же ленцой, с какой говорил с ней до этого, спросил Пьер. – Ты его видела?

– Нет, ну как его на рисунках изображают.

– А на рисунках его изображают с меня! – торопливо вставил Борец и снова захохотал.

– Пойдем окунемся еще? – позвал его Пьер. – Такое пекло. Плебс в Москве окупировал, наверно, сегодня каждую бочажину в пределах досягаемости общественным транспортом.

Он, когда ему приходилось обосновывать свои желания, выражался обычно витиевато и с пафосностью, на которой подобно клейму неизменно лежал патинный налет презрительного превосходства.

Борец поднялся со своего шезлонга раньше, чем это сделал Пьер.

– Вперед за плетсом, – сказал он. – Присоединяюсь.

– Тогда и я тоже. – Жанна сделала попытку встать, но Пьер, наклонившись над нею и прижав за плечи обеими руками к спинке шезлонга, не позволил ей этого.

– Появляйся еще, появляйся, – сказал он. – Рыбка моя.

– Я же не вобла, – с прежней капризностью отозвалась Жанна, однако новой попытки подняться с шезлонга не последовало.

– Черт знает, что такое, – жалующимся голосом проговорил Пьер, когда они с Борцом двинулись к бассейну. – Прямо иногда думаешь, надо было со своей курицей расходиться? Вот это создание, – он слегка повел головой, как бы указывая на оставшуюся за спиной Жанну, – ах, какой цыпочкой была, ах, какая прелесть! Юность, свежесть, утренняя роса! И чуть почувствовала меня в своих ручках – все, такая же, как другие до нее. Такая же курица! Боюсь, мотану ее от себя к чертовой матери, начинает злить меня – кровь в голову!

От места, где они сидели на шезлонгах, на свежестриженном изумрудном газоне около веселого островка так же изумрудно пушившихся своими клиновидными купами молодых туй, до бассейна было метров пятнадцать. Идти по этой хорошо политой, не ведающей ни о какой засухе траве в пляжных шлепанцах, через толстую, негнущуюся подошву которых не ощущалась щекочущая прелесть шелковистой подстилки, было все равно что не поднять золотой слиток из-под ног, – Пьер приостановился, стряхнул с себя шлепанцы и, оставив лежать на земле, двинулся дальше босиком. Борец, глянув на него, тоже приостановился, повторил все его действия, и они стали босыми оба.

– Н-ну! – сказал Пьер с одобрением, дергающим движением указывая подбородком на освободившиеся от оков цивилизации ноги Борца.

– Именно, – ответил Борец, подтвердив тоном, что смысл посланного ему междометия Пьера дошел до него и он с ним согласен.

Бассейн у Горца был далеко не спортивных размеров, восемь на пять метров, особо не расплаваешься, но это был бассейн, сделанный по всем правилам, с электрообработкой воды, с подогревом (хотя, конечно, нынешним летом никакого подогрева и не требовалось), никто больше, строя себе загородные дома, не обзавелся ничем подобным, и провести уик-энд у Горца – это, конечно, было решением, попавшим в десятку.

В бассейне, держась за поручень у дальнего края боковой стенки, мок сам Горец, ведя беседу с женой Борца, сидевшей на бортике с опущенными в воду ногами, и еще бурлил самопальным стилем туда-сюда Казак, работая руками, словно вращала лопасти свихнувшаяся ветряная мельница. Он потому и был Казак, что все делал с бурным, неукротимым напором. Он и бизнес свой вел так, будто рубился с басурманами.

Борец шумно, под стать Казаку, ухнул в воду, как шел – ногами вперед, достиг кафельного дна, оттолкнулся от него и, вынырнув, покачиваясь на воде мячом, сгоняя с лица воду ладонью, принялся звать Пьера:

– Что? Ну, давай. Давай! Вались кулем, утонуть не дадим!

– Кулем тебе, – отозвался сверху Пьер. Он неторопливо достал из-за пояса плавок чехол для очков, раскрыл его, снял очки, поместил внутрь чехла, закрыл тот, присел и положил на шероховатую крокодилью плитку бассейна, окаймляющую бассейн бордюром. – Кулем пусть валяются, кто этот куль и есть. С дерьмом, – добавил он ощутимо тише, для себя – подобно тому, как это делает актер на сцене, отворачиваясь от партнера к залу и выражая этим, что произносимые слова – его внутренний голос.

Он осторожно опустил свое большое тучное тело на бордюр, выставил перед собой ноги, осторожно, опираясь на руки, мелкими движениями повлек себя вперед и, несмотря на свою массу, не рухнул в воду, а мягко, словно по маслу, съехал в нее, подняв в воздух совсем скромный фонтан брызг.

Горец, повернув голову, смотрел с дальнего края бассейна, как он перемещает себя из одной стихии в другую, и, когда Пьер оказался в воде, перехватившись рукой и зацепившись за поручень сгибом локтя, зааплодировал.

– Классно! Классно! Классно! – повторял он.

Но было ли это действительно одобрением или глубоко спрятанной иронией, Борец, переставший подпрыгивать в воде и висевший в ней вертикально в готовности составить Казаку компанию по вспашке бассейна, понять этого наверняка не мог. Горец, хотя и европеизировался за прожитую вдали от Кавказа жизнь, в сердцевине оставался кавказцем, и что в действительности стояло за его словами, жестами, мимикой был еще тот вопрос. Впрочем, за годы, что вместе ползали по минному полю свободного предпринимательства, то приближаясь друг к другу, так что шибало в нос потом другого, то отдаляясь – до точки на горизонте, за все эти годы Горец ни

разу не совершил никакой подставы, ни разу не предпринял попытки кинуть или схрюпать идущий в рот кусок так, чтобы все вокруг остались голодные.

Казак, превращая воду вокруг себя в сплошной вспененный бурун, приблизился к Борцу, и Борец, взревев, бросился ему наперерез.

– А наперегонки! – вопил он – так, чтобы Казак услышал и сквозь шум, что создавал своей молотьбой. – Наперегонки попробоваться! Пятьдесят туда, пятьдесят обратно! А?!

В бизнесе Борец был осторожен, прежде чем отрезать, отмерял уж точно не менее семи раз, но в остальной жизни его было хлебом не корми, дай померяться силами.

Пьер, придерживаясь за бортик, покачиваясь на волне, вызванной торпедным движением Казака, смотрел в их с Борцом сторону, произвольно для себя кривя губы в иронической усмешке. Ему никогда в жизни не нужно было соревноваться. Он чувствовал себя вполне уверенно и комфортно, стоящим выше других и так, без всяких побед, добытых в состязаниях. Одеть себя в такую жару прохладой воды – и все, вполне достаточно для разумного, трезвого человека.

Спустя минут сорок все собрались у Горца в столовой. После воды напал жор – сметали со стола, что подносили горничная с официантом, будто косили косой. Косили – и естественным образом разговор крутился вокруг предмета косьбы.

– А все-таки осетрину горячего копчения я люблю больше всякой другой рыбы, – с видом глубокого знатока говорила жена Борца жене Казака. – В ней все-таки есть такое изящество вкуса – никакая другая не идет с ней в сравнение.

– Нет, не могу согласиться, – поддевая вилкой как раз лоснящийся тонкой пленкой жирка нежно-кремовый ломтик осетрины и отправляя в рот, с интонацией не менее тонкого ценителя отвечала ей жена Казака. – Севрюга тоже удивительно хороша. Не могу даже сказать, какая из них изящней.

– Ай, милые мои, кто может быть изящней вас, – ласково улыбаясь, проговорил Горец. – Только гурии в раю, клянусь!

– Ой, Гор, ну мы же о рыбе говорили! “Изящней” – мы совсем в другом смысле! При чем вообще здесь мы! – завосклицали жены Казака и Борца.

Они стали женами Казаку и Борцу лет семь назад, когда те

как раз утверждались в своих прозвищах, были невероятно юны тогда, чуть не школьницы, и первое время, заменив собой старых, оставленных жен, не решались раскрыть рта и произнести слова по своей воле, но за годы, что прошли с той поры, освоились в своей роли, родили Казаку с Борцом по ребенку и чувствовали себя теперь занимающими место рядом с ними вполне по праву.

– Девочки, что вы ни скажете, все хорошо. – Филолог единственный из всех, не считая Горца, который если и был женат, то в глубоком, никому не известном доисторическом прошлом, остался при старой, советской жене, но уж зато и не брал ее с собой никуда, и она пылилась там где-то в другой жизни, словно старое платье в гардеробе. – Лично мне что северюга, что осетр. Лишь бы не треска.

Горец, засмеявшись, хлопнул его по плечу:

– Ай, Фил, ты скажешь – в самое яблочко. Замечательно сказал!

У Филолога была старая жена, пылившаяся в гардеробе, но без него самого их обществу не хватало бы пряности. Может быть, дело было в образовании, что он получил в юности, а может быть, образование не играло никакой роли, но едва не каждое его слово имело второй и третий смысл – возбуждающие, как возбуждает перечная острота в пище. В том, кстати, как он вел свои дела, эта многослойность тоже давала себя знать: в его словах только он сам и понимал, что к чему.

– Ай, Гор, – подражая интонации Горца, ответил ему Филолог, – я не сомневался, что трески у тебя днем с огнем не сыщешь.

– Не сыщешь, нет, не сыщешь, – польщенно отозвался Горец.

– А ты, я смотрю, молотишь, будто и не пережрал, – сказал Борцу Пьер, отсылая его к их разговору на шезлонгах.

Борец внутри дернулся. Надо же было вспомниться этому утюгу.

– Да, снова что-то захотелось, – сказал он, выразив лицом удивление обуявшему его аппетиту.

– Смотри, – сдабривая свои слова улыбкой, сказал Пьер, – переедать вредно.

– А он никогда и не переедает. – Жене Борца стало обидно за мужа.

– Да нет, случается иногда, случается. Не без того. – Пьер подмигнул Борцу.

Ну, мы-то уж знаем, каковы мы, а женщины пусть насчитают нас обольщаются, очень хорошо даже, означало это его подмигивание.

Борец в ответ подтверждающе покивал головой: согласен, согласен, пусть обольщаются, очень хорошо.

Какие бы напряжения иногда ни случались, в принципе им было хорошо друг с другом. Замечательно расслаблялись, собираясь вместе. Как если бы выехали куда-нибудь в Швейцарию, в хороший пансион на берегу горного озера. Только не нужно было никуда лететь, толочься на таможенном досмотре, паспортном контроле. Это только в начале, когда открылись ворота, хотелось не вылезать из европ. А теперь уже не горело. Час на машине – и вот она Швейцария, тут, в лесах преподобного Сергия. Столько лет они уже знали друг друга. Столько лет были вместе. И может, кто нажурчал в ту же Швейцарию на свой банковский счет миллиончиком-другим американских президентов побольше, чем другие, эта разница была уже не принципиальна. Принципиально было, что ручеек туда журчал у всех. И что достаточно полноводный. Не было ни у кого друг к другу зависти – вот что важно. Никаких черных чувств.

– Ай, жаль, Муз не приехал! – воскликнул Горец. – Почему он не приехал, кто знает?

– Да, мы вот тут, – указал Борец на Пьера с Жанной после паузы, означавшей, что ответить на вопрос Горца никто не может, – тоже говорили, что такое, что помешало. Пьер полагает, дела.

– Ну не баба же, – хмыкнув, отозвался Пьер. – Бабу Муз привез бы сюда, и всех делов.

Губы у Жанны в углах рта, когда он произнес “баба”, снова дернулись в готовности высказать некое недовольство, но снова она не издала и писка.

– Так надо ему просто позвонить и все! – сказала жена Казака – с таким видом, словно нашла решение, которое очевидно, но до которого почему-то никто не может додуматься.

– Звонил я, звонил, – сказал Горец. – Не отвечает. Квартира молчит, офис молчит, сотовый тоже: заблокирован, говорят.

– Ну, офису положено молчать: уик-энд, – сказал Борец.

– Да и квартира: мало ли куда он вместе с Надин мог податься, – поспешно проговорила жена Казака, стремясь поскорее загладить неблагоприятное впечатление, которое, почувствовала она, произвело на всех ее обвинение, что никто не додумался до звонка.

– А сотовый, понятное дело, он вовремя не оплатил, – с невозмутимым видом произнес Филолог, и ответом ему был грохот, рухнувшего, как гром с неба, общего хохота.

– У, Муз известный жадюга! Не оплатил, точно не оплатил!

Забыл копеечку на счет кинуть! – с удовольствием, радуясь возможности позубоскалить, вопили все кругом, сливая голоса в общий хор.

– Машина у него по дороге сломалась, и он ее сейчас из жадности собственными силами ремонтирует, на коврике под днищем лежит, – подвел общий итог Борец, когда хохот немного стих, и на всех обрушился новый его приступ, из которого вывело только появление в столовой звонко процокавшей по паркету горничной, спросившей у Горца, куда подавать мороженое.

Мороженое отправились есть женщины в гостиную, мужчины – в кабинет к Горцу. Как у графа Льва Николаевича Толстого в его бессмертном романе “Война и мир”, сказал Филолог. Там женщины – не помню где, а хозяйева жизни – в кабинете у Николая Ростова, заговор против царя, декабристское восстание подготавливают.

– Что-что они там подготавливают? – спросил Казак.

– Ну, можно сказать, будущее декабристское восстание, – сказал Филолог.

– Иди ты со своими сравнениями! – со свойственной ему бурностью всфонтанировал Казак. – Нам только восстаний не хватало!

– Да уж, да уж, да уж. – Пьер входил в кабинет первым после Горца – и, оборачиваясь, остановился, загородив путь остальным. – Хватит нам всяких пятых-семнадцатых годов, они нам еще долго икаться будут.

Горец из кабинета захмыкал, вернулся к дверям, взял Пьера под руку.

– Вот интересно знать, – все продолжая хмыкать, заглянул он Пьеру в глаза, – с какой стороны баррикад находились твои предки в том семнадцатом. А? Почти наверняка не со стороны толстосумов.

Пьер поморщился:

– Толстосумов! Я и слова-то такого тысячу лет не слышал. Откуда ты его выкопал?

– Ай, милый, – повлек его Горец в глубину кабинета, – для тебя русский родной, а я его в школе учил да по словарям. Вот там и выкопал.

– С пометкой “устар.” – устаревшее, – неостывши от общего хохота в столовой всдохотнул Филолог, переступая порог следом за ними. – Было устаревшим, стало актуальным.

– Нет, только без всякого это бреда о восстаниях, революциях. – У Казака сравнение их с декабристскими заговорщиками

вызывало какое-то особое, прямо физическое отторжение. Хотелось выbleвать эти слова, исторгнуть из себя, избавиться от них – буквально так. – Справедливость – выдумка неудачников. Они хотят иметь столько же, сколько ты, а о цене того, сколько тебе это стоило и стоит, не хотят и задуматься. Справедливости нет на земле изначально. От Бога. Один родился здоровый и дрын у него стоит, как кость, другой – хилый, сколько ни качайся, и в бабу сунет – тут же и свял.

– Да, какая уж тут справедливость, когда бабу не отдерешь, – промычал Борец, входя в кабинет последним.

За ним следом уже въезжал официант с сервировочным столиком. Горничная у Горца была русская, а мужчины в обслуге, от охранников до садовника – все оттуда, с Кавказа, и официант, естественно, тоже был земляком Горца. Молчаливый, скупой в движениях, с гордо-неприступным лицом. Но когда выслушивал распоряжения Горца, которые тот неизменно отдавал на своем языке, оно у него делалось таким униженно-угодливым – невозможно смотреть.

Сервировочный столик, который официант вкатывал в кабинет, являл собой произведение искусства. Отполированное до матового блеска сандаловое дерево стоек и обеих дек было богато инкрустировано серебром, и уже один вид этого столика рождал ощущение роскошного гастрономического праздника, которым должен был наградить грядущий десерт. В серебряных же чашах, похожих на большие пиалы, куполообразно высились горки мороженого не менее чем семи сортов – повторяя цвета радуги, в серебряных чашах квадратной формы атласной глазурью лежали фруктовые пасты – разнообразить ими мороженое, ублажая рецепторы языка, а на нижней деке толпилось несколько бутылок с коньяками и ромом – если бы кому в такую погоду захотелось разнообразить мороженое более мужским образом. Впрочем, в доме от работающих повсюду кондиционеров стояла приятная, освежающая прохлада, и не выходить из него – можно было бы употреблять те же коньяк и ром хоть в первозданном виде. Рядом с бутылками на нижней деке стояли две сигарные шкатулки, и, вкатив столик, официант первым делом достал их оттуда, перенес на стол Горца, открыл и выдвинул нижние ящички. Сигары Горец хранил у себя в столе, и то, что официант привез две полные шкатулки, означало, что к нынешнему дню Горец специально сделал новую закупку.

– Нет, знаете – сказал Борец, когда, отягчившись десертом, все разошлись по кабинету, расселись по стульям, креслам и

официант удалился, – продолжая разговор, неожиданно возникший по дороге сюда. – Меня, конечно, эта бедность вокруг тоже угнетает. Я, когда еще жил в муниципальном доме, хотел, чтобы в подъезде было все чисто, чтобы цветы на площадках стояли, ароматизатором чтоб прыскали. Ремонт сделал, консьержку нанял – никому ведь платить не надо, ничего! И что?

– Что? Да, что?! – словно в предвкушении близкой развязки анекдота, с веселостью спросили Казак с Горцем.

– Естественно что! – с ответной веселостью, как и прямь рассказывая анекдот, отозвался Борец. – Все стены тут же разрисовали, цветы побили, кодовый замок выломали, пацанва стол консьержке дерьмом вымазала. Ничем не дорожат, ничего не берегут! Я не против был жить в муниципальном, мне район нравился, но ведь нельзя! Никак нельзя, невозможно!

– Да нет, о чем говорить. Конечно, невозможно! Никак нельзя жить вместе со всеми, – дружно согласился с ним кабинет.

А когда общий хор смолк, Пьер через паузу счел необходимым добавить:

– Плебс! Что с него возьмешь. Сами ничего не имеют, ничем не дорожат и хотят, чтобы все вокруг такими же были.

В гостиной в это время женщины вели разговор о детях.

– Нет, не может быть речи ни о каком детском саде, ты что, с ума сошла? – говорила жена Казака жене Борца. Голос ее был исполнен кипящего гнева. – Чтобы кто-то уродовал личность ребенка? Извините! Если бы не было другого выхода, не хватало денег, чтобы нанять людей, которых ты контролируешь от “а” до “я”. Слава богу, есть такая возможность, о каком детском саде ты можешь думать?

– Нет, ну чтобы обретал навыки общения со сверстниками – оправдывающимся тоном отвечала жена Борца. – А деньги что? Что, жалко их, что ли? На собственного ребенка! – Ей было неприятно оправдываться, она завидовала жене Казака, как та умеет гневаться, и, не владея этим искусством, сорвала себя в возмущение.

– Только в подготовительную группу часа на два, хоровод поводить, хором попеть – и все, не сверх того. – Жена Казака знала, что, когда гневаешься, у нее ярко и чисто загораются ее высокие острые скулы, и этот румянец ей идет – никакая косметика не даст такого эффекта.

Жанна слушала их, и ее больно, всю внутри словно выкручивая жгутом, раздирала зависть к обеим. Они устроили свою судьбу, поймали удачу, жизнь их была ясна и проста. В

отличие от ее жизни. Она чувствовала, что в Пьере назревает желание дать ей отставку. Боялась этого и не знала, что предпринять, чтобы этого не случилось. Напускала на себя вид, что все у них, как и раньше, капризничала на каждом слове, что ему, знала, ужасно нравилось в ней прежде, – и видела с отчаянием: все без толку.

– Ой, девочки, у меня с детским садом такой смешной случай связан, – начала она – чтобы не выпасть из общей беседы, хотя ее так и выворачивало от того трепя, что вели жены Казака с Борцом. Клуши. Настоящие, большие клуши. Почему клушам так везет в жизни? – Я помню, ходила тогда в среднюю группу...

– Жалко, что Надин не приехала, – не обращая на ее слова внимания – словно она и не раскрывала рта, – проговорила жена Казака. – Куда их понесло, интересно, если они сюда не приехали?

– В Швейцарию их понесло, на катере по Женевскому озеру кататься, – сказала жена Борца. – Ты же знаешь Муза, он любит на уик-энд в Европу смотаться.

– Да, Муз умеет делать такие подарки. – Теперь зависть отчетливо прозвучала и в голосе жены Казака. – В отличие от наших с тобой.

Жанна, улыбаясь, сидела с бесстрастным видом, ела мороженое с клюквенным соком, ложечка в вазочку – ложечка в рот, ложечка в вазочку – ложечка в рот, словно бы хамство жены Казака ее ничуть не задело. Паршивые клуши, стучало в ней, паршивые клуши! И эта жена Музыканта, их Надька, такая же клуша, ничем не лучше.

Ночью в постели, принимая в себя Пьера, она старалась так, чтобы челюсть у него от полученного блаженства целый день провисела бы на груди. Ну, ты у меня баба, ох, ты у меня баба, повторял он восхищенно, выливаясь в нее очередной раз. Достичь чего стоило изрядных трудов и искусства – сам он был музиком, вызвать восхищения никак не способным.

На рассвете Жанна проснулась от пения соловьев, проникавшего в комнату даже сквозь плотные стеклопакеты. Пьер лежал рядом на животе, тяжело положив ей на ноги свою ногу, нос у него заложило, и он с бульканьем, надрывно сопел им. Она осторожно высвободила из-под него ноги – он не проснулся, – встала, прошла к окну и так же осторожно, как вставала, открыла его. Соловьи ворвались в комнату оглушающим хором. Их было пять-шесть-семь. Это был настоящий симфони-

ческий оркестр. Жанна стояла, слушала их, и в голове стучало: неужели не повезет? неужели не повезет?!

Вместе с соловьиным пением в окно ворвался и запах гари. За ночь висевшие в воздухе частички сажи напитались влагой, и запах приобрел отвратительный тухло-прокисший вкус. Этот вкус волглого горелого торфа был вкусом ее страха, что Пьер даст ей отставку. Пусть мне повезет, пусть мне повезет, взывала она беззвучно. Почему если повезло этим клушам, не должно повезти мне? Пусть мне повезет, пусть повезет!

Из будки охраны рядом с гаражом вышел на крыльцо один из дежурных охранников. Потянулся, широко разметнув в стороны руки, подрожал ими в напряжении и, вытащив из брючного кармана пачку сигарет, выщелкнув изнутри сигарету, стал прикуривать. Пиджак у него остался внутри, он был в одной рубашке, и все его профессиональное снаряжение – два ремня через грудь крест-накрест, и около подмышек – торчащие рукоятками из открытой кобуры пистолеты – явило себя миру во всей своей скрытой обычно от стороннего глаза наготы.

Выпуская на выдохе дым, охранник поднял глаза и увидел Жанну, стоящую у окна. На лицо ему тотчас выплеснулась улыбка благожелательной готовности служить ей и услуживать, он потыкал пальцем в наручные часы на запястье, приложил руки со сложенными ладонями к щеке, изображая подушку, и затем, поднеся вперед ладонями руки к груди, помахал ими – как бы успокаивая ее, – что со всей очевидностью означало: еще рано, рано. Идите спите еще, это мой долг бодрствовать, а вы почивайте. Вы почивайте, отдохайте, а я вас здесь буду охранять и дальше, ни о чем не беспокойтесь.

Если бы это был мой дом, мой охранник, стоном стояло в Жанне, когда она закрывала окно.

На завтрак, в лучших традициях какого-нибудь отеля мирового уровня вроде “Шератона” или “Хилтона”, Горцем был устроен шведский стол. Можно было изобразить из себя чопорного англичанина и откусать мюслей с тостами, запив это дело чаем со сливками, можно было почувствовать себя французом – на плоском хрустальном блюде лежали, накрытые белой льняной салфеткой, горячие, только что выпеченные круассаны, а можно было дать себе волю и натрескаться вполне по-русски: и салат мясной, и салат куриный, и ростбиф, и бекон, и сыр с белой плесенью, и сыр с зеленой плесенью, и сыр простой, и сыр твердый, и еще ягоды с фруктами...

Все, впрочем, предпочли национальные традиции всяким иным. О круассанах, однако, не забыв.

– Нет, а почему я должен себе отказывать в круассане? – громко произнес Пьер, отвечая на подкалывание Борца, что и силен же он, однако, пожрать. – Я разве толстый? Я мощный, а не толстый. Жаннет, – посмотрел он на Жанну, – скажи ему, мощный я, нет?

– Еще какой! – отозвалась Жанна, подмачиваясь к нему и подлезая под его подмышку плечом.

В этот момент, когда притирала себя к его большому, тучному телу, ей вспомнился утренний охранник. И ей остро, с мгновенным ощущением тяжести над лобком, захотелось, чтобы это была подмышка охранника, а не Пьера.

Пьер, снисходительно принимая ее ласку, с посмеиванием поглядывал на нее и думал с болезненным, как-то скрежещуще, словно то была заржавленная якорная цепь, ворочающимся в нем чувством: клуша она клуша, но любовница! Хотя в самом деле закрой на все глаза и пусти к себе в жизнь на полных правах...

Борец, бросая в рот кедровые орешки, которые, по его сведениям, были необыкновенно полезны для здоровья, похмыкивал про себя от удовольствия. Он был рад, что сумел отплатить Пьеру его же монетой. Заметил, видишь ли, что налегал на трюфели.

– Круассаны, – сказал Филолог, в завершение завтрака отдававший предпочтение здоровой пище и сейчас во второй раз попросивший официанта положить ему фруктового салата, – круассаны, в принципе, – еда низов французского общества. Баловство, доступное малоимущим. Банкирам есть круасаны – моветон.

Он был набит кучей и вот таких сведений

– Это ты Надин у Муза просвети, – голосом самого простодушия заметила жена Казака. – Вот кто круассаны обожает. Прямо десяток их за раз своротить может.

– Ай, будем снисходительны к женским слабостям, – с тонкой улыбкой проговорил Горец. – Наденька – не банкир, ей простительно.

И опять все хототали – как вчера, – легко, раскрепощенно, на всю глубину легких, как только можно смеяться компанией, где все свои и равны. В словах Горца был подклад тайного смысла: за те лет шесть-семь, что жена Музыканта была ею официально, она необыкновенно растолстела и все не могла

обуздать этот процесс, обещая обрести совершенно королевские размеры. Как бы из скромных, малогабаритных “Жигулей” превращалась в джип “Форд икскершн”.

– Все же непонятно, что такое с Музом, – проговорил Казак, когда хохот сошел на нет.

– В Швейцарию они удули, в Швейцарию, – ответила ему жена Борца.

– Да перестань, – оборвал ее Борец.

– А почему нет? – вступилась за подругу жена Казака. – Было уже такое.

– Я ему припомню, что он мной проманкировал, – с тою же своей тонкой улыбкой сказал Горец. Он как бы шутил, но эту интонацию шутливости в голосе перебивала обида. – Если только его президент России с собой в Сочи на горных лыжах не позвал кататься.

– Если так, то отказаться было нельзя. – Филолог поглощал свой фруктовый салат с таким азартом, что, похоже, собирался покуситься и на третью порцию. – Кто б из нас отказался?

– Ох, и бизнес у него теперь пойдет, – протянул Борец. – Ох, пойдет!

– Зависть – сестра успеха, – основательно перефразируя кое-кого из классиков, – не удержался Филолог, чтобы не вытряхнуть из себя очередную порцию мусора прежней жизни.

– Ну-ну-ну, – осаживающе поводит в воздухе рукой Горец. – Никому не завидуйте – и будете счастливы. Кавказская мудрость.

Казак всохотнул:

– Мудрость мудростью, но перед этим надо приватизировать что-нибудь весьма доходное.

И опять все, будто по команде, обрушились в общий хохот – соглашаясь с Казаком, признавая его умозаключение хотя и цинично выраженным, но верным.

Часа три-четыре спустя Пьер обнаружил себя лежащим в гостиной на диване – в одних плавках, с шляпой на лице, словно прикрывался ею от бьющего в глаза солнца. Он лежал, содрал с лица полотняную шляпу, и никак не мог понять, что случилось, почему он лежит здесь и что значит эта шляпа. Потом ему вспомнилось. Это он заснул здесь. А шляпа на лице – потому что в комнате действительно было солнце и он оказался головой под его лучами. Нужно было перелечь в другой угол, но сил не

было. Минувшая ночь не прошла даром, его неодолимо повело в сон, он еле-еле добрался до дома – и, не одолев лестницы, чтобы подняться в отведенную им с Жанной комнату на втором этаже, рухнул прямо тут, в гостиной.

Охая и постанывая, Пьер спустил ноги на пол, потряс головой. Голова была как чугунная. Ну на хрен, подумал он о Жанне. Если так каждую ночь – куда к черту, затрахает за пару месяцев.

Рука, которой опирался о сиденье, наткнулась на какой-то предмет. Он произвольно взял его, посмотрел. Это был пульт от телевизора. Так же произвольно, как взял в руки, он нащупал на пульте кнопку включения и нажал ее. Или не так чтобы произвольно. Посидеть попялиться в экран, пока не очухался. Два дня, кстати, не глядел в сторону телевизора. Сплошная природа перед глазами два дня.

Экран вспыхнул, динамики оглушающе ударили звуком голоса. Пьер торопливо нажал на реверс, убавляя звук. Звук пришел в норму, можно стало слушать, но его отключило от голоса, что вещал с экрана. Он не слышал, что говорил голос. Он только видел. Он смотрел на экран как примагниченный – и сонную одурь вымело у него из головы, как сквозняком.

На заднем сиденье серебристого шестисотого мерса с распахнутой дверцей сидел Музыкант. Он сидел, съехав вниз, так что ноги его упирались коленями в спинку сиденья впереди, голова у него свалилась на грудь и вывернулась набок. Он был мертв, о том можно было заключить по одной его позе. Даже если бы его ослепительная белая сорочка не была залита красным. За ним, в глубине кабины, громоздилась фигура его жены. И по тому, как недвижна она была, ясно было, что дальнейшее увеличение габаритов ей больше уже не грозит. Камера взяла машину в другом ракурсе, спереди, – теперь на экране было водительское место, водитель, молодой культуристского вида парень с бычьей стрижкой, лежал лицом на руле, свесив вниз руку – то, что предназначалось хозяину, досталось и ему.

Пьера подкинуло с дивана, вопль вырвался из него, и с этим воплем он бросился из гостиной.

– Муза убили! – вылетел он из дома. – Муза! Убили!

Когда все собрались в гостиной у телевизора, мерса Музыканта на экране уже не было, и вообще показывали что-то совсем другое. Какую-то квартиру, в которую кто-то проник, похитил, а соседи заметили незакрытую дверь...

– А, это же криминальная передача сейчас идет, – сказал Казак. – В воскресенье в это время – обычно.

– Может, Пьер, тебе показалось? – спросил Горец.

– Может, это и не Муз был? – добавил Борец.

Пьер заорал:

– Какого хрена! Я что, идиот?! Болван?! Первый день меня знаете?

– Ладно, хорошо. Остынь. Возьми себя в руки, – дотронулся до его плеча, потрепал по нему Филолог. – А что там хоть говорили? Какой комментарий?

Пьер обнаружил, что в голове у него чисто, как чист свежий бумажный лист, вытщенный из пачки. Он ничего не слышал, что там говорилось. Не схватил ни слова. Будто у него начисто отключило слух. Заклинило – и только зрение.

– Давайте звонить на телевидение. У кого какие с собой телефоны есть? – предложил Филолог.

Ни у кого никаких телефонов с собой не оказалось. Все было у секретарей. Казак даже пролистал записную книжку в своем сотовом – нет, и у него никаких деловых телефонов записано не было.

Можно, конечно, было вызвонить сейчас помощников, погнать в офисы, но это означало, что все равно пребывать в неизвестности, ждать, и ждать неизвестно сколько... ждать ни у кого не было нервов.

Был еще вариант – звонить по знакомому милицейскому начальству, эти телефоны, все были уверены насчет друг друга, имелись у каждого, но этого варианта вслух не предложил никто. Не хватало только светиться по такому поводу у друзей-милиционеров. От таких друзей можно ждать больших радостей жизни.

– Ладно, – сказал Казак, поднимаясь, – испортили день. Завтра понедельник, все выясним. Я, пожалуй, домой.

– Да и я, пожалуй, – сказал Борец.

Пьер нашел взглядом Жанну:

– Мы тоже.

– Тогда и я, – присоединился Филолог. – Извини, Гор, что так...

Горец с горестным видом развел руками:

– Жаль! Но я не смею никого задерживать. Сам в не лучшем состоянии...

На воротах, открывая их перед подъезжающими машинами, стоял тот самый охранник, которого Жанна видела утром из окна. Она, не отрываясь, зная, что он не может разглядеть ее сквозь

тонированное стекло, смотрела на него все время, пока проезжали мимо, не понимая сама, зачем это делает. На лице у охранника было выражение вежливой равнодушной предупредительности. Уезжающий гость был уже чужаком, и улыбаться этому гостю не было необходимости.

– Почему Муза убили? – спросила она Пьера, когда водитель вырулил на шоссе, дал скорость и машина наполнилась обычным дорожным гулом, так что можно было разговаривать, не опасаясь быть услышанным впереди.

– Спроси меня, почему его не убили раньше, – сказал Пьер.

– То есть? – не поняла Жанна.

– То и есть, а не то есть! – поднял Пьер голос.

Жанна помолчала.

– А тебя могут убить? – спросила она затем.

– Каждого из нас могут убить, – сказал Пьер.

– Почему? – Жанне хотелось бы думать, что она ослышалась, но она знала, что она услышала точно то, что и было сказано.

– Зависть, – коротко произнес Пьер через паузу.

– Я за тебя замуж не выйду, – в свою очередь через паузу тихо проговорила Жанна. – Я жить хочу.

– А я тебя что, звал замуж? – ответил ей Пьер.

И дальше, до самой Москвы, ехали уже молча.

И молча ехали Борец с женой. И Казак со своей. И только Филолог всю дорогу разговаривал сам с собой, время от времени повышая случайно голос – и тем заставляя водителя оборачиваться к нему со своего сиденья: “А? Что вы сказали, Ярослав Александрович?” “Ничего, ничего, – неизменно отвечал Филолог. – Смотри на дорогу”.

Потом он поднял с сиденья рядом с собой сотовый и набрал номер.

– Ага? – откликнулся в трубке голос Борца.

Филолог помолчал мгновение.

– Извини, – сказал он затем, – не ту кнопку нажал. Хотел домой позвонить.

Он дал отбой и бросил трубку обратно на сиденье.

“Слушай, а тебе не показалось кое-что странным? – хотел спросить он Борца, с которым был ближе всех. – У Горца ведь точно есть диск с базой данных по всем конторам. А он, однако, даже не заикнулся о нем. Почему?” “Ты что, думаешь?..” – ответил бы ему Борец. И что бы тогда нужно было сказать Борцу?

– Жизнь дается только один раз. И прожить ее нужно... – громко проговорил Филолог вслух.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

“5 февраля 1997 г. (дата подчеркнута красной волнистой линией, – примеч. публикатора).

Была половина второго ночи, когда со мной снова произошло это. Я проснулась и увидела, что в открытую форточку вливает бело-сизое облачко. Точно так же, как в прошлый раз. Только теперь я не испугалась, не удивилась, скорее, обрадовалась и стала ждать дальнейшего. Мне даже показалось, у меня глаза раскрылись шире обычного, чтобы не пропустить ничего, что произойдет, а уши буквально наострились, как у собаки, – чтобы слышать самые тишайшие звуки. В прошлый раз я многого не запомнила, потому что боялась, вся истряслась и хотела только, чтобы все скорее закончилось.

Облачко втянулось в форточку, поднялось под потолок около окна, повисело там, потом перетекло под потолком к дальней стене, вытянулось веретеном, ткнулось в один угол, в другой, вновь собралось клубком и стало спускаться вдоль дверного косяка вниз. Тут, когда оно стало спускаться, я услышала звук. До этого оно было совершенно безмолвно, во всяком случае, я ничего не слышала, а когда начало спускаться, раздался такой мощный ровный гуд – несильный, едва уловимый ухом, но очень мощный, какой-то жгучий, и я поняла, что оно запаивает дверь. Оно опустилось до самого пола, гуд прекратился, и затем оно резким быстрым движением, как бы прыжком переместилось снова под потолок – только теперь прямо надо мной, и я услышала, как оно сказало оттуда: “Бог посетит народ свой!” И я тотчас вспомнила – это же говорило оно мне и в прошлый раз, только в прошлый раз я была такой оглушенной, что ничего не соображала, а сейчас в памяти у меня сразу вспыхнуло: так же оно сказало тогда. И вот что паразитально: голос его был тих, еле слышен, очень слабый голос – словно бы это воздух чуть шевельнулся, и в то же время это был голос, про который я не могу сказать по-другому, как громовой. Он меня прямо всю перевернул, меня словно током заколотило от него, я выпростала руки из-под одеяла и протянула к нему туда наверх: “Господь мой!” Я не знаю, или я это произнесла, или это прозвучало во мне внутри, но как только во мне ответно вспыхнуло это слово, я почувствовала, что поднимаюсь наверх к нему сама, одеяло с меня соскользнуло, и я осталась в одной рубашке.

Дальнейшее мне снова помнится не очень отчетливо. Вернее, вообще не помнится. Я не могу даже сказать наверняка: или мы вылетели с ним на улицу через форточку, или это исчезли, будто они вовсе не были железобетонными, сами стены моей комнаты. Я помню только, что облако обвивало меня всю, я была спелената в нем, как в коконе, и мы находились в каком-то пространстве вне земли, вне тьмы, вне света, вне – ничего, такое у меня было ощущение. И вот не знаю еще, как передать, видимо, это невозможно сделать при помощи слов: я была внутри него, как в коконе, и оно одновременно было внутри меня, оно было мной, а я была им, при этом я была такая маленькая, просто смешно – как кончик иголки, и в то же время такая громадная, невозможно сказать – я занимала собой всю вселенную.

А затем я увидела, что снова лежу на своей постели, облачко висит надо мной и слегка колеблется – как бы не может решиться уплыть от меня, хотя ему нужно сделать это, и я снова протянула к нему руки и закричала: “Не уходи!” Во мне была такая любовь к нему – я не могла ее вынести. Она была безмерная, эта любовь, она не вмещалась в меня, она была больше меня во столько раз, во сколько больше вселенная, как мне было оставаться с ней, когда оно уплывало от меня?!

Показалось мне или облачко вправду сказала: “Я вернусь”? Оно прыгнуло к двери, молнией обежало ее, распаивая с косяком, задержалось на миг у форточки – и исчезло в ней. Я посмотрела на часы у себя на столике. Была половина пятого. А дальше я заснула, и спала как убитая, и проснулась уже только в половине восьмого, когда мама пришла будить меня в школу: “Ты что, не слышала, будильник у тебя уже десять минут назад прозвенел?”

25 февраля 1997 г. (дата подчеркнута той же волнистой линией, сделанной красными чернилами, – примеч. публикатора).

Сегодня со мной снова произошло это, произошло в третий и в последний раз. Я догадывалась, что в последний и пыталась запомнить все, что происходило, все слова, которые были произнесены, все звуки, все его движения. И все же я не помню многого. Когда я уже снова лежала у себя на постели, я пожаловалась ему на это, и оно мне ответило: “То, что ты помнишь, тебе достаточно”. “Ты придешь еще?” – спросила я. “Прощай”, – сказала оно. “Но как же я теперь буду без тебя?” Оно мне сказала: “Я тебя не оставлю. – И добавило: – Теперь ты во мне не нуждаешься. Теперь ты должна выполнить свое назначение”. “Какое

назначение?” – спросила я. “Скоро ты узнаешь, не беспокойся”, – проговорило оно мне сверху – голосом, исполненным такой громовой силы, такой нежности, такой страсти и любви, что я вся переполнилась счастьем. Это было не чувство, это было что-то такое, что за пределами моих возможностей определить словами и передать через них, это было опять больше моих возможностей перенести, выдержать то, что испытываю, и глаза мне сомкнуло мгновенным сном, я даже не увидела, как оно покинуло меня. Но странно: если в предыдущий раз, что был вторым, мне было невозможно расстаться с ним, и все эти двадцать дней я просто с ума сходила от ожидания новой встречи, то сейчас во мне – ничего подобного. Я спокойна, мне достаточно самой себя, я уверена в себе, я ощущаю себя центром мира, его тяжестью, вокруг которой вращаются все планеты, солнца, галактики, я ощущаю себя матерью мира – именно так, я, Маша Петрищева из города Екатеринбурга, недавно еще Свердловска, шестнадцать лет без одного месяца”.

* * *

Мать рыдала, сморкаясь в платок, отец стоял рядом и механически гладил ее по плечу. “Ну что, твою за ногу, теперь что, что ж теперь делать, твою за ногу!” – повторял он, то ли пытаясь успокоить ее, то ли заговаривая сам себя. Они были простые люди, он – плотник на стройке, она – отделочница, и сдерживать свои чувства они не умели. Врач терпеливо ждал следующих вопросов. Он не испытывал к родителям большой ни сочувствия, ни неприязни, ни каких-либо иных чувств. Он работал психиатром уже двадцать лет, на его глазах уже тысячи людей попали под этот каток, облегчить ничьих страданий было невозможно, оставалось только заскорузнуть в равнодушии, чтобы не угодить под каток самому.

– А может быть, вы все же ошиблись, а? – отсморкавшись, с придыханиями, пересиливая рыдания, проговорила мать. – Дело-то тонкое, ошибиться, наверное, – пара пустяков. Испугалась греха своего, выдать, с кем была, боится, вот и наговорила ахинеи...

– Бывает, конечно, что со страху много чего наговаривают, – согласился психиатр. – Да ведь смотря что. В вашем случае все слишком ясно. И ведь она это все не рассказала, а в дневник занесла. Ярко выраженный шизофренический бред на религиозной основе. Сейчас, при современном всеобщем интересе к религии,

вполне объяснимо. Она, может быть, и в самом деле не помнит, с кем у нее, как вы выразились, этот грех вышел. Этот человек персонифицировался у нее в образе облака и так в ее сознании и существует.

Мать снова зарыдала.

– А я вижу, что она раздаваться стала, я, конечно, заподозрила, но чтобы так все обернулось...

– Что же делать, доктор? – спросил отец. – У вас же лекарства есть, медицина сейчас так много может. Она снова нормальной станет?

– Будем лечить, – сказал психиатр. – Не сомневайтесь. У нас, вы правильно заметили, есть сейчас всякие лекарства, да и другие способы... Отчаиваться не надо. Ну, а насчет беременности... Рожать ей, конечно, при тех лекарствах, которые мы ей даем и будем давать, никак нельзя. Для аборта срок пропущен, подождем немного – и сделаем искусственные. Закон нам это в данном случае позволяет.

– Да, да, конечно, сделайте! – по-прежнему колотясь в рыданиях, прохрипела содранным горлом мать. – Какой уж сейчас ребеночек, тут без выбора, лишь бы ее на ноги поставить...

Психиатр постоял около них еще немного, родители больной не задавали больше никаких вопросов, и он произнес:

– Хорошо, я пойду. Мои приемные часы вы теперь знаете, если что – всегда пожалуйста.

Он вынул из кармана халата ключ, открыл дверь, ведущую в отделение, и так же ключом закрыл ее теперь уже изнутри. Прошел узким тамбуром-коридором, заставленным белыми узкими шкафами, в которых хранилась уличная одежда больных для прогулок, к другой двери, отомкнул тем же образом и оказался в коридоре с палатами. Новый поворот ключа, которым дверь оказалась намертво соединена со своей коробкой, и врач двинулся коридором в сторону ординаторской. Была вторая половина дня, рабочее время близилось к концу, в эту пору он работал с карточками больных.

Сверху других на его столе лежала карточка шестнадцатилетней Маши Петрищевой, с родителями которой он только что встречался. Должно быть, принесли от гинеколога, к которому должны были сегодня водить больную. Шестнадцать лет – самый возраст, когда вылезают наружу все эти страшные психические отклонения, и можно, конечно, утешить родителей девочки, а себе должно сказать прямо: несчастная.

Он сел за стол, взял карточку Петрищевой и раскрыл ее. Да, точно, карточка пришла от гинеколога. Ну-ка, заскользили

его глаза по готическим строчкам коллеги, специализирующегося по женским органам, сколько месяцев беременности...

То, что он прочел, заставило его на какой-то миг внутренне замереть. У него даже проворшило под белой докторской шапочкой ознобным ветерком волосы. Гинеколог смог установить срок беременности лишь приблизительно, по наружному осмотру, потому что Маша Петрищева оказалась девственницей. Она оказалась девственницей, и он не решился лишить ее девства, осматривая матку.

Придя в себя, психиатр сорвал с телефонного аппарата трубку и набрал номер гинеколога. Пальцы у него, когда он накручивал номер на диске, прыгали.

Коллега оказался на месте.

– Ты уверен? – спросил психиатр.

– Чего же нет, – отвечивал гинеколог.

Должно быть, пауза, что последовала за этим, была слишком выразительна – гинеколог захохотал в трубке сочно и смачно, от всей души.

– Это бывает, бывает, – сказал он. – Балуетя с мальчиком, вглубь не решается, а у него изверглось. И все, попалась канарейка. Это случается. Не часто, но все же. Надо у родителей испрашивать согласие на нарушение. Все равно же или то, или то делать придется.

Психиатр положил трубку и еще некоторую пору сидел, глядя в голую белую стену перед собой, отходил. Здорово его тряхнуло. До селезенки пробрало.

Но сидеть, просто так смотреть в стену у него не было времени, и через минуту он вынул из кармана ручку, почиркал по чистому рецептурному бланку, проверяя шарик, и, уложив перед собой карту больной Петрищевой поудобней, стал вносить в нее свою запись.

Как она догадалась, что уколы, которые ей начали делать, это совсем не те, что делали прежде? Отбивалась от медсестры, выхватывала из рук шприц и бросала его об пол. Пришлось надевать на нее смирительную рубаху, завязывать рукава, но и в рубахе она умудрялась биться ногами, изворачиваться, и, чтобы сделать ей очередной укол, приходилось наваливаться на нее разом несколькими санитаркам. “Ироды, ироды! – кричала она. – Вы же хуже Ирода! Хуже Ирода!..” На губы ей, когда кричала, вылезала изо рта

белесая пена. Психиатр, придя к ней, пытался успокоить ее, положил на лоб ладонь, она извернулась и изо всей силы, позвериному, больно, до кости укусила психиатра за палец, залив себе рот его кровью. “Отмени приказ! Что ты делаешь, отмени приказ! – кричала она ему. – Не понимаешь ничего?! Что ж ты делаешь?! Не понимаешь, кого убить собрались?!”

Вскрикнув от боли, ругнувшись про себя, психиатр отскочил от нее, зажал прокушенный, залитый кровью палец в ладони. На мгновение в нем шевельнулось то ознобное мистическое чувство, что посещало его уже однажды – когда, раскрыв карту, увидел запись гинеколога, – но боль была сильнее всего прочего, и следом ей изнутри поднималась волна ярости. Паршивка! Конечно, больная, конечно, не отдает себе отчета в своих действиях, но он тоже живой человек, и терпение его тоже имеет предел!..

Он прошел в процедурную, медсестра промыла ему палец перекисью водорода, помазала йодом и туго забинтовала, чтобы остановить кровь.

– Давайте каталку, отвезем туда в отделение, где ей все предстоит, пусть уже будет там, – отдал он распоряжение медсестре.

Петрищева буянила и на каталке, дергалась, пыталась соскочить на пол, и снова, пока везли, пришлось находиться при ней целой группе – держать ее и не давать подняться.

Организм у нее оказался великолепным: схватки начались идеально в срок, когда должно было сказаться действие влитого ей в матку натрия хлорида, мышцы напрягались мощно и сильно, волны судорог шли по нарастающей, и вот между безвольно раскинутыми, отнявшимися ногами в черном зеве ее девственного влагалища появилась головка. Гинеколог, чтобы облегчить больной процесс и ускорить его, наложил на головку щипцы и в несколько движений вытянул убитый натрием хлоридом плод наружу. Это был уже совсем сформировавшийся ребенок, мальчик, только еще ненормально маленький для доношенного младенца. Акушерка подставила белый эмалированный таз, и гинеколог, перенявший плод руками, бросил его туда. Послед выскользнул в таз спустя несколько минут весь полностью, не оставив после себя внутри ни клочка. Но все же гинеколог на всякий случай прошелся по матке кюретой, продезинфицировал там йодом, разогнулся и выступил из ущелья, образованного раскинутыми ногами рожавшей.

– Финиш, – сказал он, обращая свой взгляд на стоявшего

все это время в сторонке психиатра. – Я свое сделал. Теперь снова ваша забота.

– Моя, моя, – согласился психиатр, глядя на лицо больной.

Оно было истерзано болью, обескровлено, отчуждено от жизни, глаза закрыты, не лицо шестнадцатилетней девочки, а лицо старухи, только без морщин, – на него было невозможно смотреть. Но еще невозможней было смотреть в белый эмалированный таз. И однако глянуть туда тянуло неудержимо, и, не в силах противиться силе, что поворачивала его голову в сторону стоявшего на полу таза, психиатр глянул.

Он глянул – и шапочку на лбу ему двинуло вздыбившимися под ней волосами. Вокруг головы младенца стояло ослепительное, ровное соломенное сияние, оно заполняло собой весь таз, и белая эмаль внутри словно горела ярким устойчивым пламенем.

“Видишь?” – хотел он спросить своего коллегу, указав пальцем, но голос не послушался, и рука не двинулась. Сияние между тем стало слабеть, меркнуть, колебаться – как бы из него уходила жизнь, – волны тени пробежали по нему, и оно исчезло совсем.

– Видел? – только после этого сумел произнести психиатр.

– Что? – спросил гинеколог. Отойдя к раковине, он снимал с рук перчатки, и по тому, как спросил, было ясно, что ничего он не видел.

Психиатр глянул быстро на всех остальных, находившихся в родовой. Лица их свидетельствовали о том, что им тоже не пришлось наблюдать ничего необычного.

– Так что “видел”? – переспросил от раковины гинеколог.

– Нет-нет, ничего, – торопливо отозвался психиатр. Он ступил к своей больной по имени Маша Петрищева поближе и дотронулся до ее шестнадцатилетней старушечьей щеки ладонью. Медленным тяжелым движением глаза его больной открылись. Она встретилась взглядом с психиатром, и губы ее проше-велились.

Он не разобрал, что она произнесла.

– Повтори, пожалуйста, – попросил он. Хотел – ласково и умиротворяюще, а выговорилось скачущим голосом, со страхом и ужасом.

– Ирод проклятый, – разобрал он на этот раз.

* * *

– Врачи этой специализации часто кончают тем же, чем и их пациенты, – сказал писателю его прежний школьный товарищ,

теперь врач-гинеколог, с которым они по случаю встречи зашли в пивную неподалеку от лечебницы, где тот работал. Подул на пену, освобождая в ней для губ прогалину, и, как та возникла, сделал быстрый глубокий глоток. – “Палату № 6” у Чехова помнишь? Вот, точно по такому сценарию, типичная история. Он решил, что это было второе пришествие Христа. Тем более что имя у нее, как и у Богоматери – Мария. И вот, получалось по нему, что Ирод тогда, две тысячи лет назад, хотел Христа убить – и ему это не удалось, а мы не хотели – но убили. Тяжелая история.

– И что с ним стало? – спросил писатель, тоже отдувая пену от края кружки, но вместо того, чтобы окунуться в открывшуюся прогалину губой, ставя кружку обратно на стол. Он был непьющим и взял пиво за компанию. – Так и лежит у вас?

– Нет, уже не лежит. – Приятель писателя оторвал руку от кружки и быстро, мелко перекрестился. – Царствие ему небесное. Представился. Такая жуткая интоксикация началась, такая разбалансировка всего организма – никак спасти не могли. Что ни делали – все без толку. В два месяца сгорел. Здоровый, цветущий мужик был. Умирал – какая-то черная головешка от него осталась.

Писатель вслед своему приятелю школьной поры тоже перекрестился. Таким вдруг пахнуло в их разговоре, что рука сама попросилась сделать это.

– А с той его больной что? – спросил он. – Тоже, как с ним, что-нибудь?

– Про нее ничего не знаю, – сказал приятель. – Врать не хочу, а ответить не могу. Она сбежала. В смысле, из больницы. Видимо, договорилась с кем-то из младшего медперсонала, подкупила, принесли ей одежду и выпустили. Утром как-то встают – а ее нет. Там нет, здесь нет. Думали, кончила с собой – нет, нигде не нашли. Исчезла. Кто-то пронес одежду и выпустил.

– А кто? Выяснили?

– Как выяснишь? Скандал был, конечно. Ездили к ней домой, там искали, но мать с отцом, видимо, прикрыли ее – не выдали. Так что ничего я о ней не знаю. Извини!

– Жалко, что не знаешь, – пробормотал писатель. – Было бы любопытно...

– О, Анатолий! – воскликнул его приятель и полез под стол, вытащил оттуда свой портфель. – На ловца и зверь бежит. Недаром из Москвы приехал. Зачем это у меня будет храниться. Пусть у тебя. Как раз для твоих рук. Глядишь, и в писаниях как-нибудь пригодится.

– О чем ты? – не понял его писатель. – Яснее можешь?

– Сейчас, сейчас, Анатолий, – сказал приятель писателя, открывая портфель. И достал изнутри бело-затертую, потрепанную тетрадь, какими пользуются в школе ученики старших классов. – Вот, тот самый дневник этой девочки. Мне его этот покойный несчастливец отдал, когда у него еще просветления случались. В одно из таких просветлений. Возьмешь?

Писатель протянул руку.

– Давай. Это интересно.

Его приятель допил свою кружку, выпил его, они вышли из бара, распрощались и пошли каждый в свою сторону. Приятель писателя – домой, к семье, к своим обычным, рутинным семейным делам, а писатель – прогуляться еще немного, подышать родным воздухом, набрав его в себя с запасом. Ноги привели его в небольшой зеленый скверик с шуршащей под ногами гравийной дорожкой, по обочинам дорожки кое-где стояли брусчатые садовые скамейки. Он сел на свободную и раскрыл тетрадь.

“15 января 1997 г., – наткнулись его глаза. Дата была подчеркнута красной волнистой линией, сделанной, видимо, рукой покойного психиатра. – Сегодня ночью со мной произошло нечто такое, чему я сама не верю. Я открыла глаза, будто я совсем и не спала перед тем, и увидела, как в открытую форточку влетает облачко...”

Пальцы у писателя задрожали, его заколотило ознобом изнутри – он почувствовал, что не может читать дальше. Так искренни, так чудесны, так свежи были эти строки. Неужели эти строки принадлежали душевнобольной? Они дышали ясностью, чистотой, здоровьем, они были прозрачны, напоены внутренней силой и мощью, – это не могла писать повредившаяся рассудком, уж он-то знал толк в слове!

Писатель посидел на скамейке еще немного, держа тетрадь на коленях и не смея открыть ее вновь, потом встал и пошел из сквера на улицу. На стене дома, к которому он вышел, его внимание неожиданным образом привлекла полицейская доска с объявлениями о розыске пропавших людей. Он остановился перед ней, глаза его пробежались по фотографиям неизвестных ему людей и замерли на одной. Это было юное, чудесное, светлое лицо девушки лет шестнадцати, и под ним, с выделенными жирным шрифтом именем и фамилией шел текст: “Разыскивается Мария Павловна Петрицева, 1981 года рождения, исчезнувшая 10 сентября 1997 года из областной психиатрической лечебницы. Приметы...”

КУБУЛМА КИШИ

Рассказ

Джарадар

Джумагул из урочища Тегерек был молод. В свои тридцать пять лет даже среди бывалых охотников-волчатников он снискал непререкаемый авторитет. Седовласые аксакалы, истребившие за свою жизнь не одну сотню серых хищников, с уважением пожимали его могучие руки, если он имел честь посетить их дом.

Два глубоких шрама, оставленные волчьими клыками на скуластом лице охотника, придавали ему вид мужественный. А присвоенную людьми кличку – Джарадар, что означало “Раненый” – он носил достойно и гордо. По-другому его никто не называл. Чуть сутуловатая, мощная фигура, с покатыми плечами, таила в нём недюжинную силу. В крючковатых, мосластых ладонях утопала рука среднего мужчины. Глаза даже в полузакрытом состоянии могли свободно разглядеть на сером фоне далёких скал еле приметные силуэты архаров и козерогов. Как это ему удавалось, он сам не знал. Просто верил, что эти способности ему даны свыше.

Сын волчатника должен был стать волчатником. Отец Джумагула с малых лет брал его на охоту. Первого волка начинающий охотник убил в десять лет из малокалиберной винтовки, сидя рядом с отцом в засаде на приваду¹. С пятнадцати начал выслеживать и скрадывать хищников в одиночку. К двадцати годам уже набрался опыта и знал не хуже других охотников повадки «серых злодеев»!

¹ Привада – туша мёртвого животного, служащая приманкой.

Если где-либо заводилась стая или начинал разбойничать волк-одиночка, чабаны присылали гонца к Джумагулу с просьбой избавить от напасти. Несмотря на его молодость, к нему обращались часто. Он брал карабин и ехал разбираться с хищниками.

Но однажды случай круто изменил жизнь волчатника.

Произошло это десять лет назад. Джумагул сидел около юрты и прошивал сыромятными нитями, сделанными из лошадиной кожи, седло. Он старался строчки делать ровными и одинаковыми, чтобы никто не смог раскритиковать его за небрежность к одной из главных вещей в его жизни. Сколько помнил себя охотник – всегда с ним рядом были: седло, нож, камча и ружьё. Без этих вещей он не был бы горцем – сыном охотника, превзошедшим своего отца в мастерстве.

Рядом с юртой протекал ручей. Его исток был недалеко, и вода прозрачной струёй булькала чисто и звонко. Солнце поднялось высоко над хребтом, давая знать, что наступило время обеда. Охотник закончил шить, полюбовался красивой строчкой шва и пошёл за чайником. Вдалеке скакал всадник. Джумагул остановился, чтобы встретить гостя. На лошади без седла сидел испуганный мальчишка из соседнего стойбища. Он, захлёбываясь в волнении и страхе, прокричал:

– Джумагул-байке²! Там волк убил собаку! Убил лошадь! Убил баранов! Одного украл... Я видел... Большой волк... Как ишак... Страшный!

Охотник сразу поверил, что волк «как ишак», так как детей чабанов мало чем испугаешь, а здесь страх был виден в глазах мальчишки, а рука с плёткой, указывающей направление, немного дрожала.

Джумагул быстро оседлал коня, взял оружие, и поехал за мальчиком. То, что он увидел, не удивило его. Только волк мог устроить такую бойню: по залитой кровью поляне валялись мёртвые овцы. Лошадь со вспоротым брюхом лежала невдалеке. У кустов, распластавшись в луже крови, лежала собака. Оставшиеся в живых овцы жались к юрте. Волки, разгоряченные запахом крови, всегда режут больше скотины, чем могут съесть или унести.

Мальчик рассказывал. Отец, уехав на несколько часов в соседнее стойбище, спокойно доверил охрану отары десятилетнему наследнику – пусть привыкает. Губы маленького чабана дрожали, но он изо всех сил старался держаться достойно.

² Байке (*кырг.*) – уважительное обращение к старшим.

– Я стоял у юрты и смотрел на баранов. Из кустов выскочил большой волк. Собака кинулась на него, но зверь был в два раза больше пса и разорвал его сразу. Потом бросился на стреноженную лошадь. Кусал ей задние ноги. Она брыкалась, но копыта до волка не достали. Когда конь упал, зверь ему рвал брюхо и горло. Даже не ел. Я спрятался в юрту, смотрел, как он гонялся за овцами и кусал их. Я закричал. Конь, который был привязан у юрты, ржал и топал ногами. Я застучал кочергой по тазику. Волк схватил одного барана и убежал.

– Куда? – спросил охотник, всё ещё рассматривая залитую кровью поляну.

– В тот распадок, – мальчик указал в сторону небольшой щели с сухим ручьём.

– Сиди в юрте, никуда не ходи. Привяжи моего коня, – приказал Джумагул и направился по волчьему следу.

Капли бараньей крови шли отметинами через равные расстояния. Охотник наклонился, окунул палец в кровь. Она потянулась густо и клейко.

– Прошло не более получаса! – решил Джумагул. – Выследил же, когда хозяин будет в отлучке. Хорошо, малыш сообразительный – в таз забил. Испугал. Не то всю отару бы перерезал. Если волк несёт добычу самке с волчатами, значит идёт в логово. Если это волк-одиночка, он заляжет где-нибудь в укромном месте и будет насыщаться.

Пологий распадок спускался в небольшую речную долину широким конусом, где стояла чабанская юрта. Редкие кусты арчёвого стланика выползали из чёрных щелей каменных дыр. Хаос скального нагромождения уходил к перевальной части до самой вершины. Там он немного закруглялся, будто желая отдохнуть перед спуском на другую сторону хребта. Охотник прошёл несколько сот метров, всматриваясь в красные отметины. Вскоре наткнулся на кровавую лужу – здесь волк останавливался, – отдыхал.

– Ай, ай! Как наследил, – улыбнулся Джумагул, увидев волчий след, выпачканный кровью, – устаёт! Значит немолодой и скоро ляжет обедать.

Впереди показался перевальный участок. Охотник передёрнул затвор карабина – нужно быть начеку. Вокруг росли невысокие кусты барбариса, которые не могли бы укрыть и ягнёнка. Поэтому охотник только уголками глаз ловил окружающее пространство, не выпуская из виду пунктир тёмно-красных пятнышек, так похожих на блестящие одиночные конфетти.

За перевалом простиралась пологая осыпь из мелких камней, на которой темнели пятна одиночных скальных обломков. Волк мог притаиться за любым из них и спокойно пожирать добычу.

Джумагул лёг на вершине, положил рядом карабин и через бинокль повёл взгляд по ниточке оставленных следов. Они чётко просматривались в солнечном блеске на матовой поверхности серых камней. Многообразие кровавой дорожки исчезало за первым крупным скальным осколком. Там мог быть волк! Охотник долго, до усталости в глазах, всматривался в тёмную глыбу. Ему вдруг показалось, что у левой грани каменного скола несколько раз мелькнули какие-то бурые пятна.

– Волк там! – догадался Джумагул, – разделяет барана.

Пригнувшись, охотник побегал по невидимой стороне водораздела, пытаясь найти место, откуда увидит зверя.

Скальное укрытие было защищено с трёх сторон огромными валунами. Там и находился зверь с добычей. Открытая часть была направлена прямо на то место, где залег охотник.

Джумагул смотрел, как волк насыщался, выедая тёплую требуху. Зверь был крупный, матёрый, о чем говорил охристый цвет на боках и бровях. Череп его был массивен, мощное тело держалось на мускулистых нервных лапах, одна из которых прижимала баранью тушу.

– Поешь, поешь напоследок, – шептал Джумагул, плотно прикладывая карабин к плечу. Грудь волка прикрывала баранья туша и, значит, стрелять нужно было в голову. Охотник поймал на острие прицела точку между надбровными дугами лба.

Волк ел жадно. Глотал куски мяса, иногда поднимая морду и вслушиваясь в тишину. В один из таких моментов раздался выстрел. Голова зверя дёрнулась и упала на растерзанную добычу.

Перезарядив оружие, охотник спокойно подошёл к волку. Рана на лбу зверя показалась подозрительно простой, похожей на глубокую царапину, из которой мелкими каплями сочилась кровь. Приглядевшись, он увидел, что пуля не пробила лобную кость, а скользнув по мощному лбу, лишь содрала кожу и оглушила зверя. Джумагул поспешно вытащил нож, чтобы перерезать хищнику горло, и перевернул волка на спину. Но тот вдруг дернулся, и, изогнувшись, вцепился клыками в лицо охотника.

От неожиданности нож выпал. Джумагул, упёршись в шею зверя, невероятным усилием оторвал его от себя и, опоясав шею волка кольцом своих огромных ладоней, яростно сжал пальцы.

– А, у меня кровь горячее! – орал охотник, превозмогая боль от раны и задыхаясь от смрадного дыхания, идущего от перемазанной кровью волчьей морды.

Джумагул из последних сил вдавливал большие пальцы в мягкий пух гортани зверя, преодолевая бешеное сопротивление волка. Золотистые глаза хищника пылали ненавистью и злобой, он изворачивался, чтобы вырваться из железных тисков могучих рук охотника. Страшные клыки лязгали прямо у лица Джумагула, но охотник не ослабевал хватку. Наконец надтреснутый, хрипловатый рык вырвался из стиснутой глотки и волк обмяк...

С той поры прошло десять лет. Кличка «Джарадар» прочно закрепилась за Джумагулом. Он больше не брал в руки карабин, отправляясь на охоту за волком. Им двигала неудержимая страсть азарта – доказать, что человек хитрее и сильнее серого хищника. Теперь его не прельщала скоропалительная охота. Иногда Джумагул выслеживал зверя месяцами, сутками просиживая в специальных засадах. Не беда, что за сезон он убивал два-три волка, зато слава Джарадара крепла с каждым годом. Несколько недель назад к нему из Большого города приехал знакомый, учёный по волкам, и привёз в подарок новые геологические сапоги. Он попросил добыть зверя так, чтобы шкура и скелет были целые. И главное, чтобы Джумагул доставил его не позже суток после смерти волка. Ученые сами снимут шкуру для чучела, проверят содержимое желудка, исследуют зверя на болезни и извлекут целый скелет.

Добыть такого волка мог только Джарадар.

Мергенчи

Орозбай был волчатником. Добрым помощником в его трудной работе считался пес Джульбарс – помесь собаки с волком. Имея потомственную связь с диким зверем, но выращенный у людского дома, он люто ненавидел своих братьев. Был смел и хитер, как волк, и предан человеку, как собака.

Орозбай забыл своё настоящее имя и не откликнулся на него. Все звали его Мергенчи, что означало «Охотник». И новое имя он носил уже двадцать лет.

Небольшой рост, выносливость, хорошее знание местности и снайперская меткость давали Орозбаю преимущество перед другими охотниками на волков. Своим единственным конкурентом он считал Джарадара. Но тот давно перестал охотиться на серых хищников по-настоящему, и своими причудами удивлял всех.

Мергенчи давно ждал пороши, чтобы унять зудящее желание открыть охоту на расплодившихся за лето обнаглевших зверей. Пятнадцать овец и две лошади были зарезаны волками этим летом в их урочище. Охота на приваду и капканами не принесла результата.

Звери, уставшие от многовековых преследований со стороны человека, легко распознавали ловушки. Кроме человеческого духа, они научились улавливать и страшный запах железа, особенно если он соприкасался с кровью. Сибирские собратья горных волков легко ловились на рожон. Волк, родившийся в тьянь-шанских горах, никогда не пытался бы достать кусок мяса, висевший выше его головы, чтобы потом с позором ждаты своего убийцу-человека, с зажатой лапой в расщеплённом шесте. Игнорировал он и красные флажки, которые пугали весь остальной волчий род земного шара. Звериный слух, обоняние и ум приспособлялись к новым ухищрениям и изобретениям человека. Мергенчи помнил, что ещё десять лет назад волчью стаю можно было взять на подсадного барана, посаженного в загон из нескольких рядов колючей проволоки. Сейчас же на этот «номер» волк не шёл. Хоть эту самую колючую проволоку в бараньи кишки, словно в сосиску, засовывай. Даже время, в 10–15 дней, которое обычно отводилось на выветривание человеческого запаха, или обмазывание проволоки и столбов конским и бараньим навозом, – все бесполезно. Охотники неделями просиживали у привад, задыхаясь от запаха гниющего мяса. Лишь иногда проскальзывала невдалеке мутная тень разведчика и исчезала, словно бестелесный призрак. А в это время стая резала скот в ближайшей кошаре, хозяин которой решил посидеть на приваде, дабы отомстить «серым разбойникам» за набеги.

Этим летом Мергенчи не нашёл ни одного волчьего логова. Выслеживал с собакой след, в надежде, что он выведет его к жилищу волка. Но чуткие звери так хитро путали свой путь и вводили в заблуждение натасканных псов, что, чаще всего, сделав круг, охотник возвращался к исходной точке. А без знания местонахождения логова не могло быть и речи об удачной охоте.

И вот выпал первый снег, который выдавал любой след за сотню метров. У Мергенчи чесался указательный палец на правой руке, так давно он не нажимал на спусковой крючок.

Собаку охотник решил не брать. По первой пороше самому взять волка – высшее удовольствие для волчатника...

Тускло-жёлтое солнце еле пробивало утреннюю мглу,

которая висела неплотным сгустком над урочищем Тегерек. Но его яркости было достаточно, чтобы издалека заметить пунктирную строчку отпечатков лап прошедшего зверя. На свежавыпавшем снегу отчётливо виднелся волчий след. Он шёл ровной строчкой по направлению к видневшимся впереди скалам, торчащими отдельными чёрными клыками из заснеженного купола пологих холмов. С одной стороны скальные останцы подпирала крупнообломочная осыпь. Снег не укрыл её полностью, и чёрные провалы между камней смотрелись глубокими язвами червоточин, придавая склону пепельно-серый цвет.

Мергенчи присел на корточки, внимательно осмотрел след, пощупал вмятины: волк прошёл один, так как стая, даже ступая след в след, оставит для опытного охотника улики, известные ему. Отпечаток лапы чётко выделялся своей рельефностью и был слегка приглушён осыпавшимся снежным пушком с края следа. Мякиши пальцев были широкими и округлыми. Только матёрый волк имел такую форму следа, похожего на след рыси.

Охотник выпрямился и быстрым шагом пошёл параллельно следу. Ранний октябрьский снег лёг этой ночью на промороженную землю, и был пушистым и суховатым. Его скрип напоминал лёгкий стон. Он слегка прилипал к подошве сапог, но быстрому продвижению не мешал.

Зверь прошёл не более часа назад. Мергенчи подумал, что достигнет волка. Догонит на расстояние выстрела и «влепит» из надёжного карабина горячую пулю под левую лопатку. Азарт охватил охотника и он торопился. Почти бежал, стараясь не сбивать дыхание, которое необходимо для удачной стрельбы.

След тянулся прямолинейной строчкой к останцу и пропал в тёмном провале скалы. Мергенчи знал этот район и ещё он знал, что сквозного прохода у этой щели нет! Если волк еще не вышел из проёма – значит, он там.

Охотник взял наизготовку карабин и медленно начал подходить к месту, где должен был находиться зверь.

Вокруг стояла обычная безгласная горная тишина, нарушаемая лишь криками черных птиц, нервно суевившихся невдалеке на голых ветках сухого арчёвника. Студенистый ветер стекал с гор и не мог преждевременно потревожить зверя, поэтому Мергенчи не боялся быть обнаруженным раньше, чем они встретятся – волк и человек. Глаза охотника не видели ничего, кроме округлых вмятин следов в снегу. Казалось, что они ещё хранят тепло звериных лап. Но, подойдя ближе к скалам,

Мергенчи встревожился: левее волчьих отпечатков, но в противоположном направлении, из щели выходил след человека.

След был свежий и местами перекрывал следы зверя. В голове охотника все смешалось. В щель между скалами вошел волк, Мергенчи знал это наверняка. Если там в это время был человек, то куда делся зверь? Почему волк позволил человеку спокойно уйти?

В клиновидной теснине стояла тень и Мергенчи, как пристально не вглядывался в нее, не смог различить в щели ни малейшего движения. Наконец охотник решился двинуться вперед, прижимая к плечу поднятый карабин. Осторожно вошел в теснину, в любое мгновение ожидая нападения затаившегося хищника. Волчий след, не дойдя до конца щели, внезапно оборвался, а дальше, в метре от последней лапы зверя снег был взрыхлён и виднелись два четких отпечатка ... человеческих рук.

Мергенчи так и застыл с поднятым к плечу карабином. Выпученными от ужаса глазами он взирал на эти отпечатки. Они были такими огромными, что охотник мог свободно засунуть обе свои руки в один из этих отпечатков. Внезапная догадка молнией пронзила воспаленный мозг Мергенчи, словно разбудив в нем спящие детские страхи. Всплыли в памяти пугающие воображение ребенка рассказы взрослых о демонических существах с медными когтями и огромными клыками, нападающих на одинокого путника. Волосы под шапкой Мергенчи начали шевелиться.

– Кубулма Киши³... Кубулма Киши, – дрожащий шёпот сорвался с его губ, – Человек-волк... Оборотень... Кубулма Киши. Волк с умом человека... Человек с жестокостью волка. Что, может быть страшнее... Кубулма Киши?..

Не снимая приклада карабина с плеча, Мергенчи прижался похолодевшей от страха спиной к скале, и ещё раз внимательно осмотрел следы на снегу: «Вот здесь он встал на задние лапы! Из когтей вылезли пальцы, и он встал по привычке на четыре конечности, оставив следы рук». Перед мысленным взором Мергенчи происходило перевоплощение волка в человека: у существа выпрямлялась спина, укорачивались зубы, исчезала пасть, шерсть превращалась в одежду, вытягивались ноги, раздавались плечи и вставал Кубулма Киши на две ноги, чуть отступив от следов бывших лап. Гортанный рык переходил в бормотанье. Оборотень, наверное, улыбнулся и пошёл убивать всех, кто встретится на его пути...

³Кубулма Киши (*кырг.*) – оборотень. Дословно «меняющийся человек».

Охотник почувствовал, как отвратительный мистический страх вполз через ноги, царапнул позвоночник, остро кольнул в затылок и холодным потоком залил руки, которые предательски задрожали. Вжимаясь в скальную стену и постоянно оглядываясь, Мергенчи боком вышел из полумрака щели, пошёл по человеческим следам, внимательно их изучая: отпечаток от сапога был чёткий, рельефный. Посредине протектора ясно отпечаталась буква «М».

Ноги будто обмякли, и предательская дрожь в коленях мешала двигаться быстро.

– Идет как волк! Зверь останется зверем, в какую шкуру его не наряди! – думал охотник, всматриваясь в следы сапог, прямолинейной цепочкой идущих к стойбищу. – Необходимо спешить, пока не случилось беды!

Вскоре показалась кошара и небольшой чабанский домик, в котором обычно собирались мужчины посёлка, чтобы попить чай и поговорить. Вот и сейчас Мергенчи увидел четырёх коней, привязанных к коновязи. На одном из них, на морде, висела торба⁴ и он увлечённо жевал овёс. Другие же, косили завистливые глаза в сторону счастливого.

Направление следа вело к кошаре, но самих отпечатков Мергенчи уже не видел. Двор был истоптан людьми и конями. Мешанина из грязи и снега спрятало тайну Кубулма Киши...

Мергенчи и Джарадар

– О – о – о! Что, я расскажу! В наш аил зашёл оборотень! Он где-то здесь недалеко! Следы привели сюда... - проговорил Мергенчи, заходя в дом.

– Какой оборотень? Что ты мелешь? – закричало несколько голосов.

– Я сам видел, как он превратился из волка в человека. От страха я не мог стрелять. Я видел, как зашёл Кубулма Киши в аил.

– Расскажи, расскажи подробнее.

На небритом лице дрожали посиневшие губы, а глаза выражали изумление и тупой страх. Никто никогда не видел этого бесстрашного охотника в таком состоянии. Всегда уверенный и смелый Мергенчи теперь был похож на ягнёнка, напуганного

⁴ Торба – небольшой мешок с овсом, надеваемый лошади на морду.

волчьим оскалом. Он начал говорить глухо, бесчувственно, но постепенно, по мере приближения к страшной развязке его голос начал крепнуть, придавая повествованию больше правдивости и тревожности. Охотник жестикулировал, то повышая, то понижая интонацию голоса. Он приврал: «Сам видел, как волк вошёл в щель, откуда нет выхода и через пару минут оттуда появился человеком. Я потом изучил след – он от новых сапог, какие носят геологи. Такой обуви, в нашем стойбище – нет».

Окна в доме были завешаны коврами ручной работы и фонарь «Летучая мышь» тускло освещал удивлённые и испуганные лица чабанов. Отголоски старых историй, услышанных когда-то у костра на стойбищах, обрывки древних легенд о страшных монстрах, таящихся в ночном мраке, зашевелились в их памяти, холодя душу леденящим ужасом. Казалось, по углам темной комнаты заметались чьи-то едва уловимые тени. То один, то другой из слушателей в панике оглядывался: не подкрадывается ли к нему человек-оборотень, злобный Кубулма Киши, чтобы впиться клыками в горло несчастной жертвы.

Едва Мергенчи закончил рассказ об оборотне, как в наступившей тишине раздался такой громкий хохот, что слушатели невольно вздрогнули, решив, что сам Кубулма Киши пожаловал в эту комнату. Нервы у всех готовы были лопнуть, словно перетянутая струна на комузе. И пара молодых чабанов даже вскочили от неожиданности на ноги, взирая в испуге на смеющегося человека.

У самой двери стоял охотник со шрамом и буквально рыдал от хохота. Слезы текли по крупному лицу Джарадара, по двум бороздкам глубокого шрама и по подбородку. Охотник утирал их рукавом своей куртки.

Все недоуменно смотрели на Джарадара, пытаясь понять смысл происходящего. И постепенно в памяти мужчин, сидящих в доме, всплывал недавно услышанный рассказ об удачной охоте Джарадара. Теперь они уловили связь между ним и испуганным Орозбаем-Мергенчи. Удивление сменилось улыбками, и вскоре все разразилось безудержным смехом.

Растерянным и опустошённым взглядом Мергенчи смотрел на друзей, пытаясь уразуметь причину столь заразительного веселья – ведь он только что сообщил о грозящей опасности, а они подняли его на смех. Раскатистый хохот сыпался из открытых ртов и громче всех, согнувшись в поясе, смеялся охотник из соседнего кишлака – Джарадар.

Внезапно тот остановился и приподнял сапог.

– Ты эти отпечатки следов видел?

Мергенчи пригляделся и различил на подошве букву «М». Он побледнел и трясущимися губами прошептал: «Кубулма Киши...»

– Да, да! Это я – Кубулма Киши! А в сарае «брат» мой лежит. Пойдем, покажу.

Он схватил Мергенчи за рукав, потащил в кошару и отдернул полог брезента. Волчья мёртвая пасть была чуть приоткрыта и виднелись мощные клыки, перемазанные кровью.

– Я залег под брезентом вечером до ночного снегопада, поэтому ты не видел моих вчерашних следов, – говорил Джарадар еще не отошедшему от своих недавних потрясений Мергенчи. – Поэтому и волк не почуял моего присутствия. Ветра не было, когда горизонт начал развевать ночную мглу. Тогда и появился волк. Он почуял мою приманку, слегка подкопченную тушу собаки, за несколько километров. Привада висела на волосяном аркане в расщелине без выхода. Я веревку в травах выварил и смазал бараньим пометом чистыми перчатками, чтобы зверь ни малейшего человеческого запаха не учуял. В том месте я четырех волков взял. Если бы хоть одного упустил, для всего волчьего племени моя западня стала бы «табу». Как-то сообщают они друг другу об опасном участке. Этот подходил осторожно, нюхая воздух, останавливаясь. Но, видать, голодный желудок крутил зверю живот, а запах крови доводил волка до одури. Я видел сквозь небольшую прорезь в брезентовой накидке, как впалые бока зверя ходили под ржавой шерстью, обрисовывая очертания голодных ребер. Все же он зашел в щель и схватил приманку.

Джарадар умолк, а Мергенчи, глядя на оскал мертвого волка, представил, как Джарадар одним движением сбросил брезентовый полог и прыгнул в расщелину со скалы на оторопевшего от неожиданности волка. Как сплелись в один узел человек и зверь в страшной борьбе за жизнь. В его ушах словно зазвучал дикий вопль, полный дикой злобы. Не разберешь, где в нем крик человека и где рык свирепого зверя. Представил, как отбросив обмякшего волка, обессиленный Джарадар, с трудом разжав скрученные судорогой пальцы, воткнул свои огромные ладони в снег.

– Кубулма Киши, Кубулма Киши, – чуть слышно бормотал Мергенчи, переводя испуганный взгляд с огромного мертвого волка, лежащего перед ним на грязном полу кошары, на изуродованное глубокими шрамами лицо Джумагула. Обычному человеку не в силах справиться с таким чудовищем!

Джарадар обреченно вздохнул, услышав тихие слова Мергенчи. Видимо, ему предстоит привыкнуть к своему новому прозвищу. Впрочем, подумал Джумагул, оно ничуть не хуже прежнего.

*Центральный Тянь-Шань. 1988 г.
г. Смоленск. 2014 г.*

Александр ИВАНОВ

РАССКАЗЫ

ПИСЬМО

Когда Павел, задумчиво взяв из шкатулки лежащий сверху конверт, скользнул по нему взглядом, гримаса боли исказила его красивое, молодежливое лицо, окаймленное коротко стриженной седой бородкой. Он инстинктивно отдернул руку, словно то была ядовитая змея, и пожелтевший от времени конверт хищно спикировал на полированную поверхность письменного стола. Господи, да что же за напасть такая! Как могло оказаться здесь, среди их с женой переписки, это давнее, очень давнее письмо, само существование которого он столько лет тщетно пытался вытравить из памяти? А, может, – мелькнула спасительная мысль, – это совсем другое письмо? Ведь Федору по тому же адресу он писал не раз, пока друг после свежего диплома «Политех» бригадировал на строительстве школы в Тюпе.

Слегка подрагивающими от волнения пальцами Павел достал из разрезанного сбоку конверта тетрадный листок в клеточку, испещренный его мелким убористым почерком. Уже первые строки, проглоченные им мгновенно, развеяли затеплившуюся было надежду. Увы, перед ним то самое злополучное письмо, которое он считал навсегда исчезнувшим из его жизни. Исчезнувшим вместе с Федором, чья жуткая смерть десять лет тому назад потрясла и... успокоила Павла. Но письмо внезапно всплыло, словно затонувшая пиратская лодка, чтобы вновь бередить, настырно брать на бордаж его душу.

Пробегая глазами фиолетовую вязь фраз, сложенных им, как всегда, четко и ясно, Павел невольно возвращался мыслями к тому крайне неприятному событию, что побудило его тогда

сразу же взяться за перо. И хоть сам он внутренне противился воскресению былого, память без всякой натуги, с подчеркнутой готовностью стала преподносить ему одну картину за другой. Как будто автоматически сработала система пуска компьютера, и на экране стали возникать кадры, снятые в ту далекую пору...

После майской жары прохладное, ветренное лето спустилось с гор и задержалось в Бишкеке. Обычно в это время Павел сбегал из города на Иссык-Куль, но на сей раз купальный сезон откладывался, и он решил не торопиться. А тут еще Алексей, его закадычный дружок, предложил провести маленькую вечеринку по случаю своего дня рождения. Сам он жил на частной квартире и деликатно, походив вокруг да около, намекнул, что неплохо бы воспользоваться отсутствием родителей Павла, уехавших погостить к родственникам в Россию, и повеселиться вволю в его апартаментах.

Павел подумал и согласился. Его самого это очень даже устраивало. Уже около года он встречался с Вероникой, своей будущей женой, но ему никак не удавалось побыть с ней наедине, в обстановке, способствующей близости. Посиделки в кафе и клубные молодежные тусовки стали вызывать в нем раздражение. Едва вспыхнет страсть, забурилит, закипая, кровь, как приходится все гасить, давать отбой. Увы, недоумевал он, насилие над другими возбраняется, жестко пресекается, а над собой – пожалуйста, даже приветствуется. Ах, какое, дескать, у него самообладание! Хотя любое насилие – порок.

Теперь появился повод пригласить Веронику к себе домой. Его друзей, Алексея и Федора, да и их пассий она знает и вряд ли станет жеманиться.

– Тогда сам свяжись с Федей, – сказал он Алексею, – и договорись обо всем. И пусть заранее предупредит свою красавицу, чтобы накладок не было. В застолье мужик без девичьи, как сапог без подошвы. Своим кислым видом всю погоду испортит.

– Телефона-то у него там, в Тюпе, нет, придется через переговорный пункт вызывать, – вздохнул Алексей. – Канительная история. Может, проще телеграмму отбить?

– Не морочь голову. Он же безадресный, связанный лишь со стройкой, телеграмма задержится, а то и затеряется. Дозвониться надежней. Время еще есть.

Павел на несколько месяцев младше своих друзей, но последнее слово всегда за ним. Сказывалось, видимо, то, что он был бессменным старостой их курса. Да и вообще на

стройфаке, как отличник, спортсмен, Павел Звягинцев значился среди самых, самых... Не случайно, едва окончив институт, сразу стал инженером проекта в головном тресте.

Друзей своих он всячески опекал, старался поддерживать, помогать им. Тому же Федору, который завалил экзамены по двум основным предметам и как огня боялся пересдачи, грозило отчисление с четвертого курса, не вмешайся вовремя Павел. В политехе как раз формировался стройотряд для строительства кошар в дальних урочищах Нарынской области. Командиром отряда по рекомендации Павла был назначен Федор. Газеты тогда на все лады расхваливали студентов, работающих на высокогорных объектах. В статьях, на фотографиях Федор выглядел героем: то он ведет кирпичную кладку стен, а лица стоящих рядом подопечных выражают неподдельное восхищение; то распекает нерадивых парней, по чьей вине оказался скошен угол крыши; то верхом на гнедом скакуне мчится наперегонки с молодыми чабанами...

Известным только Павлу способом эти газеты подбрасывались нужным преподавателям, и осенью без всяких вопросов Федору были обеспечены отличные оценки. Подобная слава хоть и быстротечна, однако и впоследствии оказывала ему услуги. Благодаря свалившейся на голову известности он познакомился в тот год с очаровательной Луизой, сводившей с ума многих парней политеха. Ему удалось увести ее из-под носа очередного дыхателя и крепко-накрепко привязать к себе. Возникающих конкурентов он отваживал тяжелыми, как кувалды, кулаками.

Дом, в котором жил Павел с родителями, считался по тем временам весьма крепким, с лихвой подходящим для проживания их небольшой семьи. Две просторные комнаты да кухня-столовая, вмещающая по праздникам до десятка гостей, – чего еще надо? Венчала дом добротная сделанная мансарда, куда забирались по приставленной снаружи лестнице и где летом, погуляв допоздна и не желая беспокоить родителей, любил спать Павел. За спиной дома раскинулся посаженный отцом сад, в котором соседствовали яблони и груши, вишни и сливы. Кроме той части плодов, что шла прямоком с деревьев на стол, что-то уходило на варенье, что-то на сушку, что-то хранилось до весны в сумеречной прохладе глубокого, обложенного речным камнем, подвала. Впоследствии, похоронив родителей, Павел перестроил и расширил весь дом, но сад не тронул.

День рождения Алексея собирались отметить на свежем воздухе, в садовой беседке, куда при надобности легко кочевал имевшийся в запасе раскладной стол. Но к вечеру с запада поползли тяжелые тучи, подул порывистый ветер, назревала гроза, и молодежь предпочла расположиться в столовой.

Когда на столе появились традиционные закуски семидесятых годов – винегрет, шпроты, селедочка под шубой, а в кастрюле закипела слегка подсоленная вода для пельменей, Павел, вздернув смоляную бровь, скосил глаза на Алексея.

– Где Федор?

– Сам удивляюсь, – развел руками Алексей. – Два дня назад я говорил с ним по телефону, и он твердо пообещал, что как штык нарисует здесь сегодня в семь ноль-ноль.

– Он и мне позвонил, попросил подойти прямо сюда, в это время, – капризно поджала пухлые алые губки Луиза. И тут же заступилась за Федора: – Опаздывать – это так на него непохоже!

– Ждем пятнадцать минут, и начинаем, – распорядился Павел. – Придется ему пить штрафной стакан «Столичной».

Подождав, сели за стол в надежде, что Федор вот-вот появится.

– Хорошо хоть предмет сегодняшнего торжества на месте. Без меня как-то и пить вам было бы неудобно, – пошутил Алексей. Рослый, загорелый, с белозубой улыбкой он действительно соответствовал своей роли именинника.

– Тебя, Алеша, хоть в центр стола вместо торта сажай, – сказал Павел.

– Только не режьте меня на куски, не режьте! – тоненьким голоском, дурачась, завопил Алексей.

– Ну, уж этого я не позволю! – решительно заявила Валя, невеста Алексея, прижимаясь к его плечу. – Таких частных собственников, как я, больше не сыскать.

Луиза бросила на нее загадочный усмешливый взгляд.

Первый тост по обыкновению за Павлом. Стопка с водкой, налитой до самых краев, замерла в его руке. Голос задушевен и тих.

– Господь дарует нам родителей, а вот друзей мы вольны выбирать сами. От нас зависит, чтобы это тоже было на всю жизнь, и не возникало потом сожалений об ошибочности выбора. У меня два друга – Алеша и Федя. Лучше, надежней не бывает. У Алеши сегодня праздник. Значит, и у нас праздник. Что же тебе пожелать, дружище? Любви? – Он посмотрел на сияющего Алексея и прильнувшую к нему Валю. – Но ее у тебя, как напиток

в моем сосуде, и без того под завязку. В делах ты также преуспеваешь. Оно и естественно: человек сполна получает то, чего он достоин. Желаю, мой друг, и прошу у небес, чтобы тебе в порядке исключения выдали счастья и удач сверх всех лимитов! Да будет так!

Чокнувшись, все выпили. И тут раздался звонок в калитку.

– Вот, наконец, и Федя! – обрадовался именинник. – Пойду, встречу. А вы ему пока штрафной налейте.

Вернулся он растерянный, с телеграммой в руках.

– Срочную прислал. Меня поздравляет, сам приехать не может. Комиссия из области к ним на стройку внезапно нагрянула. Жаль, очень жаль!

Федор был отменным анекдотчик и балагур. Это как острая приправа для компании. Конечно, все огорчились, что вечер пройдет без него. Луиза встала, статная, погрузневшая, и начала прощаться. Коли нет ее парня, то и ей нечего здесь оставаться. Еще рано, провожать ее не надо, сама доберется. Поднялся галдеж, особенно усердствовали, уговаривая Луизу, девчонки. Зачем ей уходить? Раз у Феде не получилось приехать, пусть хоть она, его подруга, честь по чести отпразднует день рождения Алеши. Вероника даже подошла к ней и, обняв за плечи, усадила на место. Павел про себя отметил, насколько юной, хрупкой и непосредственной выглядела она при этом. И проникся к ней еще большей нежностью.

Луиза, возможно, продолжала бы сопротивляться, но тут мощно и раскатисто ударил гром, а следом за ним из разверзшихся небес хлынули потоки дождя. Покидать компанию в такой момент было безумием. Когда же за окном поутихло, а в головах от выпитого, наоборот, зашумело, включили танцевальную музыку. «Ты сегодня, Алеша, в ударе, – сказал Павел, отведя товарища в сторонку. – И потому тебе сам Бог велел окружить своим вниманием не только собственную, но и Федькину даму. Потанцуй с ней тоже, поразвлекай, чтобы она не скучала». – «Валя коситься будет», – попытался отмахнуться Алексей. «Давай без обсуждений», – поставил точку Павел, ни на минуту не отлучавшийся от Вероники.

Ближе к полуночи стали расходиться. Звонкое чистое небо было усыпано звездами. Валя и Луиза жили неподалеку, в этом же, что и Павел, районе БЧК, и Алексей отправился их провожать. Сам он квартировал у черта на куличках, на окраине Пишпека, и потому договорился с Павлом, что переночует у него на мансарде.

Та ночь была для Павла верхом блаженства. Она напоми-

нала ему неповторимый величественный Иссык-Куль – то тихий, баюкающий в своих упругих и ласковых водах таинственный лик луны, то необузданно и яростно вздымающий в высь гигантские мутные волны, то устало отдыхающий у пологих песчаных берегов, чтобы, вновь наполнившись желанной силы, явить себя миру в дикой и несказанной красе... Все прежние случайные связи с женщинами казались ему теперь такими пустыми и никчемными, как барахтанье в застойном пруду. Только истинная любовь, думал он, окрашивает плотскую близость в неземные, возвышенные тона, только благодаря ней в человеке пробуждаются одновременно первородное буйство и чувство безоглядного блаженства.

Бережно покинув постель со спящей Вероникой, Павел поднялся и вышел в алую тишь рассвета. Легкий ветерок, меняя направления, задумчиво бродил по кронам садовых деревьев, словно перелистывал вперед-назад страницы понравившейся ему книги. Все вокруг было насыщено такой благодатью, таким умиротворением, что захватывало дух. А тут еще вполголоса запел, защелкал соловей, и колдовское очарование окружающего мира переполнило сердце Павла, где и без того было тесно от счастья.

Захотелось распахнуться настезь, поделиться охватившими его чувствами с близким ему человеком. Но не будить же ради этого Веронику! Другое дело Алеша, в полном-то одиночестве он наверняка выспался. Павел поднялся по лестнице на мансарду, открыл легкую дверь и уже намеревался гаркнуть: «Подъем!», и тут же осекся. На смятой, истерзанной постели лежал совершенно голый его друг, а рядом с ним блистала глянцевою наготой Луиза. Форточку они, видать, забыли открыть, и в помещении витал затхлый неприятный запах.

Павла едва не стошнило. Попятившись назад, он чудом удержался на лестнице. Дома налил стопку водки и выпил одним глотком, не закусывая. «Вот сволочи, ну, твари! – кипел, метал громы и молнии Павел. – Как это могло случиться? Притом в моем доме. Да за это!..». Он сам ощущал себя подло, грубо обманутым. Кружил по столовой, забыв про кипящий, булькающий чайник. И все-таки слух уловил удаляющийся перестук каблучков, тихий говор и скрип закрывающейся калитки. Хотелось броситься вослед и высказать все, что он думает по этому поводу. Но он сдержался: еще не хватало устраивать разборки на улице.

Вскоре вернулся Алексей.

– О, здесь у тебя прямо парная! – улыбнувшись, подошел к газплите и выключил чайник. – Давай заварим покрепче, а то после вчерашнего голова болит.

Он вел себя так, будто ничего не случилось. И это особенно взбесило Павла. Приблизившись к нему вплотную, он взял его за грудки и сильно потрянул. Посыпались пуговицы с рубашки.

– Ты что, Паша, спятил? – возмущился Алексей. – Мне теперь полдня их пришивать. – Хоть был он крупней Павла, но даже не пытался сопротивляться.

– Ну, и похотливая же ты скотина! – на лице Павла появилось брезгливое выражение. – Не ожидал от тебя такого, не ожидал. Плюнуть на дружбу, плюнуть на братство, которое нас связывает. И ради чего? Ради мелкой, пакостной интрижки, которую ты затеял? Нет, Лешка, тебе прощения, как бы ты ни выкручивался.

– А можно для начала хотя бы объяснить, что произошло, в чем я виноват?

– Тоже мне волк в овечьей шкуре... Полтора часа назад меня вдруг потянуло пооткровенничать с тобой, как с близким человеком, и я заглянул на мансарду. Дальше, надеюсь, продолжать не надо?

– Не надо. – Алексей сразу сник, сгорбился, стал сам на себя не похож. Повисло тягостное молчание. Пряча глаза, он заговорил: – Глупо оправдываться, да я и не собираюсь этого делать. Но все повернулось так неожиданно... В общем мы провозили Луизу до ее дома, потом я посадил Валу на троллейбус и пошел назад. Смотрю, у калитки меня поджидает Луиза. Мать с отчимом устроили ей разнос и не пустили домой. Вот она и возвратилась сюда. У тебя уже свет был погашен. Попросилась на мансарду, куда-нибудь в уголочек, чтобы до утра прокантоваться.

– И ты, поверив этой фигне, распустил слюни и предложил ей свою постель? – насмешливо, с издевкой спросил Павел.

– Тебе со стороны легко рассуждать... А тогда... К тому же я прилично выпил. Она тоже. Когда поднялись по лестнице и очутились в темноте, словно с ума сошли. Такая страсть обуяла, что всю память отшибло.

– Лучше бы тебе отшибло... ты понимаешь, о чем я.

– Но ведь не зря говорят: все мы есть дети обстоятельств. Они лепят нас, как дети лепят фигурки из пластилина.

– Ну и ну! Под содеянную мерзость философскую базу подводишь. Мы должны творить обстоятельства, а не наоборот. Переспал с невестой друга и еще юлишь, ищешь лазейки.

– Скажи, а ты, оказавшись на моем месте, сумел бы устоять, не поддаться соблазну?

Павел глянул на него исподлобья, усмехнулся.

– У каждого, Алешка, свое место, и каждый сам отвечает за свои поступки. Знаю только наверняка: через друга бы я не переступил, а сучку вон бы вышвырнул. Или у тебя к ней любовь, и ты даже готов жениться? Это многое бы меняло.

– Ни в коем случае! – замахал руками Алексей. – У меня же Валя. Мы с ней как одно целое. А тут бес попутал...

– Эх, ты! Мужик называется. То она попросила, то бес попутал...

– Перестань, Паша, меня тиранить, – взмолился Алексей, вытирая платком взмокшее лицо. – Да, я виноват. Каюсь, каюсь, каюсь!.. Чего еще тебе надо?

– Мне? – Павел сделал удивленное лицо. – Абсолютно ничего. Что же касается Феде, то, сам понимаешь, ему решать.

– А он... он откуда об этом узнает? – запинаясь, спросил Алексей.

– Мальчики, с добрым утром! О чем интересненьком вы здесь говорите? – на пороге столовой стояла Вероника, обводя друзей ясным взглядом счастливого человека, каким еще недавно чувствовал себя и Павел.

– Да так... Подводим итоги дня рождения Алексея и сожалеем, что Феде не было с нами, – нашелся Павел. Он зачарованно смотрел на Веронику, такую родную, с огромными черными глазами на белом узком лице, и вновь наполнялся нежностью, и все остальные чувства мелели, пригасали и отступали прочь. Ах, как же он оплошал, как же он промахнулся, когда ранним утром отправился делиться охватившим его восторгом не к ней, своей суженной, а на чертову мансарду!

С приходом Вероники атмосфера в столовой резко изменилась. Они пили крепкий цейлонский чай, который мать Павла иногда доставала благодаря знакомству с работницей продбазы, шутили, посмеивались друг над другом, рассказывали всякие забавные истории, приключившиеся с ними в детстве.

– Мы жили тогда в доме барачного типа возле завода имени Ленина, – вспоминала Вероника. – К нему примыкал крохотный дворик, где ничего, кроме диких кустов жимолости, не росло. Иногда туда заходил громадный рыжий кот. Увидев меня, а мне тогда было лет девять-десять, он выгибал колесом спину, шерсть на загривке у него становилась дыбом, и он, угрожающе шипя, выступал из кустов в мою сторону. Я вообще была трусиха,

а его боялась безумно, и тут же пускалась наутек. Но однажды все переменялось. Около нашего крыльца в сбитой из древесного хлама будке обитал приبلудившийся щенок. Очень ласковый, добрый. И вот возвращаюсь я как-то домой и вижу такую картину. Щенок лакает из миски остатки вчерашнего супа, а на него из кустов надвигается рыжий котяра. Набывчившись и воинственно шипя, он приготовился к прыжку. Откуда только прыть у меня появилась. Схватив попавшуюся под руку палку, я огрела ею кота. С тех пор при моем появлении он драпал изо всех кошачьих сил. А мой страх как ветром выдуло.

– Да здравствует щенок! – шутливо воскликнул Павел. – Спасая его, ты преодолела страх.

– Но без рыжего кота тоже ничего не было бы, – возразила Вероника. – Как ни странно, я иной раз думаю о нем с благодарностью.

Попрощались Павел с Алексеем без прежней теплоты, весьма сдержанно. Хоть и было выявлено в их разговоре, казалось бы, все, что необходимо, однако разъединяющая полоса оставалась непреодолимой. Покаявшись, признав себя виноватым, Алексей надеялся на снисхождение друга. Тот же, выслушав и, вроде бы, поняв, что и как у них с Луизой случилось, напрочь отказывался принять это.

Когда Павел остался дома один, обида за Федора навалилась на него с новой силой. Пока мужик с утра до ночи мотается в Тюпе со сдачей объекта, его невеста и друг бесстыдно закрутили меж собой пошленький, гаденький роман. О чем ему, естественно, не известно. И что же дальше? А дальше он возвращается во Фрунзе, добрый, балагуристый, и с прежней открытостью, любовью и симпатией относится к тем, кто сотворил за его спиной подлость. И выглядит дурак дураком. Неведение превращает сильного в слабого, мудрого в глупого, делает порой из человека посмешище. Разве он, Павел, имеет право допустить это? Его друг должен знать правду, а как ею распорядиться – ему самому решать.

Размышляя таким образом, Павел сразу же взялся за письмо. А чего, собственно, тянуть? Чем раньше точки над і расставлены, тем лучше.

Письмо, написанное по горячим следам, с фотографической точностью изображало то, что произошло в день рождения Алексея. И нетерпеливое ожидание их маленькой компанией его, Федора, приезда, и охватившее всех огорчение после получения

от него телеграммы, и разговоры за столом, вперемешку с выпивкой и танцами. Не скрыл Павел и своей просьбы к находившемуся в ударе имениннику уделять внимание не только Валентине, но и Луизе, которая собралась уходить, когда выяснилось, что Федора не будет. Без особых эмоций, стараясь оставаться беспристрастным, он поведал товарищу о проводе гостей и о том, что увидел утром, заглянув на мансарду. Подробно, в деталях, был передан разговор с Алексеем, объяснившим, как и почему все случилось.

Завершая письмо, Павел извинился за свою промашку: ему надо было поддержать Луизу и еще в начале вечера отправить ее домой.

«Теперь, Федя, ты знаешь всю правду, пусть горькую, но правду, – писал он. – Это лучше неведения или сладкой лжи. Поступай, как считаешь нужным, в таком деле советы лишни. При любом раскладе можешь рассчитывать на мою полную поддержку».

Письмо, как уже бывало, Павел отправил на адрес Тюпского строительного-монтажного Управления с пометкой: вручить лично Федору Зайцеву. Поскольку сам Павел работал в головном тресте, тамошнее начальство хорошо его знало и весьма оперативно передавало поступавшую от него почту обозначенному на конверте адресату.

Павлу казалось, что Федор, человек вспыльчивый, импульсивный, тут же примчится во Фрунзе, устроит выволочку Алексею, а Луизу пошлет ко всем чертям. Впрочем, о ней он как-то не переживал. Если девица проявила себя так в статусе невесты да еще с другом жениха, то чего ожидать от нее в дальнейшем? Пусть катится в тартарары, ей теперь нет среди них места. Его беспокоило, его заботило другое: не наломал бы дров Федор в разборке с Алексеем. Ведь их дружба, проверенная временем, может пострадать, а то и вовсе разрушиться, коли дело дойдет до мордобоя и таких оскорблений, после которых сожженные мосты не восстановить. Но как помешать этому? Все настолько тонко, настолько затрагивает сугубо личную сферу отношений, что вмешайся он со своими советами, и Федор, чего доброго, порвет еще и с ним. Нет, все от него зависящее – открыть Федору глаза – сделано, а больше... ни судьей, ни адвокатом он быть не намерен.

Прежде, как правило, Федор на выходные приезжал из Тюпа. Остановившись у своих родителей, которые жили в ближайшем от центра микрорайоне, и приведя себя в порядок,

он непременно договаривался с друзьями о встрече. Частое общение стало для них такой же освежающей необходимостью, как глоток родниковой воды в жаркий день.

Нынче же в этой системе Федора что-то сломалось. Уже третью неделю он не давал о себе знать. Видимо, затаился, обдумывает, как поступить в столь щекотливом, сложном положении, в котором он внезапно очутился. И это хорошо, считал Павел, поскольку спонтанные решения подобны любовой атаке с ее бессмысленными жертвами.

Алексея тоже мучила, точила тревога. Столкнувшись с ним в коридоре треста, куда тот приехал по делам своего Управления капстроительства столичного горисполкома, Павел заметил, как осунулся, похудел его друг, как он был подавлен. Ему даже стало жаль парня. Приобняв Алексея за плечи, он поинтересовался, все ли у него в норме на личном и общественном фронте?

– Федор-то хоть появлялся? – вместо ответа спросил Алексей.

– Нет, – помотал головой Павел. – Словно испарился, исчез наш друг с горизонта.

Алексей испытующе посмотрел на него:

– Как думаешь, Федор знает, что у меня с Луизой тогда случилось?

– Конечно. Я ему сразу написал об этом.

– Эх, Паша, не туда тебя течением понесло, не туда, – с нескрываемой болью и обидой произнес Алексей. – Лучше бы ему ничего не знать. А уж я свою чашу вины сам до дна выпью.

Павел нахмурился.

– По-твоему Федору было бы лучше, скрой я от него вашу подлость? Ты о себе и Луизе печешься. Это вам выгодно, чтобы все было шито-крыто. А надо, мой милый, по-честному: карты на стол – и баста. Кто их в рукаве прячет? Только шулеры. И вообще, ты сделал свой ход, я – свой, теперь ход за Федей.

– Возможно, ты и прав, – нехотя согласился Алексей. – Хорошо хоть Валя с Вероникой не в курсе. Иначе мне легче было бы, – он провел ребром ладони по горлу.

Еще через неделю Федор, наконец, объявился и протрубил сбор. Пригласил встретиться в кафе «Сон-Куль», да не одних друзей, а с невестами. Что бы это значило? Какие только предположения ни строили Павел и Алексей, какие только мысли и предчувствия ни обуревали их, но то, что произошло на

встрече, так поразило обоих, что они долго потом не могли прийти в себя.

Федор был в ярко красной рубашке и черных брюках, Загорелый, с выгоревшими до известковой белизны русыми волосами он излучал торжественность и доброжелательность, как посол самой дружественной страны.

– Я попросил вас прийти по жизненно важному для меня поводу. Честное слово, мне очень приятно, что вы откликнулись на мою просьбу, – заговорил Федор, обводя всех блестящими голубыми глазами. – Уже очень давно многое крепко нас связывает. И принятое мной решение, которое, признаюсь, далось нелегко, я впервые хотел бы озвучить именно перед вами.

– А можно попроще, без официоза? – не выдержал Павел. – Это так на тебя не похоже!

– Потерпи, Паша, – мягко обрезал его Федор. – Тон соответствует содержанию моей короткой пламенной речи. Итак... Это решение кардинальным образом меняет мою жизнь. Впрочем, не только мою. В чем оно заключается? Я женюсь! Жениться по любви – огромное счастье. У меня будет прочная и нерушимая, как Советский Союз, семья, будут дети, продолжатели моего рода. Луиза с радостью согласилась стать моей женой. Правильно я говорю? – Сидевшая подле него Луиза молча кивнула. Чувствовалось, она была обескуражена всем происходящим, хотя вида не подавала. – Свадьба у нас через неделю, – продолжал Федор. – Почему спешим? На то есть причины. По традиции нужны свидетели, чтобы они своими подписями скрепили нашу любовь, верность и желание вместе быть навсегда. В связи с этим у меня предложение, надеюсь, вы его поддержите. – Тут он сделал паузу. Павел с Алексеем напряглись, ожидая подвоха. – Со стороны жениха свидетелем пусть будет мой друг Алеша, а со стороны невесты – Вероника. У кого какие возражения? Нет? Вот и замечательно. Тогда давайте вкусно поедим, слегка выпьем и разбежимся. Простите, нас с Луизой ждут великие дела.

Уже выйдя из кафе и улучив момент, когда их девушки увлеклись разговором, Алексей спросил Павла:

– Что-то я не пойму, получил он твое письмо или оно, дай-то Бог, затерялось в почтовых лабиринтах?

– Сам не пойму. С другой стороны, почему бы ему не плюнуть на ваши мансардные утехи и не жениться на Луизе? Ведь он ее, судя по всему, любит. И по-настоящему. А преграда, хоть и гаденькая, тоже проверка любви на прочность.

– А, может, он просто-напросто дурачит нас и никакой свадьбы не будет? Или во время свадьбы он разыграет сенсационное разоблачение и прибьет меня и Луизу ржавыми гвоздями к позорному столбу?

– Ну, да! Мужик вбухивает в мероприятие все кровные накопления ради такого театрального жеста? Нет, эта роль не для него. Он здесь, в кафе, мог выдать вам все, что думает. Впрочем, чего гадать? Через неделю все прояснится.

Свадьба была не слишком шумной и многолюдной, но веселой, с песнями, танцами и плясками. Федор пил мало, со счастливой улыбкой выслушивал поздравления, при возгласах «Горько!» подолгу целовал свою красавицу-невесту, вальсировал с ней, наслаждено придерживая ее за податливую талию, балагурил в кругу друзей – в общем, все в нем говорило о том, что он доволен женитьбой на Луизе.

Сама же Луиза напоминала уверенную в своих силах стремительную лань, легко идущую к желанному водою близ лежбища тигра. Щекочущая ноздри опасность лишь возбуждала ее, заставляла ускорить шаг и еще больше подчеркивала грациозность ее движений.

Сложней всего приходилось Алексею. Он до того боялся «проколоться», что всячески сторонился Луизы, вел себя так, будто она с ней едва знакомы. Такого рода демонстративность чаще всего выглядит весьма странно и рождает сомнения.

– Вы что, поссорились? Из-за чего? Когда? – допытывалась у него Валентина. – Молчишь? Значит, что-то утаиваешь. Ладно, я все равно узнаю.

А тут еще Федор, хищненько улыбаясь, стал подначивать:

– Станцуй, как дружка, с моей молодой женой. У вас должно хорошо получиться.

Алексей хлопнул стакан водки, ноги у него начали заплетаться, он рухнул на поставленный вовремя Федором стул, да так и просидел до конца свадьбы.

Павел наблюдал за всем этим в полном разбросе мыслей и чувств. Неужели пришел конец их дружбе? Или все устанится, устоится, как арычная вода в ведре, и отношения меж ним наладятся? Многое так запуталось, что мнимое от реального уже не отличить.

Вскоре Федор делает новый, теперь уже карьерный рывок. Каким-то чудом, а, может, благодаря еще стройотрядовскому

имиджу, он оказался в кресле инструктора Фрунзенского горкома партии. Каждый инструктор курировал определенный участок работы, Федору, естественно, было поручено строительство.

Во властной иерархии того времени партийные комитеты пребывали на самом верху. И пусть зарплата инструктора уступала его прежнему заработку, чутье подсказывало Федору, что возможности компенсации здесь велики. И со своими друзьями он уже вел себя не как прораб сельской стройки, а как чиновник, который имеет право вызвать любого из них на ковер, приголубить или наказать. Конечно, ему, дескать, не с руки этим пользоваться, но на всякий случай имейте в виду...

Теперь они встречались гораздо реже. Вслед за Федором Павел и Алексей тоже сыграли свадьбы, забот у всех прибавилось. Да и возникшее в их отношениях напряжение, хоть вроде бы и ослабело, но готово было в любой момент вызвать искру. А ведь раньше они вместе так умели расслабиться!..

Однако их все еще тянуло друг к другу. Сказывалась и тайна, связанная с письмом: читал ли его Федор? – и привычка делить на троих свои радости и беды.

Как-то они сидели в кафе, говорили о том, что строительство жилья в восьмидесятые годы резко снизилось, что получить квартиру в столице – удел счастливиц, и тут Алексей, долго державший взаперти свои чувства, вдруг выплеснул их:

– А мне, ребята, крепко подфартило! Обнаружилась вдруг бесхозная квартира. Прежние жильцы еще полтора года тому назад съехали, а новые очередники, которым ее предложили, почему-то так и не заселились. Вот она и зависла. Дом старый, но кирпичный и планировка приличная. Трудно сказать, сколько бы времени она еще проболталась ничейной, если бы на кухне не прорвало батарею отопления. В доме переполох, жильцов нет, ключей нет, коммунальщики боятся дверь ломать. В общем, дело до горисполкома дошло. Беру аварийную бригаду и – вперед. Закончив сварку и прочее, стал постепенно все выяснять. И с челобитной к начальству. Мол, так и так, молодой специалист, женат, а жилье съемное, ползарплаты на него уходит. Разжалобил начальника. Твердо пообещал помочь. Более того, разрешил до утражки с документами приступить к ремонту квартиры. За свой счет, разумеется.

– Ну, это действительно удача. Поздравляю! – порадовался за товарища Павел.

– Кому везет, тому всегда везет! – в знак солидарности

Федор пожал Алексею руку. – Сколько там комнат? Две? И кухня, говоришь, просторная? Дай знать, когда закончишь ремонт. У меня пятизвездочный армянский коньяк. По свежим следам обмоем. Годится?

Через полмесяца звонит Павлу вконец расстроенный Алексей.

– Паша, я в полном ауте. Извини, никакого новоселья, ничего не будет. Мою квартиру, куда я уже готов был въехать, отдали другому.

– Что за ерунда, – не поверил Павел. – Твой же начальник твердо пообещал выделить ее именно тебе. Или попросту кинул?

– Не в нем дело. Он сам в трансе. На него надавили из горкома, вот он и вынужден был уступить.

– Небось, какая-нибудь шишка дорогу перешла?

– О! – нервно хохотнул Алексей. – Бери выше. Сам Зайцев Федор Михайлович!

– Не может быть! – опешил Павел. – И после паузы добавил: – Я прямо сейчас по телефону с ним переговорю. Он откажется от ордера.

– Перестань, Паша, заниматься миссионерством. Ничего ты не изменишь.

– Это мы еще посмотрим!

Хоть и был он во взъерошенном состоянии, на взводе, но говорил с Федором сдержанно и уважительно, называя его, как требовала служебная этика, по имени-отчеству. Во-первых, Павел выразил недоумение по поводу того, что тот воспользовался доверительным рассказом друга в личных, корыстных целях. Но Федор с легкостью парировал: а разве он просил Алексея открываться, разве выпытывал, вытягивал из него эту информацию? Да и сам Алексей далеко не ангел: его послали устранить аварию, а он при этом положил глаз на приглянувшуюся ему квартиру. На аргумент Павла, что в отличие от них двоих у Алексея никакой, даже родительской, крыши нет, Федор неожиданно признался: Луиза в положении, у них скоро будет ребенок. И попросил больше к теме об этой квартире не возвращаться. «Дружба дружбой, а табачок и девочки врозь», – закончил он и положил трубку.

Уже потому, как была произнесена эта фраза – с явным нажимом на вторую ее часть, Павлу стало совершенно ясно: письмо его Федор получил и прочитал. Он и раньше был почти уверен в этом, но теперь знал наверняка. Ситуация для него перестала быть двойственной. Сразу же все выстраивалось в

систему – и спешка Федора со свадьбой, и резко изменившийся его характер, и, конечно, лихо проведенная им комбинация с квартирой. Какие кульбиты он еще выкинет? И почему достается только Алексею, а с Луизой у него мир и порядок да ребенок в близкой перспективе? Может, это действительно такая любовь, перед которой надо снимать шляпу?

Меж тем в республике, как и во всем громадном Советском Союзе, началась перестройка, кругом что-то рушилось, что-то создавалось, и на какое-то время шумный и зачастую бесполовый поток перемен отодвинул личные взаимоотношения людей на второй, а то и на третий план. Друзья собрались вместе лишь тогда, когда Федор позвал их отметить день рождения своего годовалого первенца – Михаила. Он уже основательно обжился в собственной новой квартире, везде стояла дорогая современная мебель, во всем чувствовались хороший хозяйский вкус и крепкая рука.

Алексею, который произвел здесь предварительный ремонт, Федор еще раньше выплатил кругленькую сумму и пытался добавить сверх того – откупные за моральные потери. Но Алексей от этой добавки отказался. Видимо, тешил себя мыслью, что вину за совершенное бесчестье Федор, как и он сам, будет незримо носить на своем горбу, и мучиться, и страдать от этого. А Федор, bestия, на его отказ так улыбнулся, словно плюнул, растер и забыл.

Парадоксальность в природе женщин. Они ценят, обожают победителей, даже тех, кто побеждает их собственных мужей. Валентина походила по квартире, где могла быть хозяйкой, внимательно осмотрела все – от шкафа в прихожей до штор в спальне, и выразила Федору, а затем уже, вскользь, и Луизе свое восхищение. Федор горделиво вскинул голову. Похвалы от Валентины он никак не ожидал.

Когда сели за стол, все разговоры, естественно, закружили хороводом вокруг маленького Миши. Какой он для своих лет рослый и активный, какой у него смелый вид!.. Если малыш хоть чем-то – карими глазами, носом с легкой горбинкой походил на Алексея, то на Федора – ничуть. Поэтому в своих комплиментах гости старательно обходили эту тему. И те, кто знал о ночи, проведенной Алексеем с Луизой, и те, кому об этом было неизвестно. Но Валентина в тот вечер явно утратила всякую чуткость и осторожность.

– Еще недавно, объявляя нам о своей женитьбе на Луизе,

– говорила она и окидывала гостей безмятежным взглядом, – Федя делился мечтой о своих детях, наследниках. А уже сегодня мы с радостью отмечаем день рождения его первенца – главного наследника всех Фединых свершений и удач. Сын и отец похожи друг на друга, как две капли воды. Надеюсь, да что там, уверена, что все лучшее, что свойственно отцу, обязательно пребудет в его родной кровинушке, в его сыне.

Луиза выслушала Валентину с застывшей загадочной полуулыбкой.

Павел тогда впервые заметил, как правый глаз Федора резко дернулся и окрасился густой багровостью. При этом левый глаз по-прежнему оставался ярко синим, будто на него сказанное Валентиной никак не действовало.

Странно, однако, многие из гостей поддержали Валентину, продолжая говорить в том же духе. И правый глаз Федора еще не раз багрово полыхал, приводя в замешательство особо наблюдательных. Благо, что в такие моменты его тут же прикрывало тяжелое веко с ресничной порослью.

Только Вероника помалкивала, ее не захватило общее настроение, не толкнуло в наезженную колею. Или она кое о чем догадывалась, или знала подноготную от самой Луизы, с которой она периодически встречалась?

На том вечере был шеф Федора – сухощавый, невысокий, обходительный шатен лет тридцати. Представляя его, Федор словно бы невзначай назвал своего начальника самым завидным холостяком, за которым безуспешно гоняются красотки столицы. Шатену как-то сразу приглянулась Валентина, и он весьма тонко и умело давал ей это понять.

Искоса, со снисходительной усмешкой наблюдая за их игрой, Алексей был погружен совсем в другие заботы. Неужели это его сын сидит сейчас на руках у Федора, что-то лопочет, над чем-то хохочет, запрокинув белую ангельскую головку? Тогда почему в нем самом не пробуждаются истинные отцовские чувства, и он без внутреннего трепета, протеста позволяет, по сути, чужому дяденьке забавляться с собственным ребенком? Или те легкие приметы схожести между ним и малышом, что кому-то бросаются в глаза, просто иллюзия, самообман и ничего более? А не входит ли и эта проявленная нынче его душевная глухота в ту бесконечную плату за содеянный грех, плату, в которой нет взаиморасчетов, а есть только сплошной непогасимый долг?

Дальше все наворачивалось у Алексея почти по Твар-

довскому: переправа, переправа, лупят слева, лупят справа... В горисполкоме, где им до этого нахвалиться не могли, он внезапно попал под сокращение и остался без работы. Павел кинулся к руководству своего треста: есть ценный кадр, надо брать, пока не перехватили. Но из горисполкома прислали такую характеристику, что по Алексею, выходило, чуть ли не виселица плачет. Было понятно, откуда ветер дует. Но едва Павел заговорил об этом с Федором, тот опять легко вывернулся:

– Прошу простить меня за высокую аналогию, но... На планете чуть что не так, сразу подозревают, усматривают руку Москвы. А в нашем кругу во всех неурядицах мерещится рука Федора. Оправдываться, тем самым унижать себя, я не буду.

Пришлось Павлу устраивать Алексея на самую простую в его положении работу – бригадиром каменщиков на строительстве высотного жилого дома. Несмотря ни на что, Алексей держался молодцом, не скис, не превратился в завязатого выпивоху, что сплошь и рядом в таких случаях бывает, а взялся за дело с азартом, бригаду вывел в лучшие, через полгода его назначили прорабом на том же объекте. Беда накатила неожиданно, совсем с другой стороны. От него ушла Валентина. «Устала я жить с неудачником, – заявила она. – Хочется пожить с человеком, у которого есть все – и на сегодня, и на завтра». Обходительный шатен, шеф Федора, к тому времени уже бывший, показался ей, видимо, именно таким.

После этого Алексей быстро уволился, не успев закончить начатый им объект, собрал свои скромные пожитки и уехал в Томск. «Когда у меня все образуется, я тебе сообщу», – пообещал на прощание Павлу. Но больше – ни весточки.

На отъезд Алексея Федор никак не прореагировал, а вот уход Валентины к шатену охарактеризовал в свойственной ему манере:

– Вот дура! Погуляла бы с ним всласть, ничего не ломая. А так... Бросит он ее под заунывный перестук колес на первом же полустанке.

Сам Федор умело распоряжался, пользовался изменчивыми условиями и обстоятельствами набегающей жизни. Много, казалось, само шло к нему в руки. После крушения коммунистической системы он занялся строительным бизнесом и здесь тоже весьма преуспел. Уже к середине девяностых у него были двухэтажный особняк, новенький «Мерседес» и две-три квартиры, сдаваемых им в аренду. Приросла и его семья двой-

няхками-сыновьями, синеглазыми и балагуристыми, как их отец. С Мишкой они ладили, он даже, на правах старшего, частенько командовал ими.

У Луизы был строго очерченный круг забот: дом и дети. В отличие от Вероники и Валентины она, выйдя замуж, ни дня нигде не работала. И это ее вполне устраивало. Даже на дружеских посиделках она появлялась все реже и реже. Однажды, встретив случайно Луизу на улице, Павел даже не сразу узнал ее. Синяки на скуле и под правым глазом сквозь макияж пробиваются, идет, слегка прихрамывая... Да Луиза ли это? И все-таки он окликнул ее, и они, чувствуя взаимную неловкость, обменялись общими, ничего не значащими фразами и разошлись.

Вечером Павел рассказал жене, какое удручающее впечатление произвела на него Луиза. Что с ней? Где ее так разукрасили? Расспрашивать среди уличной суеты было неудобно, может, Вероника хоть что-нибудь знает? Подруги как-никак.

Грусть скользнула по тихой глади лица Вероники. Знать-то она, конечно, знает. Ведь длится это давно, с тех пор, как Луиза вышла замуж за Федора. Женщины внимательней мужчин, любую царапинку, любую ссадину друг на друге заметят. Луиза не говорит о причинах, а раз так – зачем в чужую жизнь лезть. Ну, поколачивает ее изредка Федор, ну, терпит она... Отношения меж любящими людьми по-разному выясняются. Вот только каждое лето, именно в это время он почему-то особенно свирепеет; Луиза старается куда-нибудь уехать, исчезнуть, чтобы не попадаться ему на глаза. Нынче, видимо, что-то ей помешало...

Павел прикинул месяц, дату, все, увы, совпадало: именины Алексея и та давняя ночь, проведенная им с Луизой. Господи, да сколько можно мучить человека за когда-то совершенный ей по легкомыслию грех? Уж и дети у них повзростали, и собственная жизнь перевалила за экватор, а он, оказывается, все никак не уймется, продолжает тиранить жену. Да если не хватает сил простить – разведись, не надрывай ни себе, ни ей душу.

Специально искать с Федором встречи, чтобы поделиться думами на сей счет, Павел не стал. Он уже достаточно наобжигался, когда пытался ослабить его жесткое давление на Алексея. Но так получилось, что вскоре самому Федору понадобилась помощь Павла Николаевича, теперь уже начальника всего головного треста.

– Вместе с партнерами я хотел бы купить один недостроенный объект, который без движения находится три-четыре года, – по-деловому, без всяких преамбул заговорил Федор, садясь в кресло напротив Павла. – Какие-то документы на него утеряны, какие-то нуждаются в обновлении, но все дороги ведут в твой трест.

– Что за объект тебе приглянулся?

– Это неподалеку от центра. Там строился жилой дом на тридцать квартир. Потом финансирование затормозилось, строители разъехались кто куда, все заглохло. Мы пере-профилируем объект под частный лицей. Сдадим через год... Да не смотри ты на меня, как Ленин на буржуазию! Конечно, я помню, кто вел эту стройку. Наш друг Алексей. Ну, и что? Пусть дело Алеши живет и побеждает.

– Не фиглярствуй! – осек его игривый тон Павел. – Я понимаю, куда ты клонишь. Сфабрикуете грубые нарушения строительных норм на объекте, купите его за бесценок. Еще и подставите прежнего прораба стройки.

– Скажешь тоже: подставите! Он давно в России. Вне досягаемости.

– Значит, будете его имя мочалить почему зря. Или мораль по боку?

Федора словно плетью хлестнули. Он чуть ли не взвился в кресле.

– О какой морали по отношению к этому типу ты говоришь? Он предал дружбу, которую мы ценили превыше всего! Он растоптал мое достоинство! Переспать с любимой женщиной друга, воспользовавшись его отсутствием... Да за такую подлость на костре надо сжигать!

– А ты именно этим и занимаешься, – с горечью сказал Павел. – Сжигаешь на медленном огне многих-многих лет. И дровишки подбрасываешь, насколько мне известно, не только для Алексея, но и для Луизы. Кстати, я видел ее недавно на улице. Печальное зрелище. В голове не укладывается, как ты можешь поднимать руку на любимую женщину, на жену, родившую тебе трех пацанов? Я даже пожалел, что тогда, в юности, написал письмо о вспыхнувшей связи между Алексеем и Луизой и послал тебе в Тюп.

– Не жалея, – Федор побарабанил пальцами по столу. Жесткие складки легли у крыльев носа. – Я бы все равно узнал. У меня звериное чутье на любой обман. Было бы хуже. По горячке обоих бы убил. А так, находясь поодаль, я имел время все обду-

мать и принять решение. Казнь им была заменена мной на пожизненную каторгу. Хотя с другой стороны... Вот ты упомянул встречу с Луизой. А тебе известно, что я ее, как богиню, до сих пор на руках ношу? Пылинки сдуваю. Каждое ее желание для меня закон. Но наступает период, когда в глубинах души, сознания опять воскрешается память об измене, все во мне начинает кровоточить, клокотать, пропитывается ненавистью, и я превращаюсь в садиста. – Один глаз Федора завалялся, второй оставался синим. – Однако дьяволу не удастся полностью завладеть мной, это спасает Луизу. Приливы ненависти усиливают наслаждение любовью. Луиза из грешницы превращается в жертву, а затем возносится на трон блаженства...

– Да ты рехнулся, Федя! Тебе надо лечиться! – воскликнул всерьез обеспокоенный Павел.

– Возможно, – диковато усмехнувшись, согласился Федор.

– Однако вернемся к разговору о том самом объекте...

– Хорошо, я помогу тебе, но при одном условии, – сказал Павел.

– Каким?

– Не пытайтесь замарать имя Алексея.

– Да ради Бога! На объекте, надеюсь, его дух давно выветрился.

Через дней десять, осматривая со своими партнерами эту замороженную, заглохшую стройку, Федор поскользнулся на неогороженной плите балкона и упал с третьего этажа. Упал прямо на острие торчавшей из застывшего бетона арматуры. Жуткий крик разнесся окрест и тут же оборвался.

Хоронили Федора в закрытом гробу. Поседевшая за одну ночь Луиза билась в истерике. Рядом с матерью неотступно находились повзрослевшие сыновья – Михаил и его двое братьев. Из далекого Томска пришла телеграмма-соболезнование от Алексея. Как он узнал о нелепой гибели Федора? Для Павла это так и осталось тайной.

И вот теперь, пролистывая былое, Павел вновь и вновь задавался мучившим его вопросом: а надо ли было писать письмо Федору? Хотя тот и говорил о своем зверином чутье на обман, вероятность того, что он прожил бы всю жизнь в счастливом неведении, достаточно велика. И не было бы стольких бед и потерь, подкосивших их дружбу, сыгравших коварную роль в семейном устройстве Федора и Луизы, Алексея и Валентины.

Возможно, думал Павел, грешен не только тот, кто совершил грех, но и тот, кто поведал о нем другому, за чьей спиной этот грех совершен. Хотя... Разве, с другой стороны, смолчавший и согрешивший не обречены потом находиться в одной связке? В общем, подводил он итог, чем дольше живешь, тем больше вопросов, на которые все меньше и меньше однозначных ответов.

От размышлений его отвлек шум, доносившийся из старого, но ухоженного сада. Павел невольно прислушался. Спорили его внуки.

– И чего ты лезешь, зачем настучал отцу, что меня побил Петька из соседнего класса? – недовольно кричал Пашка.

– Ну, и правильно я сделал, зато теперь ему хорошенько надерут уши, – тоненьким голосом отвечал ему младший брат Ваня.

– А я тебя просил, я тебя просил об этом? – продолжал возмущаться Пашка.

Павел Николаевич глубоко вздохнул и провел ладонью по коротко стриженной седой бородке. Взяв письмо, которое до этого хотел разорвать в клочья, он аккуратно положил его на самое дно шкатулки. Пора было ставить самовар. Скоро вернется из поликлиники Вероника, и они с внуками сядут в беседке чаевничать.

Антон, Жанна и смерть

*Подобно коню стреноженному,
У жизни на самом краю
Думаю думу тревожную,
Последний свой долг отдаю.*

А.И.

Уже на выходе, стоя у высокой, золотистого цвета двери, он обернулся и прощальным взглядом окинул то, что оставляет теперь навсегда. Впрочем, из просторной прихожей «сталинки» расположенные по ее бокам комнаты почти не просматривались. Только крохотная часть некогда общей их с Жанной спальни, которая своей оконечностью пересекала прихожую. Там виднелся темный торец платяного шкафа, венчающего роскошный спальный гарнитур пятнадцатилетней давности. Вещи тоже способны будить в нас самые разные воспоминания. Взгрустнув, Антон слегка замешкался. Но тут же одернул себя: нельзя расслабляться и терять время. Решение принято, и он от него не отступит.

Мельком, невзначай поймал свое лицо в зеркале, что висело на стене перед дверью. Поморщился, скривив рот. Хмыкнул: краше в гроб кладут. Дряблые щеки, крючковатый нос и мутноватые глаза-щелочки, выглядывавшие из-под нависших щетинистых бровей. Господи, во что превратили его болезни! Почему-то свои отпечатки оставляются ими, прежде всего, на лице. Он уже сам стал себе противен до тошноты, старательно обходил зеркала, по утрам даже брился на ощупь, чтобы не видеть своей отталкивающей физиономии.

Поправив за спиной тощий рюкзак, Антон шагнул за дверь. Хорошо бы не столкнуться с соседями. Потом они будут трезвонить вокруг и, смакуя, рассказывать в деталях, каким обрюзгшим, отяжелевшим запомнили его в последний раз. Люди быстро списывают тех, кто серьезно болен, и сострадают не им, а тем, кто заботится о них, кому они доставляют неудобства. Чего-чего, а уж сочувствующих вздохов и речей Жанна, конечно же, наслушалась вдоволь.

Он сильно хромал, и когда спускался вниз, то опирался на перила. Благо, со второго этажа путь короткий. Свежий,

пахнущий сыростью воздух ворвался в легкие, и он едва не задохнулся от его напора. Гуляющая поблизости непогода скоро наверняка заглянет и сюда. Этого как раз ему и хотелось.

Чуть в стороне от подъезда находилась достаточно вместительная автостоянка с основательной, из кирпича, будкой для охраны, рядом с которой обычно стоял их «Мерс». Сейчас там было пусто. Жанна уже уехала. Утром он слышал, как жена, встав раньше обычного, хлопотала на кухне, готовя ему завтрак. Сама она, чтобы оставаться в форме, довольствовалась чашкой крепкого кофе, маленьким бутербродом с сыром и обязательным ломтиком лимона.

Антон заранее обдумал, как запутать свои следы. Его, конечно же, будут искать. Пусть недолго – кому он, в общем-то, нужен! – но будут. Так почему бы напоследок не поморочить следокам голову? Он устроит маленькое театральное представление с множеством пересадок из такси в автобусы и наоборот, с переодеванием то кепки, то капюшона. Во всяком случае, до тех пор, пока какой-нибудь транспорт не выплюнет его неподалеку от гор, а там уж он сам поковыляет, будет добираться до цели без особых ухищрений.

Нахлобучивая капюшон куртки по самые глаза, отворачиваясь к окну, Антон слишком старался остаться незамеченным, чтобы не вызвать подозрения у кого-нибудь из окружающих. Не раз он чувствовал, как посматривают на него с недоверием. А последний из таксистов, крепкий, разбитной малый, безуспешно пытавшийся с ним заговорить, не выдержал: «Мужик, а ты, случаем, не террорист? Смотрю на тебя и, кажется, будто идешь на дело и боишься, что тебя вот-вот застукают».

Антон от неожиданности даже развеселился. Ну, и вид, знать, у него, если в голове мимолетного собеседника рождаются такие ассоциации. Но таксисту ответил вполне серьезно: «Ты почти угадал. Я и есть террорист. Только, правда, самому тебе». – «Не понял? Как это – самому себе?». – «Вот так! Поживешь с мое – поймешь. А теперь останови, приехали».

Выйдя у крайнего сельского дома, Антон взглянул на открывшиеся пестрые предгорья, где пятна желтизны были беспорядочно рассечены черными полосами распадков, ущелий. Обычная картина поздней осени. Через день зарядит дождь, переходящий в снег, и все выбелит, особенно те склоны, что повыше, куда он намерен добраться.

Антон с юности любил горы. Но как-то странно, на свой лад. Его не влекли турпоходы и групповые восхождения на

вершины. Он предпочитал бродить по горам в полном одиночестве, останавливаться там, где взгляд ловил что-то для него любопытное – обильно обрызганный рыжим мхом, как веснушками, крутощекий валун; отполированную речной водой причудливо изогнутую палку, напоминающую однорогого оленя; тихий, заросший мятой родничок, в котором важно сидит зеленоглазая лягушка... Иной пройдет и не заметит, а вот Антона все это притягивало, рождало в нем разнообразные чувства, насыщало душу природной благодатью.

В свое время он пытался приобщить к горам и Жанну, однако быстро понял, что здесь их восприятие окружающего мира не совпадает. Она оставалась равнодушной к тому, чем восхищался он. Это если и огорчило его, то лишь чуть-чуть. Пусть будет так, как определено изначально. Научить, считал Антон, можно лишь каким-то знаниям, а чувства – они или есть, или их нет. И продолжал ходить в горы без нее. Чему Жанна была даже рада. По ее мнению, каждый в семье должен иметь личное пространство, которое заполняется им по собственному усмотрению, но без ущерба другому. Глупо во всем искать совпадения. Жизнь не плац, где непременно надо ходить нога в ногу. Увы, они даже не замечали, как это личное пространство, весьма ограниченное в пору буйства страсти, потом постепенно и неуклонно расширилось, отдаляя их друг от друга.

Пока подъем был так себе, пустяковый. Раньше Антон легко топал по этой, набирающей крутизну, тропе, не сбавляя скорости, с наслаждением охватывая взглядом плывущие навстречу кусты можжевельника и арчевника вперемешку с близкими небесами. Но то было раньше. Два-три года тому назад. Теперь ослабевшие ноги быстро отяжелели, сердце бешено колотилось, одолевала одышка. Пришлось остановиться и, бросив рюкзак на попавшийся у тропы плоский камень, присесть на него. Ныла правая коленка. Привычными движениями он растер ее; достал из кармана таблетку валидола и положил под язык. На какое-то время ему полегчало. Следовало идти дальше.

Конечно, если посмотреть со стороны, то затея его дурацкая. Зачем тащиться к черту на кулички, чтобы совершить простое дело, которое удается большинству и в домашних условиях? Для этого придумана тысяча способов. Так нет же, ему подавай особый, будто он герой какого-нибудь романа и это имеет значение для разворота сюжета. Эстет хренов, с горькой усмешкой подумал о себе Антон. Повыпендриваться захотелось напоследок. Разве не все равно, как отнесутся к этому потом?

Солнце медленно пробиралось к зениту. Оно еще грело, но скупое и снисходительно. Надо было поторапливаться. Антон чуточку прибавил шага, с опаской поглядывая на догонявшую его мохнатую тяжелую тучу. Неужели интернетовский прогноз опять соврал и непогода свалится ему на голову раньше, чем он доберется до места? Тогда лучше сейчас напрячься, превозмочь боль, чтобы очутиться там вовремя. Ведь ему будет не под силу карабкаться вверх сквозь густую пелену дождя или мокрого снега, по осклизлой каменистой тропе.

Готовясь к этому походу заранее, Антон постарался все учесть и рассчитать. А тут эта нахальная туча, взявшаяся невесть откуда, уже дышит в спину знобящей влагой. Небось, бесовское племя подсуенилось, чтобы испортить задуманное им с такой тщательностью? Он твердо веровал, что именно бесы вторгаются в его жизнь в самый неподходящий момент, обязательно что-нибудь ломают, коверкают, пакостят. Ну, ладно, еще понятно, когда он замахивается на что-то радостное, возвышенное, когда в предчувствии удачи душа заранее полнится победительным восторгом и вдруг подставленная ими подножка разрушает все намеченное. А вот в это мероприятие, казалось бы, чего им нахрапом лезть, чего им вмешиваться? Наоборот, подтолкнуть, ускорить должны, ковровую дорожку постелить. Так нет, мешают, лишь бы поперек, на зло, лишь бы досадить ему.

Туча обошла Антона с запада и пахнула в лицо холодной густой моросью. Не успел он чертыхнуться, как внезапно налетевший сильный ветер вцепился в загривок тучи и поволок ее, как пленницу, за борт неба. Справившись с задачей, сразу угомонился, затих. Антон облегченно вздохнул. Так-то лучше. Без посторонних помех. Ему бы теперь преодолеть свои немощи и попасть к вечеру туда, куда устремлялся мыслью последнюю неделю.

Да, уже давненько он подумывал, как разрубить этот гордиев узел. Болезни наступали то с одной, то с другой стороны, постепенно загоняя его в угол. Он перенес операцию, подсел на разную фармацевтическую муть, но вернуть прежнее состояние не удавалось.

Хуже всего, что в нем слишком долго жила, укоренялась привычка быть безупречно здоровым. До шестидесяти к нему не прилипала никакая зараза. Даже чих, а чихал он хоть и редко, но вольготно, раскатисто, являлся большим событием. На фронте

бытия он слыл заговоренным от любых напастей, от стремительных наскоков блуждающих полчищ разных болезней. И потому с каким-то смешанным чувством превосходства, любопытства и недоверия смотрел на тех, кто частенько хворал, постоянно ходил по врачам, два-три раза в год брал больничный...

Все перевернулось, когда Антон перешагнул пенсионный рубеж. Тут-то на него и навалилось. словно свора хищников, затаившихся до намеченного срока, теперь во что бы то ни стало решили всю поизгиляться над ним. Норовили куснуть, да побольней, поосновательней. Он отбрыкивался, а они наседали, мстя за многие десятилетия его непробиваемого здоровья. И напоминали, напоминали с издевкой... Ага, тебе нравилось ночевать зимой в перкалевой, разбитой прямо на снегу палатке, а проснувшись, любоваться свисающими с потолка сосульками? Ага, наслаждался купанием в ледяном горном потоке, когда руки вцеплялись в ветки свисающей над водой ивы, а ты, бултыхаясь, перекрывал восторженным ором могучий рев реки, которая играючи ворочала гигантские валуны? Ага, бегал за день на пик «Комсомолец», посмеиваясь над скальными отвесами и текущими под ногами осыпями, словно нет твоим силам предела, а здоровью износа?... Так плати, плати теперь по самой высокой цене!

Больше всего поддаются болезням те, кто изначально был отменно здоров и знал о болезнях лишь понаслышке. Оплеухи, которые вдруг посыпались на него, были Антону в диковинку. В обороне он оказался слабаком. Друзья удивлялись: чего ты скис, подумаешь, болячки пошли, невидаль какая. У кого в нашем возрасте их нет? Ты давай бодрись, нечего в хандру погружаться. Слушая всякого рода советы, Антон только хмурился, замыкался, уходил в себя. И друзья, видя бесполезность своих усилий, постепенно отступили.

Был у него еще закадычный дружок по работе, Серега Малышев. С ним они многие годы занимались в лаборатории Института физики выявлением и регистрацией солнечных потоков нейтрино – самых мельчайших частиц материи. Никому в стране это больше не удавалось, только им. Отсюда и зарплата по тем временам, когда ученые подались в торговлю, вполне приличная. Серега не лез в душу, обходился без подначек и поучений. Но когда Антон увольнялся, он искренне посожалел, что теряет такого коллегу, хотя уверен – теряет временно, тот непременно вернется. Частенько бывало: возникнут у него вопросы, он запросто звонит и, едва поздоровавшись, сразу переходит к делу. Только с ним и остались у Антона редкие контакты.

Если, конечно, не считать Жанну. В ней вообще какие-то метаморфозы произошли. Столько лет они прожили вместе, то сближаясь до самозабвения, то отстраняясь и уходя в себя, и он считал, что знает ее досконально, как знает моряк реку, по которой ходил всю жизнь, от юнги до капитана. При его аскетизме, неприхотливости во всем, что касалось быта, Жанна легко справлялась с ролью домашней хозяйки. Скажем, какая проблема приготовить на завтрак тарелку каши и два яйца всмятку. В случае чего Антон и без нее обходился. А вот когда он слег, когда одна диета сменялась другой, другая – третьей, когда пачки таблеток выстраивались шеренгами на столе, он ужаснулся всей сложности обрушившихся на него хлопот. Но Жанна с улыбкой утешила: пустяки, сделаем все, как предписали врачи. Ты только не переживай. Вылечишься и станешь опять здоровяком, как и прежде. Нежданно-негаданно она оказалась такой заботливой, так умела понимать его с полуслова, полужеста, что Антон поначалу даже терялся.

Лечение влетало в приличную сумму. Пенсия у Антона была так себе, хилая, вместе с зарплатой жены, а работала она рядовым архитектором, денег если и хватало, то только благодаря умению Жанны выкручиваться в любой ситуации. Чтобы сэкономить на медсестрах, она, быстренько окончив какие-то курсы, весьма неплохо наловчилась делать уколы, массаж. Ему даже нравилось, когда она с легким прихлопом вводила иглу в его отощавшую ягодичу. А при массаже ее сильные пальцы, чувствительные, как у пианиста, так проходились по нервным окончаниям позвонков, что, казалось, боли в спине навсегда исчезнут.

Но всякий раз подводила серьезно ослабевшая иммунка. Малейшая простуда возвращала весь букет болезней. Пуще огня он стал бояться сквозняков, даже приоткрытая для проветривания форточка вызывала в нем ярость. Он набрасывался на Жанну, обвиняя ее в том, что она таким образом хочет угробить его. Остыв, понимал, насколько не прав, однако ей в этом не признавался. И еще больше мучился, вскармливая в себе комплекс вины. А когда Антон замечал застывшую в уголке ее глаза слезу, то жалость к ней обжигала сердце. И все равно он продолжал придирается, тиранить Жанну по мелочам...

Меж тем тропа, извиваясь, уже шла по узкому проходу среди насупленных величественных скал. Антону чудилось в них некое высокомерие, которое, вероятно, свойственно всякой тяготеющей к вечности части природы ко всему, что быстротечно, мимолетно,

что мелькнет и вскоре погаснет. Бабочка-однодневка, человек ли – для них никакой разницы. Вот он идет, торопится, спешит, у него важная, продуманная цель, он весь взмок, у него подкашиваются ноги, а они и бровью не поведут, плевать они на него хотели. Антон едко усмехнулся. И чего он завелся? Ему что, нужно чье-то сочувствие, сопереживание? Даже смешно. Все в порядке. Он молодец, вполне укладывается в график. Минует скалы, очередной раз отдохнет, а там уж совсем близко.

Снизу, из глубокой расщелины, доносился глухой надтреснутый голос воды. Здесь она только начинала получать ледниковую подпитку, и едва слышно скачет по камушкам или, обтекая, обволакивает их. Зато когда наберется силы и вырвется из предгорий, ее мощи, ее неукротимости, казалось бы, нет предела. Пока не попадет она в объятия полей и степей и не будет выпита до самого доньшка. Так и вся жизнь наша, промелькнула в голове безрадостная и, в общем-то, банальная мысль, которая прихлалась весьма кстати, была в русле того, что он замыслил.

К этому твердому решению Антона прибило, словно к искомому причалу, как-то неожиданно, вдруг, но без всякого, как ветрового наката, повода. Просто однажды вечером, устав от бесконечного потребления лекарств, от ограниченного пространства, в которое он сам себя загнал, от мучительного чувства вины перед Жанной, чья жизнь превращена им в кошмар, Антон совершенно отчетливо осознал, понял: так дальше жить нельзя, а иначе у него уже не получится. Все исчерпано, попытки выкарабкаться оказались тщетными. Фитиль его судьбы давно не горит, а чадит. Ждать, пока он сам по себе погаснет – глупо и эгоистично. Ему было противно даже представить, что он, как это делает большинство людей, будет изо всех сил, до последнего вдоха бороться за продление своего физиологического существования. Господи, какая бесславная трата энергии! Ради чего? Чтобы мучить себя и окружающих, влача бремя жалких дней своих? Нет уж, хватит! Пусть Жанна освободится от пут обязательств по уходу за ним. Она умница, еще очень хороша собой, и сумеет без него выстроить свое будущее лучшим образом.

Тут же возник, словно поджидал за углом, другой, чисто практический вопрос: а как он это сделает? Пистолет к виску? Вроде бы романтично. Поступок настоящего мужчины, офицера. Но вот придет домой Жанна, увидит лужу крови, обезображенное лицо, с ней случится припадок, сердечный приступ... Впрочем,

чего гадать, все равно у него нет пистолета. А как насчет петли на шее? С веревкой никаких проблем. В кладовке метров пятьдесят альпинистского шнура. Еще на несколько человек хватит. И крюк он так вкрутит, что не вырвется. В скалы намертво вкручивал. Все бы хорошо, только ему приходилось читать, что висельники представляют собой отвратительное зрелище: у них изо рта вываливается распухший синий язык, а глаза вылезают из орбит. Б-р-р... Самому неприятно. А придет домой Жанна... Что касается таблеток, то с ними можно сильно промахнуться. Уж он-то знает. Сплошь и рядом подделка. Можно купить отравы, способной, если верить инструкции, быка свалить, а тебе хоть бы что, только пронесет по-черному. И будешь сутками ползать к унитазу и обратно.

Бесстрастно, как врач в анатомичке, перебирая весь этот набор средств, который веками используется и совершенствуется самоубийцами, Антон вдруг вспомнил запри-меченное им местечко в горах, где оказался как-то совершенно случайно.

Тогда, помнится, он спустился с одного из окрестных трехтысячников и торопился, чтобы засветло разбить палатку на приглянувшейся ему в речной излучине зеленой лужайке. Ему захотелось сократить путь, уж больно длинные зигзаги делала тропа. Для этого надо было по диагонали пересечь крутой склон, обильно усыпанный разномастной щебенкой. Осыпь оказалась коварной. И едва Антон сделал несколько шагов, как она поплыла, поехала у него ногами. Напрасно он пытался, лавируя, сохранить направление своего движения. Его безудержно волокло вниз. Благо, склон был короткий, и Антону вскоре с трудом удалось остановиться. Он огляделся. И вздрогнул. Метрах в пяти от него зияла горловина пропасти. Он подошел ближе, и остановился у самого ее отвесного края. Закатное солнце освещало лишь верхнюю часть обрыва, поросшую мелким и редким кустарником. Из-за таинственно клубившегося полумрака дна не было видно. Чутье подсказывало Антону, что там, в тишине и покое, обретает рождение ручей, текущий сквозь горные кручи в реку. Значит, с противоположной стороны пропасти есть выход. В тот момент солнце, прежде чем скрыться за дальней багровой вершиной, прощально взметнулось, словно гигантская жар-птица, на краткий миг открыв взгляду Антона узкую щель в стене пропасти, прорезанную ручьем за столетия. Его предположение подтвердилось.

Какая-то загадочная, повелительная сила притягивала Антона к пропасти. В ушах уже звучали несущиеся оттуда чистые, волшебные голоса, которые звали, манили его в свое лоно. Он испуганно отшатнулся от края обрыва и быстро пошел прочь.

И вот, спустя годы, Антон сам направлялся в те места, которые зародили в нем мистический страх, и которые с той поры он старательно обходил стороной. Теперь же эти места казались ему желанными. Ведь именно там и только там уход из этого мира будет для него легок и прост, да и для Жанны вовсе не обременителен. Он исчезнет бесследно, растворится в земле, как останки растений и диких животных, обитающих в этих краях. Без всякой канители вечность сомкнется над ним, не потребовав за это ничего взамен. Будет навсегда покончено и с его болезнями, и, главное, с каждодневными мучениями, что свалились из-за него на голову Жанны. Он любил горы и был рад, что именно они станут его последним пристанищем. Ведь умирать лучше всего там, где по-настоящему нравилось жить.

Покидая дом, он оставил Жанне короткую записку: «Прости и прощай, моя любимая! Решение принято, я ускорил то, к чему неминуемо шел. Если одежда изношена, ее бесполезно штопать, надо выбросить. Душа, надеюсь, тоже жаждет освобождения. Для меня ты сделала все, что возможно, даже сверх того. Очень, очень тебе благодарен. Умоляю, будь счастлива! Это единственное, чего я жажду». Расписавшись, Антон добавил в постскрипту: «Не трать время и силы на поиски. Нет ничего бесполезнее, чем искать иголку в стогу сена».

По пути он мысленно не раз возвращался к записке. Что-то ему хотелось изменить, чему-то придать больше значительности, весомости. В связи с его исчезновением записку будет читать не только Жанна. И тут важно, чтобы никому и в голову не пришло усомниться в ее полнейшей безвинности. Впрочем, по существу он вроде ни в чем не промахнулся.

Антон хорошо помнил, где ему нужно повернуть с тропы, чтобы не миновать пропасти. Вот она – старая, в чешуйчатой коре арча, чьи усталые ветви служат приютом для перелетных птиц. От нее вправо еще метров двести–триста. Судя по всему, никто туда не ходит. Даже пожухлая травка не примята. Оно и понятно: дальше там тупик, крутые склоны в осыпях, обступившие тот обрыв, который поманил его к себе.

От Антона, как от загнанной лошади, шел пар, когда он, наконец, остановился у самой кромки пропасти. По небу

бесновалось скопище тяжелых туч, и вокруг царил не то полусвет, не то полумрак. Слава Богу, ему удалось вовремя одолеть путь к своему последнему прибежищу. Еще можно будет коротко посидеть, подумать, а затем сделать шаг, оставляющий позади то, что называется жизнью.

Привычки ходока по горам сказываются во всем. Достав из рюкзака сухую куртку, Антон переоделся. В термофляжке, к которой он уже не раз прикладывался, еще оставался горячий чай. Каждый глоток бальзамом растекался по телу. Шоколад и сухарики добавили блаженства. Вот так он сам, без чьей-либо помощи, выполняет свое последнее желание.

Антон как-то читал, что каждую минуту этот мир покидает сто семьдесят человек. Интересно, а сколько из них по собственному желанию? Наверняка его выбор – это выбор меньшинства. Щупальца предрассудков сковывают общество и вместе с тем удерживают его от распада.

До последних лет, полагал Антон, ему в жизни безумно везло. Он испытал пусть позднюю, но захватывающую, дивную любовь, любовь к Жанне. У него была работа, которая доставляла ему истинное удовольствие. Друзей он не подводил, да и они его тоже. Правда, вот с дочкой... Лена росла сообразительным, прилежным и, увы, скрытным ребенком. В школе, и в институте все у нее ладилось, везде она была на хорошем счету. Когда же сдала последний госэкзамен, то объявила, что выходит замуж и уезжает в Австралию, где живет с родителями ее бывший одноклассник. Все бы ничего, мало ли какие выверты устраивает судьба, только вот после отъезда она сильно отдалилась от родителей, редко и неохотно выходит на связь. Впрочем, подумал Антон, пройдет время, все образуется...

Но – пора. Чуть ниже горловины пропасти клубился туман, не позволяя взгляду проникнуть вглубь, до самого дна. Как и тогда, когда его занесло сюда совершенно случайно. Только почему-то никаких голосов, таинственных и манящих, ему на сей раз не было слышно. Снизу тянуло губительной сыростью, звенящей пустотой и вкрадчиво подступающим страхом. За позолотой волшебства, которая рисовалась ему издалека, когда он представлял свое соединение с бездной, нынче скрывалась пугающая реальность.

В какой-то момент Антон почувствовал, будто незримые силы толкают его назад, подальше от края пропасти. Тут же возник соблазн поддаться им, отступить, отбросить прочь свою лихую задумку. Однако он напрягся, устоял. Мелькнула в голове

чья-то фраза: «Подвластный смерти подобен лампе, стоящей на ветру». И он с отчаянной решимостью широко шагнул вниз, в застывшую ожидающе пасть пропасти.

Все происходящее с ним дальше было до того невообразимым, до того не укладывалось в его сознании, что он не только никому об этом никогда не рассказывал, но и сам старался не вспоминать, какие события разворачивались во время и после его падения.

Впрочем, сколько он летел – долго или коротко, Антон не знал. Желание умереть так глубоко в нем укрепилось, что он сразу же отключился, ушел в небытие автоматически, едва сделав шаг к этому. Умереть раньше смерти, когда вслед за сдавшимся духом сдается и тело, – штука, в общем-то, не редкая и вполне объяснимая. А вот почему он не разбился вдребезги, почему даже не покалечился, упав с большой высоты на камни? – тут было, над чем задуматься, в чем узреть некую чертовщинку. Или попавшийся на пути кустарник, который не виден был сверху, смягчил удар, позволил не шмякнуться со всего размаха, а скатиться? А, может, внутренние стенки пропасти, скрытые туманом, шли вовсе не отвесно, как в колодце, а конусообразно, да и сама она была мелковата? Ничего этого он тоже не знал. Приходилось лишь догадываться. Так бывает, когда кусок киноплёнки вырезают, и для показа стыкуются лишь оставшиеся части.

В памяти Антона четко сохранился весь путь к пропасти и его отчаянный рывок в ее чрево. Затем сразу, без всякого перехода запечатлена странная картина. Будто он лежит на жестком каменном ложе, ему очень неудобно, острые ребра камней сквозь куртку впиваются в спину, он пытается пошевелиться, привстать, но тут на его ноги кто-то садится, и вот уже по всему телу струится животворное тепло, исчезает всякая боль, становится легко и свободно. Хочется пребывать в этом состоянии бесконечно. Но некто трогает его за плечо и тихонько встряхивает.

Открыв глаза, Антон видит перед собой женщину с распущенными рыжими волосами. Ее можно было бы назвать прелестной, если бы не слишком правильные черты лица, которые будят восторг ума, но не трепет сердца. Некоторое время они молча смотрят друг на друга, и Антон чувствует, как в нем зарождается тревога. Он еще не понимает, почему и откуда она исходит, но связывает это с женщиной.

– Ты кто? – приподняв голову, спрашивает Антон.

– Смерть, – отвечает женщина. И уточняет: – Твоя Смерть.

– Не надо меня дурачить, – вспыхивает обидой Антон. – Та, о которой ты говоришь, длинная, седая, в черном балахоне и с пустыми глазницами. И в руках у нее непременно коса. Вот с ней я готов, я хочу встретиться.

– Когда потребуется, я стану именно такой. Моя сегодняшняя молодость означает, что твой срок еще не пришел. Знай, суд жизни полон ошибок, суд смерти безупречен. – Голос звучит твердо и непреклонно, хотя легкая тень печали улавливается в нем.

Антон обескуражен. Что же получается? Он шел, карабкался, выбивался из сил, чтобы покончить с собой, со своей оставшейся тягостной жизнью, а ему от ворот поворот? Разве то была его блажь? Разве, в конце концов, не ради Жанны, ее будущего он старался?

– Нет уж, – возражает он. – Я волен распорядиться своей судьбой, своей жизнью, как бы ты ни препятствовала. Останусь здесь, и буду ждать, смотреть, как ты, постепенно линяя и усыхая, становясь у меня на глазах страхолюдиной, превращаешься в ту, костлявую, с косою старуху. Тогда, уверен, мы быстро договоримся.

Смерть тряхнула, как веером, распущенными рыжими волосами – и все вокруг наполнилось золотым, искрящимся светом.

– Никому из живущих не суждено своего грядущего предвидеть, – слышит Антон словно идущие от небес слова, и при этом испытывает неловкость за сказанную им глупость. – Самонадеянно полагать, будто тебе известно, каким образом можно осчастливить другого человека. Приносимые на порог другой жизни жертвы оборачиваются разноликой бедой. Ибо питают эти жертвы эгоизм, малодушие, чем бы их ни пытались прикрыть. Придуманные жертвы горько аukaются на судьбах самых близких. Возвращаясь, откуда пришел, возвращайся скорей – и ты все поймешь!

Женщина-Смерть растаяла, уносимая золотистым вихревым потоком. Какое-то время Антон пребывал в растерянности. Было или не было? Сон или явь? Но в памяти сохранились – и ее образ, и слова, произнесенные ей.

Меж тем возникшая еще при появлении женщины-Смерти тревога стремительно нарастала, охватывая все его существо. Нужно было спешить, бежать, но Антон не решался поше-

велиться, боясь, что разбитое тело откажется повиноваться ему. И все-таки, отринув цепко сидящее в нем опасение, он осторожно подтянул под себя ноги, оперся о камни ладонями согнутых рук и рывком поднялся. Давно у него так ловко не получалось. В голове пошумело и отпустило.

И он ринулся назад, в обратный путь, туда, куда гнало его, подстегивая, беспокойство. Ночь была лунная и звездная, небо низко нависало над горами, и черно-белая графика окружающего рельефа читалась без труда. Впрочем, так в нем все было нацелено, обострено – и чутье, и зрение, что ему казалось, будто и без этого освещения он сумел бы разобраться в зигзагах скальных проходов, в мельтешении осыпей и выбраться к основной, исходной им тропе.

Превозмогая одышку и боли в ногах, спине, которые вновь вернулись и напоминали о себе, он то бежал, то напористо шел, оскальзывался, иногда падал и снова шел, движимый какой-то неясной и неумолимой целью. Его мысли суматошно метались, бились со всего размаха – так птицы, оказавшиеся в замкнутом пространстве комнаты, бьются о прозрачное стекло. Что-то произошло, что-то случилось ужасное, и ему нужно, очень нужно как можно скорее попасть домой. За пределами этого волнения все расплывалось, теряло очертания, и он даже приблизительно не представлял, чем оно вызвано.

Только забравшись в сонный, полупустой автобус, идущий в город, Антон почувствовал, как он измучен, выпотрошен, обессилен. Тело уже даже не болело, все ощущения в нем отключились, погасли. Оно лишь тихо поскуливало и подрагивало, словно избитая, готовая испустить дух собака. Но едва автобус затормозил на остановке близ его дома, как пружина в нем напряглась, сработала и он, привычно припадая на правую ногу, заторопился к своей многоэтажке.

Антон надеялся, что как только он позвонит в дверь, Жанна распахнет ее настежь, бросится ему на шею и, перемешивая слезы радости с упреками, потребует от него обещания, что он никогда больше не посмеет так поступать. Но напрасно звонок соловьем заливался в недрах квартиры. На него никто не откликнулся. Может она, подумал Антон, вернулась вечером домой, прочитала записку, переполошила по телефону всех друзей и знакомых, а утром, спозаранку, отправилась в милицию?

Зайдя в квартиру, он сразу почувствовал неладное. Кинулся в комнату Жанны. Пусто. Никаких свойственных ей запахов, никаких следов ее присутствия. Кинулся в свою комнату

– записка, а поверх нее мобильник, его мобильник, находились на прикроватной тумбочке в том положении, в котором он их оставил. Выходит, Жанны не было, она не ночевала дома. Странно. Да что же это такое? Куда она могла деться? Быстро спустился вниз, выскочил из подъезда, глянул на автостоянку. Вместо их машины там стояла другая. Сторожа обычно в полночь отдают парковочное место постороннему, если хозяин не предупредил о своей задержке.

Ничего подобного Антон не мог припомнить за всю их большую совместную жизнь. Она была домоседкой, каких поискать. Он, случалось, задерживался то в лаборатории, то с товарищами в кафе, иной раз возвращался домой под утро. Жанна – никогда. У нее был пунктик, принцип: после работы сразу домой. И ничто этому не могло помешать. А уж тем более, когда на Антона навалились болезни. Если иной раз в часы пик она попадала в пробку, то обязательно звонила, переживая, что на пятнадцать-двадцать минут опоздает.

И тут, словно от толчка, он встрепенулся. Господи, да что же это его застопорило, заклинило! Ведь Жанне можно позвонить на телефон, который всегда при ней. Свой аппарат Антон специально не брал в горы: по разговору легко вычислить местонахождение абонента. Теперь он торопливо схватил его с тумбочки, включил и увидел, что Жанна девять раз безуспешно пыталась связаться с ним. Причем, в разное время, начиная почти с обеда. Хотя обычно эти часы отведены у Антона под сон или дрему, и он не терпит, раздражается, когда она беспокоит. Неужели интуиция подсказала ей, что он намерился сотворить с собой? Но тогда почему последний звонок сделан за час до окончания работы, а потом – ничего, ни одной попытки выйти на связь, словно обрезало? Что же могло произойти? Живущая в нем тревога, словно монстр, брала его за горло.

Телефон долго не отвечал, и Антон, прижав трубку к уху, слушал, как издали доносится до него любимая Жаннина мелодия из фильма «Карнавальная ночь». Наконец, сиплый женский голос спросил:

– Алло! Вас слушают?

– А почему вы берете чужой аппарат? – возмутился Антон, не ожидавший, что придется разговаривать с кем-то посторонним. – Ну-ка передайте его хозяйке. И побыстрее!

– Ишь, раскомандовался. Тут тебе не воинская часть, а больница. Травматология. Говори повежливей, пока сам сюда не попал.

– Извините, – резко сбавив тон, пролепетал Антон. – Мне бы Жанну, хозяйку телефона, где она?

– Вот так бы сразу, по-человечески... На операцию ее, бедную, увезли.

– Скажите, а что с ней?

– Я в палате уборку делаю, все вокруг лежачие, кроме меня, на звонок и ответить некому. Приезжай, остальное у врача узнаешь.

Странно, хоть известие вон какое пугающее – жена в травматологии, на операции, но пружина в нем чуточку ослабла, напряжение отпустило, Антон почувствовал даже некоторое облегчение. Все-таки неизвестность, пропитанная тревогой, обычно рождает опасения куда страшнее, чем те, что преподносит потом реальность. Ожидания беды изматывают настолько сильно, что потом она сама воспринимается вполне буднично, без потрясений.

По крайней мере, думал Антон, он теперь знает, что Жанна жива, и надо сделать все возможное, чтобы она побыстрее выздоровела. В больнице, куда он уже спешит, ему все расскажут, растолкуют, объяснят. Скорее всего, у нее перелом руки или ноги. Иначе зачем операция? Возле архитектурного управления, где она работает, месяца два-три тому назад коммунальщики вырыли и никак не закопают траншею. Мостик через нее хлипкий, узенький. Жанна говорила, что иногда проще перепрыгнуть. Вот прыгнула, наверное, и поскользнулась.

Травматология в столице у черта на куличках. И дорога соответствующая, вся в ямах: пока травмированный человек туда доберется, из легкого больного в тяжелого превратится. По вывешенному в коридоре списку больных Антон быстро нашел нужную палату. Но Жанну еще не привезли из операционной. Раньше него здесь оказалась Жаннина коллега Валентина Зинченко – очень полная, с двойным подбородком и тяжелым взглядом старая дева. Едва поздоровавшись, она набросилась на Антона с обвинениями.

– Тебе не стыдно? Где ты был вчера? Почему не отвечал на звонки Жанны? Знаешь, как она переживала, ее буквально трясло. Она думала, что тебе совсем, совсем плохо, и ты не можешь даже взять телефон. Напрасно я ее успокаивала, говорила, какие вы, мужики, подлые и неблагодарные существа. После бесплодных попыток связаться с тобой она бросилась к машине и помчалась домой. Не удивительно, что в таком состоянии влетела на повороте в столб... А тебе, смотрю, хоть

бы что. Вон какой верзила. И лицо обветрено. Гуляешь много. А жена разрывается – и работает, и за тобой ухаживает. Знаю я: только прикидываешься больным. Ух, я бы вас, мужиков!..

Молча выслушав эту тираду, Антон не стал ни возражать, ни расспрашивать, чем же обернулась авария для Жанны. Его неосведомленность могла еще больше распалить Валентину и уж совсем настроить против него. Ему и без того тошно. Пусть думает, что хочет. Свою вину он только сам способен измерить и искупить. Авария, судя по всему, серьезная. Надо быть готовым к тому, что лечение растянется не на одну неделю.

Когда Жанну привезли из операционной, она была белей простыни. Тяжелые веки почти прикрывали глаза, оставляя лишь узкую черную полоску. Казалось, она никого не видит, ничего не замечает. Но вот веки приподнялись, глаза дрогнули, остановившись на Антоне.

– Как хорошо, что ты нашелся, что ты здесь, – прошептала она. – Слабая, едва заметная улыбка скользнула по ее лицу. И опять все в ней замерло, стало недвижимым.

У Антона чуть сердце не разорвалось. «Господи, спаси и помилуй! Господи, спаси и помилуй!» – мысленно, как заклинание, повторял он. И смотрел, с отчаяньем и переполнявшей его жалостью смотрел, как Жанну осторожно переложили на кровать, с двух сторон пристроили капельницы, как жидкость из них стала медленно сочиться в ее безжизненно лежащие тонкие, как тростиночки, руки.

Врач, который наблюдал за действиями медсестер, кивком головы указал Антону на дверь.

– Очень тяжелая операция, – заговорил он, когда они вышли в коридор. – Многочисленные переломы, разрывы связок... Не всякий больной выдержит. Ваша жена молодец, у нее сильный характер. Теперь будем проводить интенсивную терапию. Понадобятся дорогие препараты, каких, сами понимаете, у нас нет. Я вас дам список – что и когда необходимо принести. От этого зависит ее выздоровление.

– Огромное вам спасибо! – сказал Антон. – Конечно же, я сделаю все, что потребуется. Главное, чтобы она поскорее встала на ноги.

Врач вздохнул.

– Скоро вряд ли получится. Одной операцией тут не обойтись.

Дома Антон перерыл все знакомые ему места в шкафах и тумбочках, где порознь хранились семейные сбережения. Да, совсем не густо. После больницы он прошелся по аптекам и был потрясен стоимостью выписанных препаратов. Имевшихся у него денег в лучшем случае хватит дня на три-четыре. А что делать потом? Ну, ладно, на следующей неделе у него пенсия. Но при таких ценах она тут же растает словно дым. А дальше? С тех пор, как он заболел, все хозяйство, включая бюджет, вела Жанна. И выкручивалась же! Настал его черед, и он должен, он сможет выкручиваться.

Антон позвонил Сергею Малышеву.

– Слушай, я хотел бы выйти на работу. Как ты к этому относишься?

Тот озадаченно помолчал, размышляя.

– Отношусь-то я хорошо, – ответил он, наконец. – А что с букетом твоих болячек? У нас наклеивается солидный грант, работа предстоит бешенная и всякий шаляй-валяй исключается.

– А я что, когда-нибудь шаляй-валяйничал? – возмутился Антон. – Разве тебе не известно, как я умею вкалывать?

– Но тогда ты был чертовски здоров, а сейчас...

– И сейчас тоже, – твердо заявил Антон, хотя чувствовал себя хуже некуда. – Будь уверен, не подведу.

– Тогда решено. Я рад, что нам предстоит снова работать вместе.

Глотнув таблетку обезболивающего и подождав, когда она подействует, Антон стал вспоминать координаты другого своего приятеля, Степана, который занимался автомобильным бизнесом. Срочно нужен был солидный кредит. У Степана, владельца фирмы по ремонту авто, куда прежде заглядывал и Антон, всегда водились деньги. Но обременять кого-то просьбами было для Антона подобно пытке на медленном огне, и он всегда старался избегать этого. Однако нынче другого выхода просто не было. Через четыре дня не на что будет покупать лекарства. Тогда все летит в тартарары. И он сам вместе со своими принципами.

Возле Степана, добродушного крепыша, как всегда, клубились автолюбители. Отведя приятеля в сторонку, Антон коротко объяснил, что и для чего ему надо. Степан повздыхал, искренне посочувствовал Антону, но в просьбе отказал. И объяснил – почему.

– До пяти тысяч сомов я могу дать тебе без возврата. А большую сумму в долг... – Он покачал головой. – С посторонними людьми проще, там иные рычаги действуют, а со своими...

Знаешь, сколько я из-за этого потерял друзей? По разным причинам каждый из них не мог или не хотел вернуть мне долг и возненавидел меня. Давай лучше сделаем вот как. Я посмотрю, что осталось от былой красоты твоего «Мерса» после аварии, произведем оценку, и, если ты с ней согласишься, сразу полностью заплачу.

– Но меня сроки, сроки поджимают!

– Только не дави мне на психику, – попросил Степан, – Я все брошу и займусь этим. Через два дня тебе позвоню. И еще: будет нужен автомобиль для каких-нибудь срочных поездок, обращайся. Лады?

Предложенная Степаном сделка с разбитым «Мерсом» была для Антона весьма неожиданной. Сначала он даже внутренне воспротивился ей. Но, поразмыслив, понял, что в этом есть свой резон. Заниматься самому ремонтом авто? А на какие шиши? Да и пребывание машины на штрафной стоянке влетит ему в копеечку. Так что в данный момент все по уму – деньги взамен, в общем-то, на обузу.

Говорить об этом Жанне Антон не стал. Она еще слишком слаба, чтобы вникать в такие дела. Вот пойдет на поправку, тогда он все и расскажет. Слава Богу, сознание вернулось к ней, и она могла отвечать на вопросы, да и сама задавать их.

– Где ты был в тот день? Я столько тебе звонила, так беспокоилась, – тихо и устало спросила Жанна. Ее черные огромные глаза на враз похудевшем лице глядели чуть в сторону, словно боясь прочитать то, что он желает скрыть, утаить от нее.

Антон знал: рано или поздно она спросит об этом. Записка, которую он оставлял ей, уходя в горы, уже была разорвана и выброшена. Говорить всю правду не имело смысла.

– Извини, но я из-за болезни засиделся, залежался. И вдруг так захотелось пройтись по ближайшим взгоркам!.. К вечеру думал вернуться домой. Но не рассчитал силы, пришлось задержаться. Предупредить бы, чтоб не волновалась, да мобильник забыл на тумбочке. Каюсь, очень, очень виноват.

– Ну, а теперь... как ты? Еще и я на тебя свалилась.

– Знаешь, мне гораздо лучше. Встряска сильно помогла. Горы – точно бальзам, – бодренько врал он, пытаясь обмануть не то Жанну, не то самого себя. – Жаль, что мы вместе редко по ним ходили. Вот выздоровеешь...

Едва заметная улыбка мелькнула на ее губах.

– Иди, мечтатель, что-то ко сну клонит.

И закрутилось колесо жизни, подминая под себя, как молодую траву, дни, недели и месяцы. Утро Антон начинал с больницы, стараясь радовать жену добрым словом и чем-нибудь вкусненьким, что удавалось купить или приготовить самому. После трех операций Жанна медленно поправлялась, с непостижимым упорством занимаясь медитацией и, в допустимых пределах, гимнастикой.

Потом он спешил в лабораторию. Там было установлено суперсовременное оборудование, которое включалось ровно в девять. Любая задержка грозила серьезными неприятностями. Щедрым грантодателем являлось, по словам Сергея Малышева, российское оборонное ведомство. Военным нужно было найти оптимальный способ воздействия на нейтрино, чтобы с его помощью получить сверхточное оружие. Денег они не жалели, но результаты работы отслеживали постоянно. Так что нагрузка была сумасшедшая.

Вечером он опять мчался к Жанне. Для лечения могли потребоваться новые препараты, и задержка с ними сразу же грозила вызвать гримасу недовольствия у врача: мы, мол, стараемся, творим чудеса, а вы на пустом месте спотыкаетесь. Но главное – Антон видел, как полнится светом ее лицо, едва он зайдет в палату и, выгрузив на тумбочку принесенные дары, усядется возле ее кровати. Сам того не сознавая, он купался в живой воде этих чувств, и готов был лететь, куда угодно, делать, что угодно, лишь бы видеть ее вот такой. «Да святится имя твое!» – повторял он забывшиеся ему слова молитвы.

Домой Антон возвращался поздно и, наскоро перекусив, валился в постель, забывая про столпившиеся на тумбочке лекарства. А однажды, когда делал в квартире уборку, решительно, без сожаленья сгреб их и выбросил в мусорное ведро. Часть уже была просрочена, часть... Глянул на часы – и опять заторопился, заспешил по установленному им же маршруту.

Из большой, десятиместной палаты, где царил, как на кухне коммунальной квартиры, бедлам, да еще усиленный болезнями, Жанну удалось перевести в одноместную палату. На молчаливый вопрос жены, как это у него получилось, Антон принял многозначительный вид, слегка оттопырил нижнюю губу на манер Юрия Никулина, и начал объяснять:

– Видите ли, мадам, во времена товарища Сталина действовал девиз «Кадры решают все», господин Рынок поменял его на девиз «Деньги решают все», а мы с Серегой, объединив

их, добились удвоенной пробивной мощности. По-нашему – «Деньги плюс кадры решают все». Во как! Короче говоря, быстренько решив первый вопрос, мы пообещали администрации больницы усовершенствовать кое-что из реанимационного оборудования. Но не прямо сейчас, а когда справимся с заказом по линии оборонки. Ударили по рукам. И ты очутилась здесь. Нормально?

– О, да! Спасибо, Антоша! Другу своему тоже передай от меня огромную благодарность.

Жанна замечала, не могла не заметить, какие поразительные перемены происходят в Антоне. Радуюсь этому, она вместе с тем боялась спугнуть вершащееся с ним чудо, ни словом не обмолвилась, не намекнула ему об этом. Самому же Антону в круговерти дней даже некогда было приостановиться, задуматься, как и почему его, еще недавно напоминавшего вышедшую из употребления водовозную клячу, стало вдруг хватать для стольких дел и забот, откуда черпаются его силы?

Правда, как-то, ненароком задержавшись у зеркала, он обратил внимание, что лицо у него подтянулось, посвежело, мешки под глазами исчезли. Но лишь на мгновение зафиксировал взглядом – и только. Жанну готовили к выписке, надо было заполнить холодильник продуктами, позвонить Степану, чтобы прислал машину, договориться с Валентиной о встрече возле больницы...

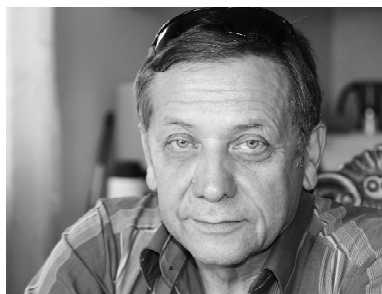
Заканчивалась, уходила восвояси затяжная, бесснежная и морозная зима.

Целый месяц деревья на улицах и в скверах стояли черные, словно у Всевышнего не хватило на них белой краски. Антон ехал на работу, когда хоть и запоздало, но пошел-таки, наконец, долгожданный пушистый снег. Его пришествие на землю было волнующим зрелищем. Зима напоследок отдавала свои долги. Из окна троллейбуса Антон видел как люди, запрокинув голову, ловят снег губами или подставляют ему ладони, как припарковывают машины у обочин, чтобы полюбоваться несущимися с небес белоснежными хлопьями.

Антон уже готовился выходить на своей остановке, когда заметил издалека одинокую властную женщину, точно отгороженную от всех остальных незримым кругом. Она стояла в стороне, окидывая окружающих пристальным ищущим взглядом. Снег вплетался в пряди ее длинных рыжих волос, и они выгля-

дели поседевшими. Ее слишком правильные черты лица говорили о хладности и расчетливости натуры.

Все в Антоне сжалось в предчувствии беды. Он посторонился, чтобы пропустить тех, кто спешил к выходу. Троллейбус вновь набирал ход, остановка осталась позади, когда женщина, будто чуя его состояние, прощально помахала рукой.

Вячеслав
АЛЕКСАНДРОВ

РАССКАЗЫ

Алеет Восток

*Не дай вам бог жить
в эпоху перемен.
Конфуций*

Эта история началась в 1964 году. Очередной эксперимент над подрастающим поколением во Фрунзе отличался экстравагантностью. В школе № 13 с углубленным изучением иностранных языков был введен в программу китайский язык. Видимо для того, чтобы окончательно подтвердить нерушимую дружбу между советским и китайским народами. Под этот каток ускоренного интеллектуального развития попал мой закадычный друг Женя Котлов. Восемь предыдущих лет упорного изучения языка великого Шекспира дали весьма скромный результат. На стандартный вопрос:

– До ю спик инглиш? – ответ был нестандартный:

– Дую, дую, но хреново!

Вот крутить педали велосипеда, сходить в поход в горы или написать статью в «Комсомолец Киргизии» – это было для Жени запросто. Как он попал с такими задатками в школу с углубленным изучением языков, остается загадкой.

Гроза в виде госэкзамена неотвратимо приближалась. И тогда, в качестве манны небесной, Министерство образования Киргизской ССР ниспослало Женьке китайскую грамоту, выступив для него в роли ангела-спасителя. Котлов учился тогда уже в одиннадцатом выпускном классе, а за один год выучить китайскую грамоту не смог бы и полиглот. Для Женьки, вероятно, и язык племени Мамбу-Юмбо, состоящий из трехсот слов, был бы непреодолимым барьером. Но, к его счастью, руководство школы приняло соломоново решение – всем выпускникам

китайского класса было поставлено в аттестат пять баллов по иностранному языку.

Единственным реальным достижением любителя велоспорта и альпинизма в области познания языка мудреца Конфуция оказался гимн «Алеет Восток», посвященный Великому Корчему – Мао Цзэдуну. Хотя и его дальше первого куплета Женя не осилил.

Китайский язык помог Котлову поступить в Ленинградский институт Физической культуры имени Лесгафта. Когда приемная комиссия института увидела в аттестате оценку отлично по китайскому языку, то немедленно впала в ступор. Проверить знания претендента на высокое звание студента физкультурного института не представлялось возможным, за неимением специалистов в области изящной китайской словесности. Поэтому ловкий абитуриент был зачислен в число студентов этого прославленного учреждения без экзамена по иностранному языку.

Перед тем как покинуть родной город, Женька успел заразить своей глубокой любовью к китайской музыкальной культуре всю нашу компанию.

Хоровое исполнение бессмертного хита, посвященного Великому Кормчему, на прощальной вечеринке в поздний час на чистом ханьском диалекте привело в экстаз всех уличных собак и надолго запомнилось всему населению окрестных дворов. А содержание этого единственного куплета, состоящего всего из двух строк, в переводе на русский было совершенно безобидно:

Алеет восток. Это красное солнце встает над миром.
Это красное солнце – Мао Цзэдун.

Но как поется в известной песне: «Ничто на земле не проходит бесследно!» Литературно-музыкальная мина замедленного действия, заложенная в меня Женькой Котловым, сработала через тридцать лет.

Наш деловой визит в декабре 1993 года в Китайскую Народную Республику включал посещение Государственного института Гляциологии в городе Ланчжоу. Там мы договорились с профессором Се Зю Чи о проведении совместной экспедиции в горах Тянь-Шаня для исследования ледников и проведения восхождений на пики Победы и Хан-Тенгри. А также организации совместного предприятия в области туризма.

С киргизской стороны высокую договаривающуюся сторону представляли: Еропунов Александр Николаевич – начальник отдела игровых видов спорта и альпинизма Спорткомитета Киргизской ССР; Щетников Николай Николаевич – директор туристской компании «Достук-Треккинг»; Денисов Валерий Георгиевич – тренер сборной команды Киргизской ССР по альпинизму; и скромный автор этих строк, Александров Вячеслав Васильевич – в то время тележурналист и кинооператор.

С китайской стороны переговоры вел наш друг профессор Се Сю Чи, ученый-гляциолог с мировым именем, бывший директор института, но тогда уже лишь начальник отдела, поскольку недавно был освобожден из трудового лагеря в деревне, где он, под руководством революционеров-хунвейбинов, возделывал рис для нужд культурной революции. Причем профессор перед ссылкой в деревню пять лет отсидел в тюрьме, только за то, что поставил стакан горячего чая на цитатник Мао Цзэдуна, которого на самом деле Се Сю Чи очень уважал.

Одним словом визит уверенно катился к успешному завершению. Пока мои товарищи трудились на переговорах, меня черт понес снимать на новую японскую видеокамеру «Хитачи» местные достопримечательности.

Город-четыремиллионник Ланджоу, как и все китайские мегаполисы был погружен в глубокий смог. Несмотря на десятиградусный декабрьский мороз тысячи велосипедистов сновали вдоль и поперек главного проспекта города как молекулы в броуновском движении. Все в белых перчатках и медицинских масках.

И вдруг, вся эта муравьиная карусель бросилась врассыпную и по центру проспекта понеслись полицейские джипы с мигалками и сиренами. За ними колонна грузовиков с открытыми бортами. На каждой машине стояли два солдата с автоматами, а между ними человек в белом нижнем белье и наручниках. Солдаты были в застегнутых полушубках, завязанных шапках-ушанках и с красными от холодного ветра носами. Люди в одном белье были просто синими. Я тут же схватился за камеру и стал снимать. Это было что-то из ряда вон выходящее, достойное телеэкрана действие! А машины шли и шли. Их было более тридцати. Наша переводчица – студентка-практикантка объяснила мне, что это – популярное зрелище не для слабонервных. Колонна автомобилей везла преступников на городской стадион на публичную казнь. Через повешение! Наркобароны шли в первую очередь, потом сошка мельче: бандиты и воры – одним

словом – криминал, на закуску подавались сутенеры. И все это шоу транслировалось по местному телевидению! Члены Коммунистической партии присутствовали на казни в обязательном порядке. Иностранцы же на стадион не допускались.

У меня, честно сказать, и желания не возникло наслаждаться этим спектаклем. Но не успели мы с переводчицей дойти до ближайшего фонтана в парке, как с четырех сторон по аллеям к нам подлетели черные джипы. Из них выскочили, как черти из табакерки, маленькие китайцы в черных кожанках. Они подхватили меня под руки и повели в симпатичный парковый павильон, оказавшийся закамуфлированным отделом полиции. При этом полицейские все время громко разговаривали по радиостанции друг с другом, находясь на расстоянии всего пяти метров. Они больше походили на опереточных злодеев, чем на сотрудников национальной безопасности. Выяснилось, что они засекли мою камеру еще час назад до задержания и вели нас до удобного момента, чтобы взять «крупную рыбу» с поличным.

Вначале КаГЭБэшники отобрали у меня камеру и сходу обвинили в шпионаже на американскую разведку. Перед моим мысленным взором моментально возник образ городского стадиона с портретами Мао Цзэдуна, грузовики с портативными виселицами и многотысячная толпа футбольных болельщиков... пардон, культурных революционеров-хунвейбинов с фанатичным кличем: «Смерть шпиону!»

По тяжести содеянного, по определению полицейских, я оказался следующим после наркобарона, но перед сутенером. Ошалевшее от неожиданно навалившихся на меня событий воображение уже рисовало мою виселицу, возвышавшуюся над всеми остальными, и веревка на ней была толще, чем на соседних.

И тут стражи гостайны обнаружили мой советский паспорт. Подозрение в шпионаже сняли и заменили на обвинение в запрещенной съемке смертной казни. Оказывается, казнить публично было можно и нужно, даже снимать и показывать местной публике по телевидению, потому как, это искореняет преступность, но иностранцу ни присутствовать лично на казни, ни, тем более, снимать и потом показывать публично отснятый материал нельзя. Потому, что это портит имидж Китая как страны туризма.

То, что я оказался советским гражданином, сыграло решающую роль в моей дальнейшей судьбе. Меня отпустили! Даже камеру вернули, отобрав кассету. Что стало, после всех

предъявленных мне обвинений, приятной неожиданностью. Мне даже было жаль их: фанатичные поклонники публичных казней лишились кульминации – спектакля «Повешение американского шпиона»! Только переводчицы, нашей студентки я больше не увидел.

Прощальный банкет проходил в лучшем по тем временам ресторане столицы Синьзян-уйгурского автономного района – города Урумчи. Профессор Се Сю Чи, пользуясь случаем, пригласил на наши проводы всех достойных людей. А их набралось человек пятьдесят. Сотрудники института Гляциологии. Жены сотрудников. Друзья сотрудников. Сотрудники их друзей... и так далее. Мы были удивлены такими пышными и многочелюдными проводами. А ларчик просто открывался! Поскольку мы были официальной делегацией, то и прием оплачивался из казны. И здесь можно было развернуться.

Вечер удался! Четырехэтажный ресторан был хорош. Залы были разделены не стенами, а камышовыми перегородками. Местная традиция!

Кухня была прекрасна. Китайские изыски из мяса, овощей, рыбы и всего остального, что только плавает, ползает, прыгает, летает и шевелится на этой грешной земле, было на нашем столе.

Народ ел и пил, не стесняясь – за все было заплачено! И часа через два его потянуло к прекрасному. Захотелось попеть. И было с чего. Запивалась эта, на наш взгляд, замечательная китайская кухня, таким же замечательным напитком, но на китайский взгляд, рисовой водкой. Верхом этого алкогольного изыска было присутствие в бутылке заспиртованной змеи. Наливалась эта гремучая смесь, по местным обычаям, в рюмочки с наперсток величиной, грамм десять. После долгих тостов содержимое попадало в рот, обжигало язык, оставляя после себя вкус паленой резины и запах анисовых капель.

Киргизскую делегацию, привыкшую к благородному вкусу «Столичной», изготовленной по рецепту от Дмитрия Ивановича Менделеева, сей китайский напиток, по нашему понятию, не имевший право называться водкой, даже не взбодрил. И мы пребывали в пограничном состоянии.

Но местное сообщество уже было близко к мечте любого приличного буддиста, то есть, к состоянию наивысшего блаженства – Nirване.

Сначала китайцы спели какую-то народную китайскую песню, а затем решили преподнести нам сюрприз.

Поскольку большинство из присутствующих уважаемых ученых обучались в лучших университетах Союза, то на прилич-

ном русском языке они ностальгически затянули «Подмосковные вечера».

Мы включились в этот импровизированный хор. Не грузины конечно, чувствовалось отсутствие репетиций и спевки, но получилось душевно и для нас патриотично.

Затем образовалась неловкая пауза. Мы поняли, что нужно чем-то отвечать. Из нашей компании Александр Николаевич Еропунов умел только руководить и писать правильные доклады, Коля Щетников был геологом и мог писать научные статьи, Валера Денисов был прекрасным тренером по альпинизму и хорошо рассказывал анекдоты. Из кандидатов в солисты оставался только я. Лишь я имел музыкальное образование и знал ноты. Вот тут-то и взорвалась китайская музыкально-литературная бомба по имени «Алеет восток!», заложенная нашим другом китайского народа – Женькой Котловым. Хотя не последнюю роль сыграла и зловредная китайская анисовка, пропитанная змеиным ядом.

– Уважаемые дамы и господа! Я тоже знаю одну китайскую песню, и думаю, она будет для вас сюрпризом, – начал я свое выступление, встав со стула.

В наступившей внимательной тишине я со старанием затянул заклинание от Женьки Котлова:

– Дон фан хун, та ян шен – то есть «алеет восток...»

И остановился. Потому, что вдруг почувствовал, что тишина из внимательной, вдруг превратилась в робовую. Весь зал напрягся. В воздухе я ощутил такое напряжение, словно перед разрядом молнии. И тут до меня дошло, что время то сейчас лихое, переменное. Культурная революция закончилась, и учитель Мао не в фаворе, но и хунвейбины еще сильны. Новые власти не полностью овладели ситуацией. И понял я, что уйти своими ногами из этого ресторана могу только во главе шайки революционеров, размахивающими цитатниками Мао, и как герой. В противном случае придется мне уехать в белых подштанниках на грузовике в сопровождении солдат к элегантной виселице на стадионе. Ни то ни другое не вызвало у меня положительных эмоций. Волосы у меня зашевелились на голове от волнения и пот на лбу выступил. Хмель как рукой в момент сняло.

И вдруг в этой звенящей тишине профессор Се Сю Чи вытянулся во весь свой не гигантский, полутораметровый рост и запел о Красном Солнце, которое встает над миром. За ним один за другим вставали профессора, ассистенты, аспиранты, жены аспирантов и друзья жен и вплетали свои голоса в слабый

голосок профессора. Глядя в пространство остекленевшими взглядами, они пели о Мао Цзэдуне. Вдруг из соседнего зала донеслись звуки этой же песни и через минуту уже мощный хор голосов, звучащий со всех четырех этажей ресторана, подхватил торжественный гимн «Алеет восток».

Внезапно в раскрытые окна влетел свежий порыв ветра. Казалось, сам дух Великого Кормчего ворвался в зал и витал над головами поющих.

Я стоял, разевая рот и изображая пение в хоре, поскольку благодаря стараниям Женьки Котлова знал только первый куплет.

Прозвучал последний торжественный аккорд гимна. И мне уже не была страшна ни месть хунвейбинов, ни призрак городского стадиона с виселицами и КаГэБэшниками. На меня обрушился град аплодисментов и всенародная любовь посетителей ресторана. Это был фурор, апофеоз и полный успех! Сюрприз удался на славу.

Назад мы летели из Урумчи в Алма-Ату ночью.

Незадолго до посадки я выглянул в иллюминатор. Уже заалел восток и восходящее солнце осветило высочайшие вершины Тянь-Шаня – Победу и Хан-Тенгри. Я возблагодарил судьбу за то, что вижу прекрасные горы и настоящий, не песенный, восход солнца.

А ведь могло быть все иначе.

Говорил же великий мудрец Конфуций: «Держись золотой середины!», так чего я высовывался? Ведь в русском варианте эти слова китайского мудреца звучат так: «Хорошего в меру, но и плохого не до слез!»

На «Пьедестале» Победы

Настало время сиесты. То самое благословенное время, когда после сытного обеда можно с удовольствием растянуться на шезлонге. Видавшая виды панاما от Среднеазиатского военного округа надежно защищала глаза от жесткого августовского солнца. В руке была кружка замечательного беловодского пива. А рядом – дубовая бочка этого божественного напитка. Мой собеседник, Серёжа Клованич, протягивает свою руку к крану, и пенное безумие вырывается на свободу из темного дубового плена, наполняя кружку и душу неизъяснимой благодатью. Мы продолжаем неспешную философскую дискуссию о способе потребления благородного напитка. Можно выпить всю кружку залпом и сразу впасть в нирвану, или же пить мелкими глотками, впитывая всеми фибрами души оттенки вкусовой палитры этой пенной благодати. Сережа, помимо многих альпинистских регалий, имел степень доктора технических наук, являлся профессором Одесского университета и еще хорошо разбирался в существе проблемы.

Внизу под нашими ногами волны могучей ледяной реки по имени Иньльчек билась о пляжную морену пика имени Горького. А напротив нас за Иньльчком и соседним ледником Звездочкой, заслоняя горизонт, грелся на солнце десятикилометровый массив пика Победы. Три километра от подошвы до вершины! А еще четыре с половиной вниз, сквозь ледник, до уровня мирового океана, получается всего 7439 метров. Куда только черт нас не занесет! Фантастика. Мираж.

Но пиво настоящее. Значит, и остальная декорация из льда, снега, скал и фиолетового неба есть объективная реальность. Тем временем Серега погрузился в нирвану. Значит, спор решился в пользу осушения кружки одним залпом.

С горами и ледниками все было понятно, они живут тут уже двести тысяч лет. Одиноко и скучно. А вот появление четырех бочек пива в верхнем базовом лагере кооператива «Альпинист» на высоте 4000 метров над уровнем моря было похоже на мираж. На самом деле это было частью тщательно спланированной стратегической операции по привлечению иностранных альпинистов в наши киргизские горы. Эту бесплатную приманку придумал наш предводитель – Володя Бирюков. Придал ей товарный вид и достойную упаковку художественный руководитель нашей команды Володя Максимов. В виде цветистых буклетов и про-

грамм. И как ни странно, «забугорный» народ клюнул и потянулся на этот бонус.

Нужно сказать несколько хвалебных слов в адрес беловодского пива. Не то, чтобы данный напиток представлял собой шедевр пивоваренного искусства, но даже по нынешним меркам тянул на хорошую четверку, помещаясь где-то между «Пльзеньским Праздроем» и «Златным Фазаном».

Выполнять благородную миссию по экспедированию драгоценного товара в высокогорную местность поручили непримируемому борцу с алкоголем во всех его проявлениях и количествах Валере Колмановичу. Короля тянь-шаньских дорог – Колмана, знали тогда во всех геологических партиях и альпинистских лагерях республики. Не было, наверное, на киргизских горных просторах такой даже самой заброшенной дороги, не хранившей след колес его «Шишиги» – Газ 66.

Удостоенный высокого доверия нашей команды Колман умудрился получить, всеми правдами и неправдами, на Беловодском пивзаводе восемь соблазнительных сорокалитровых бочек «Жигулевского» пива.

В целостности и сохранности Колману удалось доставить груз во Фрунзе в офис кооператива. Здесь начались проблемы. Коллектив компании даже в мыслях не мог допустить, что на знаменитый ледник у подножия пика Хан-Тенгри попадет некачественный продукт, и тем самым нанесет непоправимый урон репутации нашей страны вообще и кооперативу «Альпинист», в частности. Поэтому было решено устроить дегустацию напитка прямо во дворе конторы.

Для участия в этом тонком и высокопрофессиональном мероприятии были приглашены и знатоки из дружественной 231 геодезической партии. Вскоре дегустационный материал в количестве одной бочки неожиданно быстро кончился, но был одобрен и признан годным к употреблению даже привыкшими к изыску иностранными желудками. Колман тоже был «за».

Но путь в базовый лагерь Иньльчек не был усеян розами.

Следующая остановка пивного конвоя в славном граде Пржевальске выкосила еще один поросенкоподобный бочонок. Местная мафия, в лице администрации альпинистского лагеря «Ала-Тоо», уже оповещенная о нашем «секретном грузе», нагло потребовала расплатиться за ночевку исключительно живым товаром. Проблема хорошего пива была большим местом не только города Фрунзе, но, подобно эпидемии, широко распространилась по всей территории нашей горной страны.

Колман слабо сопротивлялся, но силы были не равны.

Наконец, после многочасового пути с перевала Чон-Ашу на горизонте показался родной базовый лагерь Майда-Адыр. Валера уже почувствовал близость дома и расслабился. А зря! Сарафанное радио уже давно донесло до лагеря график продвижения пивного каравана.

С фронта на него надвигалась стройная фаланга «акаевских соколов» – экипаж вертолета, подкрепленный техническим составом. С тыла, как и подобает «зеленым фуражкам», подкрался командный состав погранзаставы. Ввиду грамотных действий нападавших и явного превосходства сил две бочки были немедленно реквизированы и, ввиду нелетной погоды, переданы заклаюню тут же на поле боя.

И здесь Колман совершил геройский поступок, увековечив свое имя в памяти всех посетителей верхнего базового лагеря под Хан-Тенгри. Он бросился всем телом на жалкие остатки разграбленного каравана в виде четырех бочек и заявил, что не встанет с них пока они не будут загружены в вертолет.

Вот таким образом бочки с пивом попали на высоту 4000 метров над уровнем моря, и мы с профессором Клованичем, наслышанные обо всех ужасах этой пивной эпопеи, имели возможность справлять сиесту под пиком имени великого пролетарского писателя.

Эта божественная благодать была нарушена до боли знакомым звуком летящего ангела. Это был вертолет, и его появление здесь было нам не понятно.

Мы его не ждали. Продуктов хватало, больных не было. На маршрутах все спокойно. Но на всякий случай ребята побежали на площадку. Оставшиеся начали строить предположения, кого и зачем принес сюда черт без нашей заявки, поскольку на утренней связи не было ни слова о полете.

Через минуту из-за морены выскочил запыхавшийся гонец.

– Слава, срочно хватай камеру и на борт! Андреич летит на Победу снимать команду Божукова!

Теперь все стало на места. Вячеслав Андреевич Овчаренко – это шеф-пилот вертолетного отряда. Он давно уже хотел совершить посадку на высоте 5000 метров над уровнем моря. Официально разрешенная высота для МИ–8МТВ не более 4000. Хотя ходили слухи, что в Афгане, при выполнении спецзадания, другой наш командир, Владимир Петрович Сергиенко, забирал людей выше 5000. Сам Петрович это не подтверждал, поскольку все было сверхсекретно. Андреич давно готовился к такой

посадке. Технические возможности вертолета позволяли, сам он давно был готов и даже совершал тренировочные полеты на пустой машине. Но в реальных условиях то не было возможности, то не позволяла погода. Сегодня, видно, все сложилось. Меня он позвал, чтобы запечатлеть на видео все это действие и потом использовать его при обучении пилотов.

Одним словом, моя сиеста рухнула в момент, зато «киношная» Фортуна раскрыла объятия. Я метнулся в палатку. Камера всегда была наготове. Пуховка, кроссовки, летим-то на полчаса, и аллюром побежал к вертолету. Как только я впрыгнул в дверь, машина пошла вверх.

Слева на командирском кресле сидел Андреич, справа Рашид Каримович Джангиров – старый воздушный волк. В салоне – бортинженер Коля Шанаров. В общем, очень серьезная компания. Пока шли над Звездочкой, Андреич дал вводную инструкцию.

– Утром, после общей связи, в эфир вышел Валентин Божуков и попросил снять вертолетом команду московского «Буревестника» с «Пьедестала» Победы.

Я знал, что группа Божукова уже побывала на вершине и теперь спускается по Северному ребру к «Пьедесталу». Это было не просто спортивное восхождение. Знаменитый альпинист и научный сотрудник секретных почтовых ящиков Божуков продвигал смелую идею использования парашлана в горах для спуска с вершины после восхождения. В этот раз его команда попыталась спустить тела альпинистов, погибших на Победе в 1973 году, с высоты 7000 метров на парашлане с дистанционным управлением. Но с погодой не повезло. Ветер дул так, что если бы кто-то распахнул пуховку, изображая горного орла, то неуправляемый полет над бескрайними вершинами и бездонными пропастями ему был бы обеспечен. Возможно, вид оттуда прекрасен, но без всякой гарантии счастливого приземления. Так что пришлось срочно покидать вершину старым испытанным способом, ножками. А в команде двое больных.

«Пьедестал» – это приличное плато на ребре Абалакова на высоте 5400м, а ниже очень лавиноопасный спуск к леднику Звездочка. Когда-то там погибла в лавине команда САВО, одиннадцать человек.

С «Пьедестала» и решили снять группу.

На подлете увидели ребят. Они, как показалось, были недалеко от плато. Прошли над площадкой. Вполне приличный пятачок 20 на 50 метров. Ушли на перевал Чон-Терен к самому

Китаю и левым бортом заложили вираж у пика Военных Топографов. С 6000 метров начали потихоньку по глассаде падать на «Пьедестал».

При подлете подул встречный ветер. Скорость около 50 километров в час. Обычно при таких условиях наступает «трясучий режим». Высота большая, скорость маленькая, машина работает на пределе. Вертолет сильно вибрирует, словно подхватил высотную лихорадку. Ни зависнуть нельзя, ни промахнуться мимо площадки. За бортом знаменитое абалаковское ребро – рукой подать. Вдруг трясучка проходит, пилоты поймали воздушную подушку, и мы плавно касаемся снега. Высший класс! Приехали!

Коля вылетает из кабины, я открываю дверь, он откидывает лестницу и прыгает в снег. Это обязанность бортмеханика – контролировать положение колес при посадке.

А кругом снежная круговерть! Винты подняли настоящую метель из сухих наэлектризованных снежинок. Я сиганул вслед за Колей и попал в центр электрического торнадо. Вокруг меня, по голове, рукам и по камере, забегали синие искры и защелкали статические разряды. В ответ на это моя камера ругалась японски, показывая в видеоискателе какие-то непонятные иероглифы.. Не приучена, видно, аппаратура была на заводе «Хитачи» к высотным тянь-шаньским экзерсисам.

Через пять минут винты раздули снег и открылась грандиозная панорама Тенгри-Тага. От пика Броненосец до Хан-Тенгри. И стало видно, что ребята Божукова быстро не подойдут. Далеко еще до них. Видно, устали мужики, снега навалом. Андреич принял соломоново решение.

– Пока группа подойдет, мы сделаем еще один кружок, пойдем на посадку, а ты все это красиво снимешь с «Пьедестала»!

Ошарашенный ревом ветра и винтов, потрясающей горной панорамой, опьяненный шальной удачей киношника, я послушно кивнул головой.

Вертушка взревела, набирая обороты, и, обдав меня очередной порцией снега, провалилась в сторону Звездочки. Затем на боевом развороте прошла над хребтом Ак-Тоо и на фоне Хана зашла на посадку, прямо на меня. После электростатического шока камера, наконец, пришла в себя, сменила японский слэнг на литературный английский язык и прекрасно заработала.

Ах, как красиво на фоне вершин смотрелся вертолет в видеоискателе камеры! Вот он все ближе и ближе... Нет, не ближе,

а дальше... И вообще летит куда-то не туда... Медленно и торжественно Андреич прокатил мимо «Пьедестала» и, теряя высоту, ушел в сторону Иныльчека. Через пять минут вертолет, превратившись в маленькую точку, скрылся за пиком Дикий. Наступила оглушительная тишина.

Вот тут до меня дошла вся пикантность моего положения. Я стою на заброшенном в мировом пространстве пяточке, на высоте 5400 метров на ребре Абалакова пика Победы. По колено в снегу, в кроссовках на босу ногу, в ситцевой рубашонке, правда, в пуховке и с дорожкой видеокамерой. Вертолет ушел непонятно почему и неизвестно куда! И когда он вернется? Если вернется! А я, опытный альпинист, битый киношник, торчу здесь, как последний пижон. Ни снаряжа, ни еды, ни спальника, ни палатки. Конечно, «божуковцы» на подходе. А вдруг, увидели, что вертолет улетел, решат, что он не смог сесть и повернут вниз напрямки к Звездочке? А эта пляжная погода может здесь, на Победе, в пятнадцать минут превратиться в такую снежную «клизму» с ветром, что забудешь, как тебя зовут.

С другой стороны, успокаивал я себя, летал я с Андреичем уже десять лет. Это горный пилот экстра-класса и просто настоящий мужик. Полеты в самых сложных метеоусловиях, посадки на неподготовленные площадки, спасательные работы. А сколько молодых командиров называют его своим учителем! Тут вспомнилось одно из его наставлений для молодежи: «Посадка вертолета в горах это не полет, а управляемое падение!» На ум пришло высказывание Андреича, сделанное однажды за рюмкой в кают-компани лагеря на Майда-Адыре: «Смотрю я иногда на вертолет и не понимаю, как эта штука летает? Пять тоненьких лопастей тянут машину вверх, а восемь тонн железа, керосина, всякого барахла и с десятков живых душ висят всего на одном болте и тянут вниз! И ведь еще как летает!»

Я подумал о Джангирове. Он из этой же славной когорты горных пилотов, не зря Андреич позвал его на первую посадку выше 5000 метров. Нет, шутки в сторону! Наши киргизские пилоты никогда не бросали людей в горах! А в голове предательская мыслишка копошится: «Чего они так быстро смылись? Может, с топливом промахнулись? А может, «спасы» срочные? Вызвали их по рации?»

Вспомнил, как однажды мы просидели неделю на леднике в ожидании вертолета. Связи не было, аккумуляторы «издохли», продукты кончились. В первые дни каждый посторонний звук принимали за вертолет. Вздрагивали и выбегали из палаток.

Отчаялись ждать, зашевелились, когда «вертушка» практически села к нам на головы. А за день до этого два самых нетерпеливых «бойца» не выдержали пытки ожиданием и рванули вниз пешком. С воздуха разглядеть их мы не смогли. И пришлось ребятам топтать по серакам и трещинам Иныльчека четыре дня до Майда-Адыра. Оказалось, что пришло указание из райкома партии срочно перебросить вертолет на перевозку соли для баранов. Райком тогда был выше Господа Бога. План по баранам был гораздо важнее всякой ерунды в виде людей на леднике.

Под знаком этих панихидных размышлений прошел час. Ноги уже начали подмерзать. А воспоминание о теплой морене и беловодском пиве вызвало судорожный глоток. Уже и горы не казались такими восхитительными и прекрасными, и солнце не таким ярким и теплым. И уже потянулись какие-то «поганые» облачка, предвещающая близкий «кердык» погоде. А славных «Буревестников» с моего места все не было видно из-за ближайшего склона. А может, они уже топают прямо вниз, к леднику Звездочка? Тогда мне без «вертушки» хана.

Неожиданно в морозном воздухе раздался родимый русский мат. Невидимый корреспондент в простых и конкретных выражениях высказывал свое возмущение по поводу неудовлетворительной работы местных коммунальных служб Победы по расчистке маршрутов от снега. Эта тирада показалась мне верхом изящной словесности и одновременно давала зримую информацию о глубине снежного покрова. Значит, пахать им снежную целину до моей площадки оставалось еще минут пятнадцать-двадцать. Ну, это я переживу. Теперь уже не один!

Вдруг звенящую тишину нарушил несмелый звук. Тонкий, вибрирующий. Вертолет! Этот звук я знал наизусть и мог определить его где и когда угодно. Ошибиться было невозможно. Чем ближе он подлетал, тем ниже становился голос машины, превращаясь из писка комара в торжественную мелодию органа. Снова ярко засияло солнце, куда-то испарились «поганые» облачка. И на фоне темно-фиолетового неба над вершинами Тенгри-Тага ярко-красный вертолет с бортовым номером СССР 25780, как ангел-спаситель, приветственно покачиваясь, прошел над моей головой.

Теперь все было правильно и здорово. Машина на траверзе пика Военных Топографов развернулась и красиво пошла на посадку на мой пяточок. Опять меня и камеру обдало снежной купелью и диким ветром. Но это была божья благодать.

Открылась дверь, и я влетел в салон как пушинка, как ядро, как Карлсон, который живет на Победе.

– Ну что, трухнул малость? – улыбнулся Андреич. – Мы, когда взлетели, увидели, что ребята идут медленно, а керосина мы брали немного. Ну и решили уйти вниз, выключиться. Вот у Чон-Таша и сели на 2800. Выключаться ведь на 5400 нельзя. Можем потом не запуститься. Прикинули, с час придется обождать. Сейчас на подлете увидели, ребята рядом.

– Трухнул! – заорал я. – Не то слово. А если бы погода «сcurвилась»? Вы-то видели, что все нормально, а я только гадать мог!

В общем, адреналина я с этим кино хватанул нормально.

В эту минуту из-за снежного бугра вылез Божуков. Ветер от винтов буквально скидывал ребят назад. Пилоты держали машину на взлетном режиме, но специально приглашать их на борт не пришлось. Впрыгнули на борт, как обезьяны, несмотря на усталость. Через десять минут мы благополучно опустились на площадку нашего лагеря.

Я подошел к лагерной радиорубке, где у столовой стояли два шезлонга и бочка с пивом. На одном по-прежнему возлегал профессор Клованич в состоянии нирваны. Шум вертолета разбудил его.

– Как прокатился на Победу? Ноги не замочил? Что так долго?

– Нормально. Только вертолеты редко ходят. Расписание нарушают. Да пива там нет. Налей-ка кружечку.

И я с огромным удовольствием залпом осушил священный сосуд, сделав тем самым уверенный шаг на пути к нирване.

С тех пор у меня появилось золотое правило общения с винтокрылыми машинами. Летишь на час – собирайся на сутки. Летишь на день – прихватывай вещей на неделю.

ПОЭЗИЯ

УШЕДШИЙ ПРАЗДНИК

Читаю и перечитываю последние стихи товарища – Александра Никитенко – ровесника, друга, с которым вместе учились, росли, переживали трудности, выживали, осваивали нелегкое поэтическое ремесло и брали первые высоты. И последние... Грустно, больно, что его больше нет. В виске стучит ахматовская строчка: «Когда человек умирает, изменяются его портреты...». И стихи – тоже. Читаются совсем по-другому.

Александр Никитенко ушел в самом расцвете своего поэтического дара. Ушел, оставив нам на память полтора десятка прекрасных поэтических книг, в том числе таких необычных, не имеющих аналогов в русской, да и мировой, литературе, как «Переворачиваю мир». Он, уже отринувший свою земную тропу, будет еще многие десятилетия переворачивать мир новых поколений, потянувшихся к поэзии, к тихому празднику мудрого слова...

Для читателей нашего журнала, кто часто встречался на страницах «ЛК» с творчеством Александра Никитенко и успел его полюбить, напомним в нескольких строках биографию ушедшего поэта: родился в 1948 году в Душанбе Таджикской ССР в семье служащего. Окончил филологический факультет Киргизского университета (1971). Работал наладчиком на заводе во Фрунзе (1973–79 гг.), ответственным секретарем журнала «Литературный Киргизстан» (1979–88 гг.), затем корреспондентом газеты «Вечерний Бишкек» (1998–2012 гг.). В журнале «ЛК» впервые напечатался в 1967 году. Автор поэтических книг «Подсолнух», «Свет в судьбе», «Раздолье», «Высь», «Третий раунд», «Некто я», «Зимняя радуга», «Переворачиваю мир», «Пульсар», «Десятая книга», «Дневная фактура», «Силовое поле», «Нестабильность», «SMS», «Мостовая времён», «Я бета тебя», «Небо в нас самих».

25 сентября в бишкекском Доме русской книги прошел вечер, посвященный памяти Саши Никитенко, его поэзии, которая живет, здравствует и будет здравствовать многие-многие лета – именно так о ней говорили как писатели, критики, так и читатели разных поколений.

Светлана Суслова, поэт

САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ АЛЕКСАНДРА НИКИТЕНКО

ЖИЗНЬ

На этом празднике я был.
И кой-чему я аплодировал.
А кое-что я не любил,
не принимал, но апробировал.

А кое-где я был, как лев!
А кое-где я был, как заяц.
А кое-где я шёл на блеф,
и вел себя я как мерзавец.

Крушили горе и беда,
под их ударами качало.
Но побеждало, как всегда,
моё здоровое начало.

Советский рай и новый строй, и
паденья, и добро и зло.
Конечно, метил я в герои,
Да сбронзоветь не занесло.

Босой шёл росы осязать.
Жил под звездой не по расчёту.
И, в общем, по большому счёту
мне больше нечего сказать.

31 мая 2014 г.

НЕ БЕС

Навзничь опрокидывает тебя недуг.
В окне пронзительная высь небес.
Бездна перехватывает дух.
Господь взыскует тебя! Не бес.

31 мая 2014 г.

где дикие силы природы
в пыль разум пылливый сотрут
исчезнут земные народы
и с ними их боги умрут

24 мая 2014 г.

Покорил оазисы научные,
превзошел глубины и верхи.
Правильные,
длинные
и скучные,
как трактаты,
пишет
он
стихи.

4 марта 2014 г.

в сумерках глаза подыдем выше мы
во дворах темно, но выше их
долго еще свет стоит над крышами
четырёхэтажек типовых

23 мая 2014 г.

В ПАЛАТЕ

1.

Принял капельницу.
Скушал яблоко.
Валидол.
И лежишь, лежишь.
Кислород
перекрыли наглухо –
не пускают обратно в жизнь.

2.

В палате
ангелы в халате.
И на тебе самом халат.
В палате
призван ты к расплате
за всё, что было вне палат.

Иглы в вены входят, как распорки.
Вены в дырках. Кровь рекой все дни.
Я попал в кровавые разборки:
Господи, спаси и сохрани!

22 февраля 2014 г.

СОВЕТ

Если слабость, как хмель, обуяла,
валит с ног, а вокруг никого,
не ложитесь поверх одеяла –
сил не будет залезть под него.

Свернись калачиком, ладошка под щекой.
Все волки сыты и все целы овцы.
Усни. Хотя бы телу дай покой.
А о душе не вспоминай и вовсе.

Суеверья свои укокошь-ка!
Но в полуночную круговерть
на собаку он шикал в окошко —
чтоб не выла, не кликала смерть.

22 февраля 2014 г.

Т.В.

Через полвека вспомнил: БЧК,
Ты, наконец, пришла из переулка.
По пыльной дамбе пешая прогулка.
И камышом поросшая река.

За поворотом в летней тишине
уходят в перспективу те же воды.
И ты — сама гармония природы —
гармонию с природой даришь мне.

22 февраля 2014 г.

Стал король подобием паяца.
В тьме лачуг и золоте дворцов
то, чего панически боятся,
получают все в конце концов.

29 февраля 2014 г.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ ПОСЛЕДНЕГО СБОРНИКА «НЕБО В НАС САМИХ»

СОКРАТ

Нет Сократа. Горькая утрата!
Мне Сократ стократ как человек.
Я люблю Сократа как собрата
по духовной стойкости вовек.

Чтоб не обрывались дни Сократа,
сколько б горьких выпил я цыкут!
Суд судил философа предвзято:
дни Сократа казнью истекут.

Он Творцу вручил бы на поруки
греков, не вязали б ему руки
те, в ком дурь дремучая дика.

От своей не отступил науки.
Выпил яд спокойно. Принял муки.
Чистой душу отпустил в века.

3 октября 2013 г.

*Стою меж веков – дырявый,
Мешающий целиться щит.
Андрей Вознесенский*

Напишу – надышу – наколдую,
наворкую и наворожу,
проиграюсь, вчистую продую,
прогорю, всё как есть просажу.

Это наша планида шальная,
сумасшедшая наша звезда!
И выходишь в дорогу, не зная
о себе ничего никогда.

Эта мету во лбу у поэта –
для камней или пули шальной.
Никогда не найдёте ответа
вы на всё, что случилось со мной.

Не ищите и вслед не свищите,
не тащите на иконостас.
О своей я не тщился защите,
не давая прицелиться в вас.

Сам болишь, а болеешь о ближних.
Новь моя старины не новей.
В ваши души летевший булыжник
щит прошил и остался в моей.

И болю я булыжником этим,
горько в угол мечусь из угла.
Мы не пишем, а дышим и светим,
и горим, и сгораем дотла.

5 октября 2013 г.

«ВАСИЛЬКИ»

Я видел «Васильки» Филонова.
Меня, как чижика зелёного,
скрутили накрепко в силки
филоновские васильки.

В музейном холле, среди пилонов,
крылатой воле вопреки,
давал душе моей Филонов,
как зёрна, истину с руки.

Глазами синими и чистыми
смотрел он, как, сложив крыла,
моя душа крупицы истины
из васильков его брала.

28 ноября 1987, 2013 гг.

ЗЕРКАЛО

Ни одной черты не искажаю.
Глубоко – как мир еще не знал –
белый свет пространно отражаю.
Отраженье – мой оригинал.

Как стекло со слоем амальгамы,
стоит душу чистой содержать.
Чтобы не мутилась, а могла бы
всё как есть зеркально отражать.

19 октября 2013 г.

Я подчинялся правилам железным:
в предгорьях, где полынь и лопухи,
я совмещал приятное с полезным –
бродил в глуши и находил стихи.

Они в росе таились, у дороги
на травах, волновавшихся волной.
Они ложились пылью мне под ноги
и в облаках блажили надо мной.

Они сквозили ветром на просторах.
В узорах листьев скрадывал их лес.
А я был только тиглем слов, которых
вдруг требовала музыка небес.

4 ноября 2013 г.

«Каждый сам в себе частица Бога», –
разговор закончила жена.
За столом опешил я немного:
слишком высоко взяла она!

Я жевал салат с холодной птицей,
плоть насущным хлебом насыщал.
Никакой божественной частицей
я себя отнюдь не ощущал.

Дней моих у Бога было много,
и прошёл я тысячи дорог,
всё никогда не трогал Бога,
ибо знал: «Вот Бог, а вот порог».

Отчего ж в домашнем узком круге
мне в простой потребности есть
он через уста моей подруги
о себе послал благую весть?

Не готов я быть его частицей
в суете и бренности! А Бог
за салатом и вареной птицей
взял да и застал меня врасплох.

Локти в стол вдавил я обалдело.
Странная повисла тишина.
А жена в глаза мои глядела,
неземным своим озарена.

Бог истец, она его истица!
Но в пылу духовного огня
если я и есть его частица,
то с большой натяжкой для меня.

Что-то Бог взыскует слишком строго!
Может, время в нём наедине
мне искать в себе частицу Бога,
если всё же есть она во мне.

5 ноября 2013 г.

ТЕНЬ ПТИЦЫ

Тень птицы

мелькнула
по травам
неслышным знаменем судьбы,
по славам моим и потравам,
по сплавам гульбы и пальбы.

Я брёл, припекаемый полднем.
Но тень промелькнула – и вот
о небе внезапно я вспомнил
и вскинул лицо в небосвод:
а, может, земной стороною,
где суетен я и уныл,
мой Бог пролетел надо мною
и тенью меня осенил?

Крылатых созданий держава!
Бейсболка сползла набекрень.
У ног моих смиренно лежала
моя некрылатая тень.

Она никуда не летела.
И я никуда не летел,
а сущность моя не хотела
принять свой бескрылый удел.

Как вечного неба частица
рванулась душа в синеву,
где Бог обитает как птица,
и тень
посылает
в траву.

24 октября 2013 г.

Не вернувшись к углу и к обеду,
обернувшись лицом на звезду,

за кудыкины горы уеду,
за молочные реки уйду.

Не явлюсь к декабрю или к маю.
Навсегда на лету, на бегу
тянет в даль, а в какую – не знаю
да и знать никогда не смогу.

Всё варяги зовут или греки
и навеки текущие вдаль
с берегами кисельными реки,
проходя через нашу печаль.

Позабудешь и ждать перестанешь.
Мне однажды теперь и давно
из моих запредельных пристанищ
возвратиться к тебе не дано.

16 июня 2013 г.

Глаза закрою – нет долины –
в крошечной тьме пропал простор.
Открою – мглятся, как былины,
поля и исполины гор.

С природой вышел на свиданье
в начале солнечного дня.
Стоит, как прежде, мирозданье
и не зависит от меня.

Сама в себе веков обитель,
под небом есть я или нет –
лишь гость случайный,
краткий зритель
на этой лучшей из планет.

На свой удел не надо злиться:
со всем что есть проститься жаль.
А как хотелось бы продлиться,
как это высь, как эта даль!

26 сентября 2013 г.

НАД КНИГОЙ

Своё пою хоть при каком режиме.
Стихи подобострашьем не слывут
и собственное время пережили.
Придёт пора – меня переживут.

12 ноября 2010 г.

МИНУС ЖИЗНЬ

Чёрный день и скорбный вынос.
Боль друзей и горе близких.
Жизнь людская – только минус
между дат на обелисках.

Спят, забвеньем обрастая.
Остаётся для креста
только чёрточка простая –
минус, прочерк, пустота.

26 июня 2005, 2013 гг.

Дмитрий САГАЙДАК

НОВЫЕ СТИХИ

Моей печали

Птицей, чей голос – разительный крик,
Ты напевала.
В кружку души, что окрасом пестрит
Ты наливала
Песню, и та как вино растеклась,
Только не грела.
В небо меня ты пускать зареклась,
Делая стрелы.
Штормом холодным кружился песок,
Время стекало,
Только не вышел души моей срок.
Новым лекалом
Ты пожелала меня перешить,
Сделать удобным,
Чтоб у истоков терпения жить
Духом беззлобным.
Раем пыталась меня подкупить,
Раем иллюзий,
Думала, просто меня погубить
С гневом в союзе.
Я завирался, свободу искал,
Вился змеею.
Как ты была недоступно-близка!
Небо с землею
Ближе друг к другу уж быть не могли.
Прочь нас тянуло.

Все наши силы в ничто полегли,
Сколько минуло
Стоптаных дней и изодранных слов,
Вырванных с корнем.
В этой игре пропитались мы злом,
Только упорней
Шли мы к концу, поджигали ветра,
Звезды тушили.
Больше ты мне не близка как сестра,
Будто б не жили...

Старый театр

В скважине два оборота ключа,
Старческий кашель изношенной двери.
Кто что терял здесь и кто получал
В этом театре святого неверья?

Гладкие плиты – нетающий лед,
Ветошь улыбок и склизкие темы.
Грязь маскарадов всю душу вберет,
Втопчет тебя в ярко-ровные стены.

Там, за фасадом, столетняя пыль,
Груз декораций древнее Помпеи.
Зрителя взгляд в этот край не доплыл,
Песен об этом краю не запели.

Будничный ад. Кто сюда попадет,
Кто прогуляется по коридорам,
Старой известки, подпольных пустот,
Будет часами блуждать без разбора.

Будто среди своих страхов и дум,
Полуистлевших, изломанных лестниц.
Зрителей «Браво!», гармонии струн
Глухо аукнутся, только не треснет

И не рассыплется Левиафан.
Затхлая пустошь и пыльные лампы

Тихую жалобу выскажут вам,
Если увидите их из-за рампы.

Летняя песня

Летняя песня... Улыбка с оттенком печали...
Мысли мои напрасно тебя запрещали.
Жаль, не спою до конца, даже наполовину:
Времени рамки, увы, не могу передвинуть.

Вдруг я узнал о тебе, вдруг слова я услышал,
Градус кипенья умов был безмерно завышен,
Где-то велись перестрелки, а я стал ребенком на время,
Таким же, как ты, перед юностью пал на колени.

Как на меня ты посмотришь – и думать не стану.
Лето прервется, лишь запахом сладким и пряным
Ты сохранишься, пусть имя твое поменялось,
Я же, побитый осколками счастья, останусь.

Чувства мои так нежны, я пою как умею,
Рвется мой голос вдаль по кабельным змеям.
Ухает бас. Подпевай о хандре и веселье
Долгий звучит монолог, голова как качели.

Жаль, коротка ты, моя беспробудная песня.
Просьба запомнить меня будет тысячу раз бесполезна.
Так улыбнемся друг другу, чтоб эхо мелодий сразило
Пламенем самбы бразильской и слов небанально-красивых.

Зубчатые колеса

*...поле моего зрения одно за другим стали заслонять
полупрозрачные зубчатые колеса. В страхе, что наступила
моя последняя минута, я шел, стараясь держать голову
прямо. Зубчатых колес становилось все больше, они
вертелись все быстрее...*

Р. Акутагава

Шестерни движутся, скрежет сметает
Чувство покоя в горящую бездну.
Правда сегодня давно не святая.
В ней не сознаются, речи все пресны.

Наглая грязь ухмыльнется походкой,
Даст тебе шанс оправдаться вползвуча.
Голос пробьет леденящей щекоткой,
Обезоружит, опустятся руки.

Между зубцами все мысли застряли,
В разные стороны брошены силой.
Не описать даже символам Брайля
Боль, что ножами все тело пробила.

Сны не спасают, ты ими закручен,
Дрожь городских раскученных лестниц.
Воем расплавлены черные тучи,
Тесно от рож разных вестников, вестниц.

Череп как будто в муку перемолот,
Взорван, зубцами колес перерезан,
Острые капли слетают за ворот,
Вот и допета последняя месса...

Перед рассветами (бессонное)

Перед рассветами пусто,
Только столбы убегают в испуге.
В тесное ложе Прокруста
Ты сам себя загоняешь от скуки.

Темный изгиб поворота.
Бег. Полусон. Лишь бы только забыться.
Улицы черной болото.
Фразы вонзаются в уши как спицы.

Тихо причалишь к порогу.
Тень человека шарахнется в темень.
Бросить бы эту мороку.
В дом постучишься, устал и рассеян.

Душно и тошно в округе.
Звон телефона – тяжелая ноша,
Утро пожмет твои руки,
Видно, забыта вся лирика в прошлом

Перевал

Перевал. Плетутся вдаль машины,
Будто азиатские арбы.
Облаков платки погода сшила
Скрыла ими горные горбы.

Капли без разбора стекла жалят,
Бряцают, пророча темноту.
Спрятан солнца желтоватый шарик
В бешеной игре температур.

Скалы, будто доски, штабелями,
Свалены небрежно, в высь глядят.
Люди рядом путь свой отмеряли,
К совершенству так и не придя.

Им ухабы не дают забытья,
Резвой пляской скопища камней.
А к твердыням гор туман струиться
Будет много тысяч лет и дней

Плоская древняя крыша,
Тонет луна в облаках.
Звезд бормотание – слышишь?
Тени пишу по слогам.

Ты привела меня в гости.
Здесь, на втором этаже,
Были – дождливые грозди,
Солнце острее ножей.

Ты привечала рассветы,
Глядя на маленький двор.
Детству не выписать вето,
Много прошло с этих пор.

Будто бы воры, украдкой,
Дом крепко сном напоен,
Кверху, по лестнице шаткой,
Тихо взошли мы вдвоем.

В длинной беседе вполтона.
Ветер к себе нас забрал,
Где-то вдали вой клаксонов
Сон у кого-то украл.

Плоская древняя крыша,
Ветер полночный бодрит.
Звезды отсюда поближе,
Хоть до утра их смотри!

Затесалась внутри тоска –
 вынь ее!
Остуди и позволь побыть
 в инее,
Спрячь в чернила свои слова,
 в линии
И вбивай в себя тишину
 клиньями.

Расскажи мне легко ли жить,
 просто ли,
Как вздымает теплом снега
 вёснами,
Рассыпаются облака
 космами,
Как ступнями по стеклам идти
 босыми.

Усладить я бы мог твой слух
 песнями
Слишком громкими для лжецов,
 честными,
Станут рамки твоей души
 тесными,
Спросишь в выси я их достал,
 в бездне ли?

Этот край, где я жил-грешил,
 ветреный,
Оказался теперь чужим,
 медленней
Застучали часы в висках,
 петлями
Стали тонкие кружева
 летние.

Я любил ненавидеть жизнь
 черствую.
Сколько времени растерял
 просто я!
Мысль зла была,
 на язык острая,
Только зря я против судьбы
 упорствую.

В твоих мыслях взорву восторг
 сполохом.
Сумасшествие той любви –
 порохом,
Не заплатим мы за грехи
 дорого,
Лишь бы чувство не занесло
 мороком.

Александр СИДОРЧЕНКО

СТИХИ

МЕНЮ

На завтрак
утренний коктейль
из снов... в него
добавить сливки,
на вкус
получится, как эль,
и не забыть подать
оливки...

Из поражений и
побед,
из трав, ещё ни кем
не мятых,
суп дождевой нам
на обед
день сварит и
добавит мяты.

А ужин – лёгкий и
простой,
как лепестки
цветов всех летних,
под изумительный
настой

ещё не
разнесённой
сплетни...

Свари мне кофе на ветру,
Для аромата капли блеск звезды.

Накинь на плечи шаль из трав,
Что утро для тебя связало...

Дыши Вдох-Вдох, и лишь потом
Глубокий Выдох на меня.

Глаза не прячь за суетой,
Ты видишь Всё, что может быть...

И не промокнуть под дождём,
Пока рука сжимает зонт.

Не бойся луж... Не бойся брызг,
Они давно с росой в родстве...

Ну, вот и всё... Нет больше букв,
И алфавит иссяк на взлёте.

Он просто должен отдохнуть
Один в прозрачной тишине...

Свари мне кофе на ветру,
Для аромата капли блеск звезды...

Знакомый мотив.

Лунная дорога,
В небе Млечный Путь,
Хорошо немного
В поле отдохнуть,

У костра погреться,
Подышать дымком,
Пусть улыбка в сердце
Погрустит тайком...

Лунная дорога,
В небе Млечный Путь,
Хорошо немного
Было бы уснуть.

Ветер не горячий,
Смешанный с травой,
Лес, почти незрячий,
Говорят со мной...

В этом разговоре
Слились в унисон
В непривычном споре
Мой покой и сон...

= Друг женится...8-й раз... и опять по любви... =

Есть Женщины-Кошки, есть Женщины-Мышки,
Есть Женщины-Мошки и Женщины-Пышки,
Есть Женщины-Птички, есть Женщины-Сказки,
Есть Женщины-Спички и Женщины-Маски,

Есть Женщины-Радость, есть Женщины-Нервы,
Есть Женщины-Сладость и Женщины-Стервы,
Есть Женщины-Пчёлки, есть Женщины-Осы,
Есть Женщины-Ёлки и Женщины-Росы.

Есть женщины чёрные, жёлтые, белые,
Почти шоколадные, не загорелые,
Ты счастье нашёл на просторах Маккая*...
Стесняюсь спросить... А твоя-то, какая?
Она растворяется в ритмике танца?

*Маккай (*англ.* Macquay) — город в восточной части австралийского штата Квинсленд, центр одноимённого района местного самоуправления.

Свои не берут? Подавай иностранца?
Владеет землёй на каком-нибудь плато?
Сто тысяч УЕ годовая зарплата

ШАЙЛОО* там есть, как у нас, в круговерти?
Вождей выбирают? Они там до смерти?
Я знаю, тебе, гарну хлопцу з під Львіву,
Носить на плече нужно львиную гриву.

Там где-то тусуются братья Обамы...
Друзья прилетят наши из Алабамы?
У вас, я смотрел, там шика-а-арные крали!
А все решены ли вопросы морали?

Почём там бунгало, кирпич ли в почёте?
На чём крокодилов на ужин печёте?
Почаще жуй коку и ешь больше риса,
Родите к июню красавца-метиса...

Вчера позвонил я твоей первой, Светке,
Смеётся взахлёб, что сидишь ты на ветке,
Ей кто-то сказал, там невкусные сливки,
Гулять не приеду... Нет нужной прививки.

Тревожить тебя я не буду с ответом...
Прости... заморгало... проблемы со светом...

Вау-Вау... или, как там у вас... Дзынь-Дзынь!!!

Мороз, камин и апельсин.

Мороз... Попрятались
собаки, птицы, кошки,
И всё залито белизной.
Придёшь замёрзшая,
на шубе снега крошки
растопит в миг каминный зной.

*ШАЙЛОО (кырг.) – выборы.

Пройди, скорей садись,
укрою тёплым пледом,
Глоток вина, как Пертуссин.
Последний раз огонь
мы разжигали летом

.....
Тебе очистить апельсин???

*** почти SMS ***

Играл оркестр... Бах звучал... Соната...
И дирижёр был стройный, топ-модель.
Посольства, гости, генерал из НАТО,
Конферансье, как молодой Фидель.

Зал не дышал, здесь Музыка царила,
Никто свой древний род не вспоминал,
Мелодия с оттенками акрила
Свела на НЕТ весь бизнес-номинал.

А контрабасы важничали очень,
Искрили скрипки, флейтовый фонтан,
Виолончели тоже, между прочим,
От фальши прикрывали нотный стан...

Играл оркестр... Бах звучал... Соната...

“Прости, старик...”

Прости, старик..., что ты под старость нищ,
Жизнь стала хуже вражеской неволи,
Пройдя сквозь смерть и ужас пепелищ,
Достоин был, конечно, лучшей доли.

Нет той страны, что грудью защищал,
Делясь в окопах куравом и хлебом,
Предательства и лжи ты не прощал,
И тыловую крысой тоже не был.

Прости, старик... сегодня не богат,
Держи... на хлеб, сто грамм и папирсы...
Ты помнишь победителей парад,
Героев настоящих, не отбросов,

Сам Жуков был на резвом скакуне,
И площадь вся взволнованно дышала...
Давным-давно рассказывал ты мне,
Но память наша просто обветшала.

Прости, старик... другие времена,
И ордена уже не в том почёте,
Все поделились вновь на племена,
О прошлом мало кто сейчас печётся.

В разведку никого бы ты не взял,
Надёжность – только в словах красивых,
И верить никому сейчас нельзя,
Наслушавшись кобыл бредовых сивых.

Быть осторожным – это наш удел,
Когда вокруг резвится дико свора.
Ну, мне пора... Сегодня много дел,
Увидимся, надеюсь, очень скоро...

Тон – тон – полутон – тон – тон – тон.

Где-то в другом городе,
есть Женщина
с фамилией непривычной,
и всё, как полагается,
в порядке и очень прилично.
День за днём у неё размерен,
учтены все детали быта.
Так живёт и не знает, конечно,
что кем-то ещё не забыта.
У неё всё естественно, просто:
душа, улыбка, лицо, брови,
ничего ей чужого не надо
и несбыточных планов не строит.

Спешит в свой салон очень часто,
с сынишкой гуляет в сквере,
знакомым даёт советы,
и сама тем советам верит...
Довольна? Наверное, не знает,
но всё нормально, никто не судит,
достаток в доме и покой
всегда у неё был и будет.

Где-то в другом городе,
то ли в Подмосковье,
то ли на Смоленщине,
пусть живётся легко и комфортно ей –
самой лучшей на свете Женщине.

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий САНДЛЕР

БЕСЕДЫ

ГЕНОМ СЕРОВА

Григорий СЕРОВ, Ливан: «Возможно, в России я тоже буду эжнаби...»

Осмелюсь заявить публично, что «Девочка с персиками» мне милее, чем «Девочка на шаре». Обе девочки написаны великими мастерами кисти, только вот перед картиной Валентина Серова, которую впервые увидел в Третьяковке и потом много раз встречал в альбомах и репродукциях, я надолго замолкаю в тихом восхищении, а шедевр Пабло Пикассо у меня подобных эмоций не вызывает. Уж такой я. И ничего с собой поделывать не могу. И другим не советую.

Зато сейчас у читателя есть возможность встать на мое место, дабы испытать чувства, какие испытал я, начиная разговор с ливанским архитектором, профессором Григорием Серовым, позвонив ему в город Бейрут, где он, внук живописца, чувствует себя «на сто процентов русским и на сто процентов ливанцем», и дело, видите ли, в том, что...

— ...здесь я восемьдесят два года назад родился, учился, всю жизнь работал, многие мои друзья — ливанцы, мы дружим с первого класса начальной школы. Мне все здесь близко и все нравится...

Полную приключений и драматизма историю про то, как Александр Валентинович Серов, старший сын художника и отец моего собеседника, в 1915 году, в самый разгар Первой мировой войны оставил учебу в Санкт-Петербургском политехническом институте, окончил школу пилотов гидропланов, командовал эскадрильей Славяно-Британского авиакорпуса и в 1919-м эмигрировал в Ливан, — историю эту в деталях пересказывать не буду, чтоб не подумали, будто я отбиваю хлеб у Google вместе

с Wikipedia. Лишь добавлю, что в Москве, пока он учился летному делу, потом летал, а еще позже – уходил в эмиграцию, оставались его жена Елизавета Федоровна, урожденная Гетенко, и двухлетняя дочь Таня. И передам слово его сыну – Григорию Александровичу Серову.

– Только спустя четыре года она с моей старшей сестрой сумела добраться до Бейрута, где был отец. Страхонатерпелась на всю оставшуюся жизнь, это вызвало сильнейшее нервное заболевание, от которого полностью избавиться она так и не смогла. Отец любил маму, страдал из-за ее болезни. По малолетству я не очень понимал, что с ним происходит, но с его кончиной все заботы о матери вплоть до ее последних дней легли на меня, и мне все стало понятно.

– **Чужая страна, незнакомый язык, новые обычаи. Обычно к таким переменам люди привыкают долго и трудно...**

– Ливан в те годы нуждался в специалистах с техническим образованием, главным образом требовались инженеры, проектировщики, топографы. Таких оказалось немало среди русских эмигрантов. Отец свободно разбирался в гидравлике и топографии, поэтому работу нашел быстро. Война помешала ему стать профессиональным кораблестроителем, но знаний, полученных в институте, хватило, чтобы в начале 1940-х годов ему доверили руководить постройкой двух минных тральщиков для британской флотилии, которая базировалась в Ливане, и двух сторожевых судов для ливанской таможни. Я слышал, что эти суда все еще на ходу, продолжают таможенную службу. В общем, семья наша жила не богато, но и не бедно. И в целом жизнь в стране была нормальная.

– **А сейчас она какая?**

– Сейчас не очень. Пока страна была под французским мандатом (1923 – 1946 гг. – В.С.), французы много чего хорошего сделали: строили здания, дороги, мосты. Как только Ливан получил независимость, начались религиозные распри, которые привели к гражданской войне. Ливан до сих пор из этого не может выбраться. Одни считают, что жить в таких условиях можно, другие, особенно молодежь, настроены критически, стараются эмигрировать. Эмиграция стала специальностью ливанской.

– **Валентин Серов и его супруга Ольга Федоровна, в девичестве Трубникова, произвели на свет шестерых детей. Деда вы помнить не можете, он умер совсем молодым, 46 лет от роду, но отец-то, наверное, вам о нем рассказывал?**

– Совсем немного. Говорил, что дед очень много путешествовал, в разных городах писал портреты знаменитых людей. Любил все, что его окружает, ценил общество красивых женщин, на первом месте у него всегда была жизнь интеллектуальная, художественная. Человек не хозяйственный, не домашний, он был в первую очередь художником. Его отношение к бабушке было, мягко скажем, легкое. Я так понял из папиных рассказов.

– О том, как сложилась судьба вашего отца, я знаю. А остальные его братья и сестры?..

– Георгий в 1922 году эмигрировал в Германию, оттуда во Францию, стал известным киноактером, снялся во многих фильмах, умер молодым, в Париже. Ольга, Михаил и Антон остались в советской России. Ольга умерла в 1946 году, успев написать книгу воспоминаний об отце. Михаил скончался в 1938 году, Антон и его жена умерли от голода во время Ленинградской блокады. Младшая сестра, Наталья, эмигрировала во Францию, сделала карьеру модного фотографа: богатые французские дамы заказывали ей фотографии своих любимых собачек. Наталья приезжала к нам в Ливан, совсем недолго побыла, жизнь в Бейруте ей показалась скучной, как в провинции, и она вернулась в Париж, откуда в конце концов уехала в Россию, где и осталась доживать.

– Ностальгия – вот название болезни, которой страдала ваша тетка...

– Людей, которые в конце жизни рвутся на историческую родину, чтобы там умереть, я могу понять, но сам такого желания не испытывал никогда. Много лет я почти ничего не знал о своей родне в Советском Союзе – эта страна считалась врагом Америки и Европы, а Ливан с ними дружил. Общаться с советскими гражданами было опасно, а кто на это осмеливался, попадал в «черный список». Иногда в Бейрут из Москвы приезжали незнакомые мне люди, они меня находили, пытались со мной заводить беседы, но всегда при них были какие-то сторожа с советской стороны, так что говорить нам было не о чем. Между прочим, в Москве живет мой кузен Антон Серов, сын Георгия. Антон – священник русской православной церкви, у него два сына, Дмитрий и Илья. По правде говоря, я с ними не схожусь, это совсем другой мир для меня, мой мир – Ливан, я на сто процентов ливанец и на сто процентов русский, и этим горжусь.

– Могли бы гордиться и тем, что вы – внук самого Валентина Серова...

– Скажу вам откровенно: мои коллеги в Ливане об этом узнали совсем недавно и очень быстро все забыли. Раньше я факт родства не то что скрывал, но... не афишировал. В душе, понятное дело, гордился дедом, всегда думал о нем с огромным уважением и восхищением, читал по-русски посвященную ему литературу. Недавно нашел и прочитал книгу американки Элизабет Кридл Валкенир «Valentin Serov: Portraits of Russia's Silver Age». Она приводит факты, которые имеют отношение к творчеству Серова, но до тех пор даже в России не были известны. Сожалею, что я не историк, у меня склад ума, можно сказать, архитекторский. Сегодня библиотеки и архивы обнаруживают новые сведения о Серове, и моя жена помогает мне их собирать и классифицировать.

– **А я как раз намеревался спросить вас о жене.**

– Флоранс – дочь моего бывшего профессора, знаменитого архитектора и археолога, его звали Пьер Купель. Я часто бывал у него дома, немножко помогал по проектам. Его хорошенькая дочка, моложе меня на восемь лет, мне понравилась. Потом семья Купель перебралась из Бейрута в Париж, спустя некоторое время Флоранс приехала навестить своих бейрутских друзей, мы встретились, я объяснился ей в любви, спросил, выйдет ли за меня замуж, она сказала, что согласна, будет ждать, когда я за ней приеду, и уехала обратно к родителям.

– **Так просто? А до меня слух дошел, будто вы свою невесту украли, примчавшись за ней в Париж на автомобиле...**

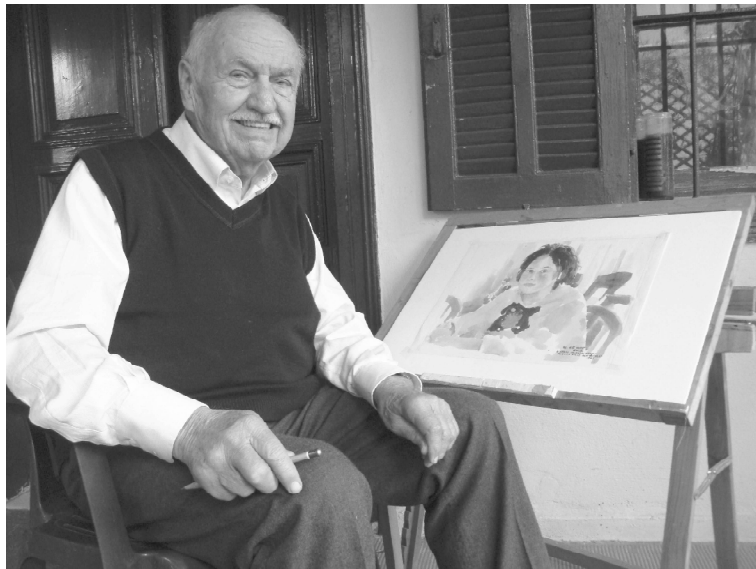
– Ну, не украд, конечно, мы ведь обо всем договорились. Просто ее отцу не очень было по душе, что дочь выйдет за какого-то русского. При ней он называл меня «твой Попофф». Бывает у некоторых французов такой комплекс, русские для них – грубые мужики. Да, я приехал за ней на своем автомобиле и увез в Бейрут. Но сначала мы в Париже обвенчались. В прошлом году отметили золотую свадьбу. А с тестем-французом и тещей-итальянкой я навсегда сохранил хорошие отношения.

– **Разделяю настроение вашей тетки Натальи Серовой, которой после Парижа жизнь в Ливане не понравилась. Так ведь и у вас был выбор между Ближним Востоком с одной стороны и Европой и даже Америкой – с другой. Вы же почему-то его не сделали...**

– Добавьте к этому, что я единственный из нашей семьи не покинул Ливан. Мой старший брат Антон, женившись на гречанке, уехал с ней на Кипр, там же и умер. Нет в живых и моих старших

сестер – Татьяны и Елены: первая скончалась во Франции, вторая – в Америке. Ну а я, как только получил диплом архитектора, сразу же стал получать первые заказы, и так продолжалось все годы, пока я работал. Зачем мне было куда-то уезжать? Бейрут – центр культурной жизни Ближнего Востока, здесь много университетов, театров и концертных залов, и мне, чтобы услышать произведения моих любимых русских композиторов Рахманинова и Римского-Корсакова, никуда ехать не надо; здесь часто проходят творческие фестивали, есть свободная пресса. Ливан много лет считался более привлекательным местом, чем Ливия, Иордания, Египет или Сирия, его называли «маленькой Францией» и даже «Швейцарией Востока». Думаю, причина во французском языке, который еще остается в обиходе. Я когда-то окончил французский лицей, и сейчас читаю лекции по архитектуре в единственном на весь Бейрут университете, где еще применяют французский язык; также преподаю в двух здешних университетах – Французском и Американском – рисование, архитектуру и градостроительство.

– Вот спасибо, напомнили, что вы прежде всего архитектор. Много ли зданий в Бейруте построено по вашим проектам?

«Богатые ливанцы заказывают мне акварельные копии работ Валентина Серова...»

– Мно-о-ого! У меня было свое бюро, я проектировал школы, правительственные здания, официальные учреждения, отели, виллы, шале. Получал заказы даже из Франции. Последние годы свою активность заметно снизил: молодые архитекторы теснят, уходят вперед, они такие... very ambitious.

– **Можно подумать, вы в их возрасте таким не были...**

– О да, был. Возможно, поэтому мне не удалось остаться только архитектором: я еще преподаю рисование. Ведь я тоже немножко художник. Пишу акварели.

– **Из всех художественных техник выбрали акварель?**

Интересно, что вы в ней нашли?

– Акварель быстро делается. Писать маслом – больше времени отнимает. Это для профессионального художника, а я – любитель. Очень серьезный любитель. Сделал четыре выставки, все представленные на них работы проданы, разошлись по частным коллекциям. Богатые ливанцы, которым знакомо имя Валентина Серова, заказывают мне акварельные копии его работ. И дома у нас висят такие копии. Помните картину «Дети»? На ней изображены Саша, мой будущий отец, и его брат Юра. Это одна из многих, которые я копировал. Писал я и копию «Девочки с персиками». Писал и думал, что взгляд двенадцатилетней Веруши, дочери купца и мецената Саввы Мамонтова, полон куда большего таинства, чем знаменитая, до сих пор не разгаданная улыбка Моны Лизы. Думаю, что мой характер схож с дедовским, мне близка и понятна манера его письма. К сожалению, у меня нет его великого таланта.

– **Студенты, которым вы преподаете рисование, знают, что вы внук знаменитого русского живописца Серова?**

– Моим студентам это имя ни о чем не говорит. Не уверен, что и другим людям оно знакомо. Время сейчас такое: прочитал человек в газете или услышал по телевизору, что картина Валентина Серова «Портрет Прасковьи Мамонтовой» продана на торгах Sotheby's в Лондоне за 1 миллион 200 тысяч фунтов стерлингов, а серовский же «Портрет Оскара и Розы Грузенберг» на аукционе FAAM в Америке «ушел» за 4 миллиона 670 тысяч долларов, – ему такой информации бывает достаточно.

– **Потомков русских эмигрантов еще можно встретить в Ливане?**

– Таких, чьи судьбы схожи с моей, почти не осталось. Разъехались мои сверстники: кто в Америку, кто в Англию, куда-то еще. Начинаю думать, что я последний из могикан. А когда русских семей в одном лишь Бейруте насчитывалось около

пятистот. Вместо них можно встретить много русских женщин, которые приехали лет 20–25 назад: это жены ливанцев, учившихся в советских вузах, когда обучение было бесплатным. Часто в таких семьях дети говорят по-русски, женщины посещают православную церковь. Я тоже туда хожу, из любопытства, одно воскресенье в месяц...

– Не ослышался ли я? Бываете в церкви раз в месяц, да и то из любопытства?

– Я человек верующий, но не практикующий, если можно так выразиться. Не атеист, но разделяю принцип Вольтера, который на вопрос: «Какие у вас отношения с Богом?» – ответил: «Мы здороваемся, но не разговариваем». В детстве я был под влиянием религии, даже окончил учебное заведение Ecoles de Freres. Считаю, что наполнился этого достаточно. Хожу в церковь, чтобы встретиться с знакомыми русскими людьми, послушать церковные песнопения. Литургию очень люблю. Моя жена Флоранс - католичка, она с уважением относится к православию, даже немного заразилась от меня русским языком. Наши дети крещены в православной вере. А вот мой прадед, русский композитор Александр Николаевич Серов, и прабабушка Валентина Семеновна Серова – первая женщина в России, избравшая профессию композитора, – они уже в те давние времена были атеистами. Отец, когда узнал, что я посещаю католический собор в дни литургии, пошутил: «Смотри, не поменяй религию». Как будто мне было что менять!.. Сам он в церковь не ходил, и мама не ходила.

– Ваши сыновья отцовских чувств к Ливану, похоже, не разделяют, оба живут в Париже. Что ж так?

– Им здесь многое не нравилось. Когда здесь шла гражданская война они пережили очень плохие времена. И здешняя профессиональная жизнь их не устраивала. По-русски они не говорили, во Франции стали настоящими французами. Правда, младший, Олег, недавно заинтересовался русским языком, начал его учить. Он женат, у него растёт сын Валентин, названный так в честь прапрадеда.

– Рискованные у него родители! Человек, которому дали имя Валентин Серов, просто обязан стать художником, если хочет поддержать славу предка. Шучу, шучу.

– Я так и понял. Нет уж, пускай внук станет кем захочет – знаменитым футболистом, простым сторожем на парковке автомобилей, доктором или водителем такси. Но пусть это будет его самостоятельный выбор. И потом, что значит сегодня – быть

художником, уметь хорошо рисовать? Почти ничего. Хотя некоторые французы, когда узнают, что Олег – правнук Валентина Серова, чуть не в обморок падают. И удивляются, почему он не художник, а инженер. Наш старший сын Сергей – архитектор. Был еще средний, Андрей, рос мальчиком очень одаренным, учился в университете, хотел быть инженером, но случилось несчастье: он в 19 лет погиб.

– **Господи, какое горе!.. Всем сердцем вам сочувствую.**

– Спасибо. Хоть было это очень давно, рана до сих пор не зажила.

– **Правду ли говорят, что вы проживаете в той же квартире, в которой когда-то поселились ваши родители?**

– Да, в той самой. Квартира большая, в старом ливанском доме. Дому больше ста лет. Он уже стал как бы heritage house. Я семьдесят лет в нем. Мы с хозяином его сохранили, очень много работ выполнили. Когда-то здесь жили наши родители, и мои братья-сестры, и дети наши в нем выросли. Сейчас только мы вдвоем с женой.

– **Мне почему-то казалось, что архитектору приличествует жить в доме, построенном по собственному проекту...**

– Нет, не удалось мне построить свой собственный дом. Это очень трудно в Ливане, а для таких иностранцев, как я, даже невозможно.

– **Да ну! Какой же вы иностранец, если здесь родились...**

– А вот представьте, меня таким считают, по-арабски – эжнаби. Хоть я гораздо больше ливанец, чем иные ливанцы, знаю историю страны гораздо лучше, чем они. Чувствую себя на сто процентов русским – но и на сто процентов ливанцем. Впрочем, кем бы я себя ни чувствовал, мне сейчас очень трудно получить заказ. Пока был моложе, приходили заказчики, их привлекал мой хороший вкус, немалый опыт. А теперь дети моих бывших клиентов сами становятся архитекторами, и мне дают понять, что для меня работы нет. Важный человек, интеллигентный, образованный – прямо сказал: «У вас не ливанское имя, трудновато вам что-то предложить». Иногда вспоминают об архитекторе Григории Серове, приходят, и у меня появляется заказ на проект небольшого здания или загородной виллы.

– **Что-нибудь из оригинальных полотен Валентина Серова досталось вам в наследство?**

– Увы, нет. Отец, когда покидал Россию, ничего с собой не имел. Приобрести оригиналы Серова нам не по средствам. Как

вы уже, наверное, поняли, я не бизнесмен. И никто из моих предков бизнесменом не был.

– Зато вас, потомка знаменитого художника, должно быть, сегодня в России знают, привечают...

– Не представляю, кто меня туда пригласит, в каком круге я буду принят, будет ли им интересно меня принять, понравится мне там или нет. Возможно, для русских в России я тоже буду эжнаби...

...Или мне так услышалось, а может, и вправду звучала печальная нотка в этих словах Григория Серова. Только я бы на его месте печалиться не стал. Не так уж многим в этой жизни повезет наследовать гены сразу трех поколений талантливых предшественников, как это случилось у него. Обладатель такого наследства имеет право ехать или не ехать в любую страну, выбирать для себя любой круг общения – или вовсе обходиться без него.

ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ИМЕНИ

Александр и Мария ПУШКИНЫ: «Пока мы были женихом и невестой, писали друг другу стихи...»

«Людей неинтересных в мире нет», – спасибо Евгению Евтушенко за эту строчку в четыре слова, которая стоит целой поэмы. И спасибо моей профессии: не сделав богатым и знаменитым, она наделила меня «евтушенковским» взглядом на людей, и я увидел, что интересен каждый: этот – историей своей жизни, а вон тот, помимо личных достоинств, – еще и принадлежностью к имени, которое само – История.

«Принадлежащих имени» в нашей рубрике появлялось пока четверо: Сергей Давыдов (США), Александр Кочубей (Швейцария), Татьяна Фаберже (Франция) и Григорий Серов (Ливан). Верю в моего читателя: он грамотен и начитан, ему не нужно разъяснять, кто какому имени принадлежит. На сей раз «пятеркой» закруляют счет жители Брюсселя, супруги Пушкины – Александр Александрович и Мария Александровна. Попасть к ним в дом, не покидая Мичигана, мне, как всегда в подобных случаях, помогает Skype.

– Не скрою, что испытываю в эти минуты душевное волнение: не каждый день беседуешь с праправнуком великого русского поэта. Пока я прихожу в себя, помогите проследить линию вашего родства с Александром Сергеевичем. Он, как известно, был отцом четверых детей, но только двое из них, Александр и Наталья, оставили потомство. Ваш двойной тезка Александр Александрович Пушкин – это ваш прадед, верно?

Александр ПУШКИН: Да, я лишь добавлю, что прадед, окончив в Петербурге гимназию, затем Пажеский корпус, был зачислен корнетом в лейб-гвардии Конный полк. Прошел все ступени воинских чинов. В войне за освобождение Балкан от турок в чине полковника командовал гусарским полком, награжден именованным золотым оружием с надписью «За храбрость» и орденом Святого Владимира, впоследствии получил множество орденов самого высокого достоинства – российских и иностранных. В отставку вышел в 1898 году генерал-лейтенантом от кавалерии. Военных должностей больше не занимал. Скончался в 1914 году.

– Продолжили род ваши дед и отец, благодаря им мы с вами сейчас разговариваем. Назовите их.

– Прадед был женат дважды. Его первая супруга, Софья Ланская, родила одиннадцать детей. Во втором браке, с Марией Павловой, родились двое: Николай, впоследствии земский начальник в Венёвском уезде Тульской губернии, это мой дед, и Елена. Дед женился на Надежде Петунниковой, их двое детей - Наталья, моя тетушка, и Александр, ставший моим отцом.

– Ваши близкие вам рассказывали о том, как оказались за пределами России?

– Когда случилась Октябрьская революция, дедушка и бабушка, спасаясь от большевиков, бежали с детьми на юг, в Крым, где у них было маленькое имение: мол, новая власть недолго продержится и можно будет вернуться в Москву. Поняв, что это произойдет не скоро, если вообще произойдет, они по Черному морю прибыли в Константинополь и прожили там два года. Жилось им очень трудно: денег не было, культура незнакомая, язык непонятный. Покинув Турцию, дед увез семью в Югославию, к бабушкиной сестре Марии, которая сразу после революции уехала в Белград, работала доктором, хирургом. У нее пожили совсем чуть-чуть, до начала 1923 года, им там не понравилось. Решили ехать во франкоязычную страну. Одной из таких стран была Франция, другой – Бельгия, где к тому времени действовал благотворительный фонд «Бельгийская помощь русским», его основали кардинал Дезире-Жозеф Мерсье и два монаха, братья Дрессель. Дедушка написал кардиналу письмо, в котором сообщал, что все члены его семьи свободно говорят по-французски и хотели бы жить в Бельгии. Кардинал ответил: приезжайте, вас встретят. Семья прибыла в Брюссель, ее очень хорошо приняли. Отца отдали в престижную школу Saint-Andre de Bruges, а его старшая сестра Наталья устроилась на работу в банке. После школы Saint-Andre отец окончил брюссельский колледж Saint Louis, работал инженером. Когда закончилась Вторая мировая война, ему предложили пост коммерческого директора в бельгийском спортивном журнале, там он работал до конца своих дней. Прожил, к сожалению, всего 59 лет, умер после второго инфаркта. Вот, коротко, о дедушке и отце.

Корни моей мамы, Луизы Пушкиной, в девичестве Аммель, – в Бельгии, откуда ее дедушка, Анри Аммель, опытный специалист-лесовод, в 1880 году приехал на работу в Россию. Женился на русской девушке. Его единственный сын Жозеф тоже выбрал себе русскую жену, у них родились трое детей: Анри, моя мама Луиза и Альберт. Семья оставалась жить в России при большевиках. В 1934 году был убит Киров, начались

сталинские репрессии, дедушку арестовали агенты НКВД как «бельгийского шпиона», но вскоре отпустили. К счастью, он оставался подданным Бельгии и через ее посольство в Москве добился, чтобы советские власти разрешили ему с семьей возвратиться на родину. Семья поселилась в Брюсселе, завела знакомства в русской эмигрантской среде. Мой папа играл в футбол за спортивный клуб «Ross». На один из матчей пришла вместе с братьями Луиза Аммель. После матча ее познакомили с Александром Пушкиным. Дело окончилось свадьбой.

– Ну, об этом несложно было догадаться. А вот и ваша жена тихонько подошла и села рядом с вами. Жду, что она примет участие в беседе.

– Мария Александровна – правнучка Пушкина по женской линии, а по мужской роднится с Гоголем.

– Как могло такое получиться?!

– А вот как. Внучка поэта Мария Пушкина вышла замуж за Николая Быкова, племянника Гоголя, сына его сестры Елизаветы. Супруги Быковы тоже в начале 1920-х вместе с детьми (а детей они родили, ни много, ни мало, десять!) бежали из России в Турцию, где встретились и подружились с семьей моего дедушки. Быковы вскоре уехали во Францию, Пушкины, как уже говорилось, – в Бельгию. Между ними завязалась переписка. Мой отец летом 1949 года пишет Елизавете Гоголь: «Где вы собираетесь провести каникулы?» Она отвечает: «Едем на юг Франции, в Каррос». Пушкины тоже туда направились, и там мы с Машей встретились в первый раз. Ей было шесть лет, мне семь. До сих пор у нас хранится старая фотография: Маша сидит у меня на коленях, рукой обхватив за шею...

– Почти как сейчас, пока мы с вами разговариваем. Так, значит, вы с ней в кровном родстве?

– Она моя троюродная сестра. Наша следующая встреча, когда мы поняли, что любим друг друга, произошла в 1960 году, а поженились в 1969-м, после того, как я окончил учебу и прошел военную службу.

– Чем зарабатывали, чтобы содержать семью?

– Я инженер-электронщик, специалист по телефонной связи. Карьеру свою строил в одной и той же фирме, которая трижды меняла свое название: сначала это была BellTelefon, потом ее купила американская ИТТ и спустя время перепродала французской компании Alcatel. Прошло двадцать лет, и в 1995 году французы додумались, наконец, что меня, русского, да с такой знаменитой фамилией, надо бы использовать в России.

Два года я руководил работой московского филиала Alcatel. Двух лет хватило, чтобы понять, что бизнес с Россией не приносит прибыли, и филиал пришлось закрыть.

– Родителям вашим удалось при жизни повидать Россию?

– Вам это может показаться странным, но наши отцы, мой и Машин, очень хотели туда поехать, когда страна избавилась от власти коммунистов, а наши матери – нет, ни за что, никогда. Вспоминаю случай в 1958 году, когда Бельгия принимала у себя международную выставку, на которой был, конечно, павильон СССР. Нам домой прислали приглашение. Мы всей семьей – дедушка, бабушка, папа, мама и я – пришли, нас везде поводили, все показали, напоили чаем с пирогами и спрашивают у дедушки: «Александр Николаевич, почему бы вам не вернуться насовсем в Россию, это же ваша родина?» Он ответил: «Пока она советская, я в нее не вернусь».

– В своем нынешнем виде она стала бы для них более привлекательной?

– Думаю, что да. Хотя уверенно сказать не берусь. Мы с Машей знаем старых русских, которые живут здесь, в Брюсселе, – они довольно холодно к ней относятся. Но за 15-20 лет, что мы туда ездим, перемены там большие произошли. Все хорошо сразу не бывает.

– Вы попали в нее уже не советскую. Ваши впечатления?

– Впервые, это было в 1994 году, мы с Машей посетили Санкт-Петербург, там музей Пушкина проводил фестиваль «Царскосельская осень». Очень хорошо нас принимали. Помню, как неприятно поражала всеобщая бедность, пустые полки магазинов, угрюмые лица на улицах. Я тогда сказал Маше: «Им нужно еще пятьдесят лет, чтобы нас догнать». Прошло всего пять лет – и Россия нас догнала, а сейчас даже кое в чем обгоняет.

– Вы уверены? Возможно, судите по Москве или Петербургу. На окраины России заглянуть не пробовали? Там обгонять еще даже не начинали.

– Россия большая. Мы гостили в местах, где когда-то бывал Александр Сергеевич: Москва, Петербург, Болдино, Михайловское, Гурзуф. Нам все нравилось.

– Почти четверть века нет Советского Союза, и коммунисты вроде бы не у власти. Но не кажется ли вам, что сегодня все это возрождается, лишь под другой вывеской?

1949 – Carros

– Не кажется. И не очень понимаю, почему это кажется вам. Да, там есть теперь партия коммунистов, но разве она похожа на партию эпохи Сталина и его кагала?

– **Стать гражданами России вам не предлагали?**

Мария ПУШКИНА, включаясь в беседу:

– Не только предлагали – нам его Путин дал десять лет назад.

– **Что значит – Путин дал? Он разве царь и бог? В демократических странах гражданство предоставляет закон, а вовсе не глава государства.**

М.П. – Путин издал указ, и мы получили российское гражданство вместе с паспортами, он их нам лично вручил.

А.П. – Вам, должно быть, неизвестно, что мы уже двадцать лет помогаем находящемуся в Петербурге госпиталю для детей, больных раком. На деньги благотворительных фондов и добровольные пожертвования друзей приобретаем необходимые лекарства, современную аппаратуру. Недавно купили 25 специальных кроватей, у которых регулируется изголовье и изножье. Считайте, гражданство стало нам наградой за помощь.

– **Отдаю должное благородству вашего поступка, но удивлен, что одна из богатейших стран мира спокойно смотрит на то, как заботу о ее детях взяли на себя люди из заграницы. У меня есть и другие примеры того же порядка, ваш не первый.**

М.П. – Все можно объяснить. К сожалению, мы с мужем бездетные. И хотели сделать что-нибудь полезное для чужих детей. Дети – будущее и России, и Америки, и Бельгии, они останутся после нас. А поскольку наши корни в России, и душа у нас русская, то помочь мы должны именно русским детям.

Для нас такая радость – знать и видеть, что при нашем скромном участии к ним постепенно возвращается здоровье!

– Широко известен эпизод, о котором ваш, Александр Александрович, великий прапрадед признавался в письме к Петру Вяземскому. Будто бы он, дописав трагедию «Борис Годунов», пришел в такой восторг, что подпрыгнул, захлопал в ладоши и закричал: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» Вам такое состояние знакомо?

А.П. – (Смеется) Знакомо, но не так, как Александру Сергеевичу. К примеру, я очень люблю что-нибудь чинить. Однажды отказалась работать наша стиральная машина, Маша сказала, что нужно купить новую. Но я машину разобрал, увидел, что вышла из строя маленькая деталь, пошел и купил такую же за один евро, поставил – все заработало. А за новую пришлось бы уплатить несколько сотен. Вот тогда я танцевал от радости, Маша может подтвердить.

– Редко встретишь человека, который в юности не писал стихов. Вас это наваждение не миновало?

– Пока мы были женихом и невестой и жили – я в Брюсселе, а Маша в Париже, – то каждый день писали друг другу письма, куда помимо выражения нежных чувств непременно включали маленькие стишки собственного сочинения. Эта «поэзия», скажу честно, была невысокого качества. Между прочим, от директора пушкинского музея в Петербурге мы слышали легенду, будто Александр Сергеевич передал потомкам наказ не заниматься литературой, особенно поэзией...

– Логика понятна: человек с фамилией Пушкин не имеет права писать плохие стихи, писать лучше Пушкина он вряд ли сможет, так пусть вообще их не пишет. А с кем из потомков поэта, коих много в России, в обеих Америках, в Европе и Азии, вы поддерживаете связь?

– В основном, с теми, что в Москве и Петербурге. Часто видимся с Юлией Пушкиной, моей кузиной, москвичкой. Ее отец Григорий Григорьевич Пушкин, правнук поэта, был участником двух войн, Финской и Отечественной, служил в Московском уголовном розыске, потом работал печатником в типографии; умер 84-летним, двух лет не дожив до 200-летия прадеда.

М.П. – Моя сестра Елизавета Лию живет на Гавайях, замужем за китайцем, у них пятеро взрослых детей, внуки; мой брат Петр – в Париже, моя тетя Татьяна Дурново и ее дочь, моя кузина Анастасия Солдатенкова – все они, как и я, потомки Пушкина и Гоголя. Есть продолжатели пушкинского рода в Швейцарии, Германии, Англии.

– Редкий счастливый случай – быть причастными к двум великим именам! Какие-нибудь особые знаки внимания вы получаете в связи с этим?

А.П. – Только в России. Каждый год организуем туда поездку для наших друзей-бельгийцев, чтобы показать, какая это красивая страна, какие в ней живут приятные, гостеприимные люди. Одна из таких поездок называлась «Сибирский поезд», мы ехали от Москвы до Улан-Удэ с остановками в Екатеринбурге, Иркутске, встречались с местными жителями, для многих из них было настоящим открытием, что потомки Пушкина живут за границей...

– Вас называют последним прямым потомком поэта по мужской линии. Детей вам Бог не дал. Выходит, на вас эта линия закончится?

– Да, как бы ни было грустно это признать. Не наша вина, судьба такая. Мы очень хотели иметь детей, с этой целью Маша перенесла несколько операций. Увы, не помогло.

– С бароном Лотаром де Геккерном, прапра-внуком Жоржа Дантеса, вам доводилось встречаться? Он живет практически по соседству с вами, в городке Сульц на севере Франции...

– Нам передавали, что он хотел бы с нами встретиться, сделать шаг к примирению фамилий. Мы отказались. Не видим резона. Он, конечно, не виноват, что его предок на дуэли убил моего предка, но я проявил бы неуважение к памяти самого Александра Сергеевича, да и к России, если бы согласился на такую встречу. Для меня это было бы равно insultу!

– В адрес жены Пушкина высказывалось немало упреков, ее называли чуть ли не главной виновницей той трагической дуэли...

1960 - Menton

– Я считаю, что ее вины там не было. Наталья Гончарова любила выходить в свет, но это не значит, что она изменяла мужу. Мы читали мемуары Жоржа Дантеса, он пишет, что всю жизнь любил эту женщину, но никогда не был с ней в любовной связи.

– Иностранец, если с ним заговорить о русской литературе, непременно назовет Пушкина, при этом не обязательно будучи знаком с творчеством поэта. У вас в Бельгии его знают?

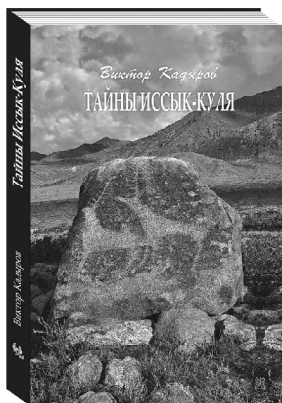
– К сожалению, очень плохо. Хотя еще в 1999 году, когда весь мир праздновал его 200-летний юбилей, ему в Брюсселе поставили памятник, и площадь назвали его именем. Но чтобы узнать, кому именно памятник, прохожий должен подойти к постаменту, где на трех языках – русском, французском и фламандском – выбиты слова: «Пушкин – русский поэт». Здесь в школах не учат русскую литературу. Учат французскую, чуть-чуть бельгийскую, немножко немецкую, итальянскую, английскую. Когда мы с сестрой были детьми, нам родители читали стихи и сказки Пушкина...

М.П. – А мне и сестре перед сном мама или папа в один вечер читали Пушкина, в другой вечер – рассказы Гоголя. Мы очень любили слушать «Вечера на хуторе близ Диканьки».

– Это в детстве. С тех пор ваше отношение к творчеству обоих предков осталось таким же? Иными словами, читаете ли вы сегодня Пушкина и Гоголя?

А.П. Пушкин: Нам чуть-чуть стыдно, но мы читаем больше на французском языке. По-русски умеем только очень медленно. У нас есть их сочинения, изданные в переводе: на одной странице русский текст, на другой – французский. Понимаем, что самый хороший перевод не в состоянии передать всю прелесть поэтического языка Пушкина, иронию и неподражаемый юмор повестей Гоголя, но мы живем в Бельгии, для нас основной язык общения – французский, по-русски приходится разговаривать очень редко, от случая к случаю...

КУЛЬТУРА

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ БЕГ ЖИЗНИ И ПЕРА

Вышла в свет очередная, шестая, книга документальной и художественной прозы Виктора Кадырова – «Тайны Иссyk-Куля». Она не только интересна сама по себе, но и характерна для творчества этого самобытного писателя в целом.

У меня такое чувство, будто Виктор Кадыров постоянно пребывает в состоянии взведенного курка или туго натянутой пружины. Сидит, разговаривает с тобой, а внутри него тикает некий механизм, который вот-вот сорвет его с места и швырнет в водоворот дел или в пучину странствий. И потому долго расслаживаться и слушать разглагольствования собеседника ему некогда. Будучи человеком весьма деликатным и в общем-то терпимым, здесь он мгновенно пресекает любые попытки покуситься на его время. «Надо столько успеть – сделать, увидеть, совершить, написать об этом, а времени остается все меньше и меньше», – говорит Виктор, когда ему приходится объяснять, почему он так взвинчивает темп своей жизни.

Этот темп ощущается во всех его книгах, особенно в тех повествованиях, которые сугубо автобиографичны, где главным героем является он сам, под своим, а не вымышленным именем. Бег текста в них стремителен, напряжен, строка упруга и пластична. Читатель едва поспевает следить за разворачиваемыми событиями. Подчас автор напоминает искусного полководца, который быстрыми маневрами заманивает его в сети своих сюжетных построений, чтобы потом, когда все, наконец, раскроется, оставить его, пораженного и удивленного, наедине со своими мыслями. И непременно возникающим желанием – неспешно прочитать все заново, обдумать и понять, для чего писатель сделал его соучастником своих сложных и разнообразных действий, поступков и размышлений.

Помнится, еще недавно, менее двух лет тому назад, Виктор Кадыров рассказывал мне, что был потрясен, когда воочию увидел на горных склонах Прииссыккуля огромные валуны с петроглифами, изображающими уже давно вымерших диких зверей и наших древних предков. Этим наскальным рисункам тысячи лет. Но время не смогло их разрушить. «Таких петроглифов нигде в мире больше нет», – с горящими глазами утверждал писатель.

Их первооткрывателем еще в прошлом веке был школьный учитель, подвижник Николай Черкасов. Под пылью забвения сохранились его дневниковые записи. А среди запечатленных на кальке – редчайшие, вырезанные в граните, многослойные картины, которые даже сегодня, несмотря на технический прогресс, невозможно повторить. Ученые-скептики называли Черкасова дилетантом и фантазером. Виктор Кадыров решил пройти по следам подвижника и доказать обратное.

Маршруты исследований автора пролегают по горным склонам Прииссыккуля и охватывают десятки, а то и сотни километров. Ведь приходится идти вперед и возвращаться, кружить и петлять меж уложенных в ладони склонов огромных валунов с петроглифами, останавливаясь и десятки раз фотографируя те из них, которые притягивают его взгляд исследователя. Им изучена масса литературы о наскальных рисунках, причем, не только Кыргызстана, но и других стран мира.

К своим поискам Виктор Кадыров привлек археологов и энтузиастов. И, конечно же, свою жену Светлану Полуэктову, надежную спутницу и участницу всех его деловых начинаний и авантурных проектов, рискованных хождений по высочайшим горам, пустыням планеты, а также по подводному плаванию в различных морях и океанах.

С тех пор, как Виктор поведал мне о своих замыслах, вышли две его прозаические книги, стержнем, основой которых стала документальная повесть «Тайны Иссык-Куля», разделенная таким образом на две части. В первой он рассказывает о начале поиска валунов с наиболее любопытными, загадочными петроглифами, во второй, надо полагать, о завершении этих поисков. Писателя захватывают не только удивительные наскальные рисунки Прииссыккуля, так пока и не ставшие местом паломничества зарубежных туристов, но и судьба замечательного человека, школьного учителя истории Николая Черкасова, чьи дневники и кальки с нанесенными на них петроглифами побудили его пройти тем же путем спустя шестьдесят с лишним лет.

Перед читателем постепенно вырисовывается характер сильной личности, русского подвижника в Киргизии, которого не сломили ни репрессии, ни гонения и который показал своей жизнью, что даже в должности школьного учителя можно принести куда больше пользы, чем иные – на министерских постах. Именно о таких людях А. Чехов говорил: «Подвижники нужны нам, как солнце».

Пройдя тем же путем, что и Черкасов, столь же внимательно и дотошно вглядываясь в наскальные рисунки, Кадыров видел, угадывал сложнейшие, тончайшие детали сюжетов, как и он. И тоже встречал непонимание наших ученых, которые не замечали или не хотели, находясь в плену стереотипов, замечать высокого искусства творцов петроглифов. Но у Кадарова нынче куда больше возможностей, чем было у его предшественника, доказать правоту своих взглядов, добиться поворота не только научного, но и общественного внимания к творчеству далеких предков, населявших когда-то нашу древнюю землю. Он издает книги, активно ищет союзников, в том числе среди специалистов из других стран, готовит к выпуску альбом на эту тему. И делает это в свойственной ему скоростной манере, словно боясь что-то упустить, чего-то не успеть.

Природа, как явствует из повести, может хранить творения древних – петроглифы – многие тысячи лет. Пока не вмешается человек. В поисках Кадырова один из валунов с уникальными наскальными рисунками, скалькированный в свое время Черкасовым и поразивший воображение писателя, занимает особое место. Он ищет его повсюду, ищет с непостижимым упорством. Надежда сменяется разочарованием, разочарование надеждой. Но драма ждет автора, а вместе с ним и читателей, впереди.

Финал повести напоминает эффект лопнувшей струны. Выясняется, что этот валун погребен под зданием Чолпон-Атинского аэропорта. Причем, пустующим. И становится понятным стремление писателя как можно быстрее рассказать о своих исследованиях, о невосполнимых потерях, которые несет наша история из-за безучастного отношения к ней.

И все-таки я думаю, что эта динамичная, интересная повесть только бы выиграла, будь она издана одной, цельной книгой, а не двумя, вышедшими с дистанцией в год, к тому же разными тиражами. Вообще мне кажется странным сам принцип формирования писателем Виктором Кадыровым своих книг. Выпуская каждый год по книге, он включает в них все, что написано им за этот период – от художественной прозы до

путевых заметок и публицистических статей. По такому принципу создаются литературные журналы, но не книги. В какой-то степени этот подход использован писателем и при создании документальной повести «Тайны Иссык-Куля». В ней встречаются герои, пространные эпизоды, не имеющие отношения к обозначенной теме. Просто они совпали по времени и улеглись рядышком под писательское перо. Здесь уместно вспомнить, что скульптор, когда ваяет свое произведение, берет глыбу мрамора или гранита и, прежде всего, отсекает все лишнее. Тот же метод надобно использовать и писателю. Тем более такому талантливому, как Виктор Кадыров, с его поистине подвижническими устремлениями.

Александр ИВАНОВ

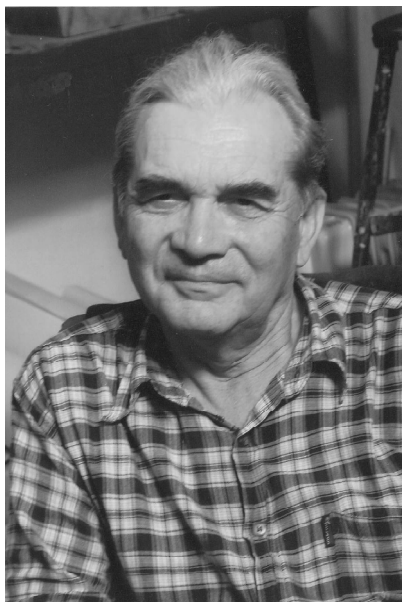

«МОЯ ЖИЗНЬ – СКУЛЬПТУРА»

Так озаглавил свою вступительную статью к собственной книге-альбому скульптор, Народный художник Кыргызстана Виктор Арнольдович Шестопап. Издание недавно увидело свет и посвящено шестидесятилетию творческой деятельности мастера. Оно прекрасно проиллюстрировано работами ваятеля, созданными им за все эти десятилетия, начиная с 1953 года. С предисловиями к книге выступили так же Народный поэт Кыргызстана Вячеслав Шаповалов и профессор КРСУ Валентина Воропаева.

Как уже упоминалось своими размышлениями о том, чем для него является избранное дело, которому посвящена вся жизнь, поделился с читателями и сам Виктор Арнольдович. Это своего рода признание в любви и к Творчеству, и к ее величеству Скульптуре. Вот слова самого автора: «О скульптуре можно писать много, если ты в нее влюблен, если ты думаешь о ней, если у тебя после завершения работы наступает пустота, и она затягивается, и ты чувствуешь свою беспомощность, и никто за внешним спокойствием не видит, что творится в душе, страх бесплодия... Но вдруг в тебя что-то запало, зацепилось и зреет, зреет, и ты в себе увидел то, что вызывает трепет в душе. Есть! Нашел! Жизнь в творчестве продолжается!»

Стремление запечатлеть этот мир на бумаге или глине в Викторе Шестопапе обнаружилось с раннего детства, благодаря этому его жизненный путь оказался определен. Вот что пишет об этом сам мастер: «...С детских лет отец увидел мои способности к рисунку и старался их развивать. Сколько себя помню, я всё время рисовал. Лепить начал лет с шести. Когда в годы войны не было игрушек, в деревне в далеком Казахстане,

Виктор Шестопал

куда нас занесла эвакуация, я лепил фигурки из белой глины, взятой в ближайшей балке. Позже, когда после освобождения Одессы мы вернулись из эвакуации, меня отдали в детскую художественную школу. Я рисовал всегда и везде. Обложки моих тетрадей и учебников были запачканы набросками. Сначала я много копировал иллюстрации из книг, обожал историю, географию, литературу. Моя фантазия помогала дорисовывать исторические события, пейзажи далеких стран».

А потом были художественная школа, Одесское художественное училище,

армия, где даровитый парень продолжал активно заниматься творчеством и даже участвовал в выставках, а после службы – учеба в Ташкентском театрально-художественном институте им. А. Н. Островского. Ныне Виктор Шестопал – скульптор хорошо известный и в нашей республике и далеко за рубежом и, пожалуй, особо представлять его читателю, не требуется. За него это делают его творения. Своеобразным символом столицы за эти годы стало изваяние в честь неординарной личности прошлого столетия – Курманджан датке. Ее величественная фигура украшает бульвар Эркиндик и прекрасно вписалась в уже существующий образ этой части города. И, конечно же, знаковым стал памятник великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, установленный перед Кыргызско-Российским Славянским университетом. О мастере и его вкладе в культуру Кыргызстана «говорят» и другие его творения. Тут и бронзовый памятник одному из основоположников отечественной науки К. И. Скрябину, и мемориальная доска, установленная в честь великого хирурга Иссы Ахунбаева, и бюст герою Советского Союза Г. Е. Конкину, и памятник павшим защитникам Отечества в городе Токмак. Нельзя не упомянуть памятник-мемориал «Ата-

Бейит” в селе Чон-Таш. Это – словно реквием в камне по невинно убиенным во времена сталинских репрессий. Исполнен мемориал Виктором Шесто-палом совместно со скульптором С. Ажиевым и творческим кол-лективом архитекторов под руководством К. М. Алымкулова. К такого рода работам можно отнести и установленный отно-сительно недавно в парке Победы им. Даира Асанова мемориал блокадникам Ленинграда. А вообще, работы В. Шестопапа разбросаны по миру. Есть они и в знаменитой Третьяковской галерее, и собрании Министерства культуры России, созданные им памятники возведены в Магнитогорске, Южно-Сахалинске, Ташкенте. Скульптурные творения имеются в частных коллекциях Нью-Йорка, Стамбула, Бишкека. Большое собрание находится в Музее изобразительных искусств им. Г. Айтиева.

«Творчество мастера скульптуры В.А. Шестопапа отличается непосредственностью, достоверностью, прочувствованностью, стремлением понять и передать в своих работах характер образа, живущего в согласии и взаимодействующего с окружающей действительностью, – пишет в своей вступительной статье к альбому Валентина Воропаева. – С самого начала его творческого пути было ясно, что В.А. Шестопап – художник большой творческой целеустремленности, многосторонне развитый, неуклонно набирающий качественную высоту. Основательная профессиональная подготовка, композиционное пластическое мышление, пристальный интерес к жизни и, главное, титаническая работоспособность позволяют ему постоянно добиваться значительных творческих успехов»

А вот мнение Вячеслава Шаповалова: «Творчество яркого представителя современной классики Виктора Шестопапа значительно обогащает кыргызскую станковую и монументальную пластику, оказывает значительное влияние на развитие национальной школы ваяния. Вглядитесь в его героев, и увидите, что монументально-декоративный жанр скульптуры Виктор Шестопап повернул лицом к человеку, точнее, вгляделся в человеческое лицо нашего времени. Искусство заглянуть в глаза отдельного человека – это вообще свойство души, магический кристалл современного художника».

Это умение обращаться к современникам, видеть и запечатлевать их лица ярко демонстрируют скульптурные портреты, выполненные мастером. Среди тех, чьи образы сохранил в искусстве В. Шестопап и простые рабочие, например

формовщик завода им. М.В. Фрунзе Д. Мусабеков, токарь М. Абдыкадыров, портрет работницы Фрунзенского камвольно-суконного комбината А. Акилбаевой. И люди известные, например, народная артистка СССР Б. Кыдыкеева, знаменитый хирург И. Ахунбаев, известная скульптор О.М. Мануйлова и многие другие. Сам Виктор Арнольдович так размышляет о своем видение создания портретного облика: «Иногда скульптора может привлечь просто интересная форма головы человека, иногда внешние своеобразные черты. Но, конечно, кроме внешней пластики лично меня всегда привлекает внутренний мир человека. Если внешние черты обогащаются внутренним содержанием, такую личность интересно портретировать. Работая над портретом, необходимо проникнуть в глубину личности, раскрыть ее сущность, даже то, что человек старается скрыть глубоко в себе. Взгляд, морщины, мимика должны быть прочитаны мной, как страницы книги. Если эта личность чем-то меня привлекает, я с удовольствием буду работать над портретом».

Приступая к созданию лепного образа человека уже ушедшего из жизни, скульптор знакомится со всевозможной литературой о герое, его фотоснимками, приглашает в мастерскую родственников, узнает как можно больше о характере, о внутреннем мире ушедшего. По признанию автора, для него важно в этот момент сформировать мнение о личности.

– Ельцин был очень противоречивой личностью. Создавая его бюст, я читал и его мемуары и труды, написанные о нем, просмотрел фотоматериалы, и вот эту двойственность, неоднозначность попытался отразить в созданном изображении, которое сейчас стоит в Кыргызско-Российском Славянском университете, – рассказал для читателей «ЛК» В. Шестопап. – В каких-то случаях я пытаюсь через скульптурный портрет выдающегося человека, особенно если это политический деятель дать оценку происходящему. Когда работал над портретом Султана Ибраимова, шли беспокойные 90-е года, государство лихорадило. Поэтому портрет получился сосредоточенным, суровым, как бы говорящим современникам: что вы делаете со страной, какой дорогой идете?

Хочется привести еще один отрывок из обращения к читателю книги-альбома В. Шестопапа, который бросился мне в глаза своей поэтической силой. После этого понимаешь, что не просто так автор смог передать так точно образ А. Пушкина. Видимо родник поэзии живет в душе скульптора, только свое

вдохновение он облакает не в строки, а в камень и в бронзу. Послушайте, как емко и сильно рассказывает Виктор Шестопал о тайне сотворения скульптуры: «Складки – как музыка, где-то они звучат мощными аккордами, а где-то мелодичны. Их не нужно слепо переносить с природы, они становятся мертвыми, дробят весь образ». Или вот еще: «Стремление работать в различных материалах – бронзе, граните, мраморе, дереве и других – всегда заложено в каждом серьезном скульпторе. Я всю свою творческую жизнь стремился к овладению различными материалами, к свободному обращению с ними. Нужно не бояться материала, а изучить, почувствовать его специфику. Наиболее любимый мой материал – дерево. Оно как бы живое и дышит. Я даже степень влажности ощущаю прикосновением щекой, чувствую его запах. Работы с ним всегда много, но когда моделируешь его, это неописуемое счастье! Когда инструмент снимает слой за слоем, и ты приближаешься к нужной форме, то испытываешь большое наслаждение. Такое же чувство охватывает тебя, когда режешь мрамор. Его первозданная белизна, чистота рождает чувство прикосновения к чему-то трогательно девственному.

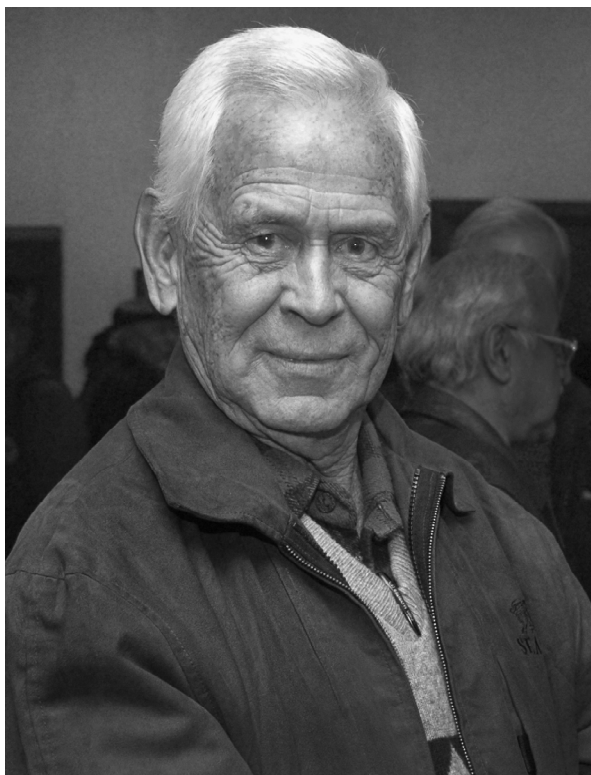
Доводка произведения – особый, прекрасный отрезок времени в период работы. Когда я работаю в материале, я витаю в облаках и счастлив невероятно. Скульптуру всегда надо видеть в материале, еще до начала работы представлять, как она будет смотреться с разных точек восприятия, ее фактуру и цвет. В начале своего творческого пути я создавал скульптуру в глине, переводил в гипс, потом при помощи пунктирной машинки переводил по точкам в материал. Но с годами приходит опыт, и сейчас я рублю и режу непосредственно в материале, минуя предварительный этап лепки и пунктирования. Произведение рождается сразу в мраморе, дереве или граните».

Как мне показалось, очень интересны размышления самого автора о себе, о поиске своего «я» в творчестве: «Я всю свою жизнь старался постичь суть скульптуры, понять ее, и только сейчас мне стали открываться тайны скульптурного мастерства, – пишет В. Шестопал. – Скульптура – это не буквальное отражение жизненных явлений и конкретных персонажей, а самостоятельная сущность, облеченная в присущую только для ее существования форму. В скульптуре не нужно стремиться к подобию форм реальных предметов, они лишь служат для рождения творческой идеи».

Тем, кто любит скульптуру и изобразительное искусство,

издание подарит немало прекрасных мгновений знакомства с разнообразными скульптурными изображениями, созданными за эти годы мастером. По иллюстрациям можно проследить, как менялись стили, манера подачи, менялся взгляд и самого ваятеля на то, как можно передать с помощью имеющихся материалов те или иные чувства, мысли. В книге-альбоме представлены не только известные монументальные работы, но и малая пластика, открывающая для широкого круга читателей лиричного скульптора Виктора Шестопада.

Вилору АКЧУРИНУ

ПРЕРВАННАЯ СВЯЗЬ

Привет, дружище, привет, дорогой Вилор!

Когда ты вдруг, даже не попрощавшись, ушел в иные времена и пространства, здесь у нас, по заведенным на земле обычаям, все окрасилось в скорбные тона. Ты даже не представляешь, сколько людей собралось вместе у твоего гроба в большом зале «Слова Кыргызстана», чтобы выразить бесконечную печаль в связи с твоим внезапным уходом. Ты даже не представляешь, какое это было скопление горестных лиц, какие искренние слова признательности за твой человеческий и журналистский талант, за то, что ты кого-то поддержал, кому-то

помог, просто за совместное с тобой пребывание на белом свете звучали из бесчисленных уст.

И, конечно же, в центре всех проводов в последний путь была твоя семья, твои самые близкие, родные люди, чьи души были полны любви и страдания, – жена Лидия Александровна, дочь Ада и зять Вадим, сделавшие все, чтобы прощальные провода прошли достойнейшим образом.

Друзья, коллеги устроили вечер твоей памяти в Доме русской книги, где ты множество раз бывал на литературных и музыкальных посиделках, умел со вкусом выступить и с удовольствием послушать, а потом еще рассказать об этом на страницах родной газеты.

Вскоре после этого, вослед тебе, я написал стихи.

Ты далеко, а путь совсем не близок,
Хоть позади небесный оком...
Волна печали берег жизни лижет,
И светел памятью земной твой дом.

Верша полет в просторах необъятных,
Сомнений и тревог не ведает душа...
Торжественно тихи багряные закаты,
Вся в капельках росы так роза хороша.

Когда, мой друг, ты долетишь до края,
Воспрянет дух, покой свой обретя,
Подай сигнал – из Ада или Рая:
Каков приют у Вечности дитя.

Вселенная мигнет зеленым оком.
Скрещенье судеб на ее груди.
Прощание не может быть жестоким,
Коль неизбежна встреча впереди.

Но, увы, что-то на небесах, видимо, не срослось, не состыковалось. Вот уже несколько месяцев минуло с тех пор, как ты растаял вдали, а никакого ответного сигнала от тебя, Вилор, я так и не дождался. То ли ты заплутал в чиновничьих кабинетах Небесной канцелярии, то ли не обратил внимания на мою просьбу, чего здесь за тобой не водилось, то ли после долгих блужданий приходишь в себя где-нибудь, надеюсь, в райских кущах, однако, молчание твое становится тягостным и его необходимо прервать.

Меж нами пока нет прямой телефонной или электронной связи, потому попробуем воспользоваться, условно говоря, телепатической. В памяти моей, как на экране, явлен твой зримый образ, я отчетливо вижу, как эмоционально ты рассуждаешь о чем-то для тебя интересном, существенном, занимательном, и вот с таким тобой, словно остановившемся в стоп-кадре, давай попытаемся наладить контакт, нащупать точки соприкосновения, предаваясь размышлениям разного рода или играя на клавишах воспоминаний.

Полвека тому назад я был в командировке в Оше. Душным августовским вечером, после всех забот и хлопот, мы сидели с тобой в летней чайхане на берегу тогда еще бурной Ак-Буры, подливали из чайника с отбитым носиком в пиалушки чистую, как слеза, водочку, закусывая ломтиками ароматной дыни, и ты сказал запомнившуюся мне фразу: «Посмотри, старичок, сколько мощи, сколько энергии в этой грохочущей по камням реке. Она безудержно мчится вниз, где-то питая сады, огороды, хлопковые плантации, а где-то попросту идя на сброс. Так и наша жизнь. Все зависит от того, как мы ею распорядимся».

Тогда нам, двадцатипятилетним, работающим уже по несколько лет в журналистике, бег нашей жизни казался бесконечным. Но ты уже задумывался о ее смысле. Я возразил: «Судьба каждого из нас – не стихия. Разве ее заарканишь?» И в ответ услышал: «Все зависит от цели, которую перед собой поставишь, и от силы желания, чтобы ее достичь». «Вся наша жизнь – огромный вопрос к окружающему миру», – соглашаясь и не соглашаясь, резюмировал я.

Больше к этому разговору мы никогда не возвращались. Могу только предполагать, что еще в молодости среди главных, сквозных твоих целей, плотно и нерушимо уложенных в душе, были и вполне угадываемые: во всем, несмотря ни на какие соблазны, перипетии, оставаться глубоко порядочным человеком; подняться в журналистской профессии до таких высот, когда твои статьи читают и с нетерпением ждут новых; иметь славную, любимую и любящую семью и надежных друзей.

Если брать в целом, то эти твои устремления сбылись. Напрасно, Вилор, ты морщишься, едея не будет. Но один маленький эпизод из разряда «Постфактум» мне все-таки хочется привести.

Ты ушел, и кабинет твой в «Слове Кыргызстана» долго оставался пуст. Никто из твоих коллег не решался его занять. Уж больно густо он был заселен твоими мыслями, журналист-

скими идеями, отношениями с авторами, твоими заботами о газете. Лишь иногда кто-нибудь заглядывал туда, по привычке надеясь увидеть тебя, перемолвиться словом, спросить твоего совета.

Один сотрудник редакции, которому было поручено срочно выправить авторский материал, с тем же намерением заскочил в твой кабинет и, уходя, в спешке забыл текст статьи на твоём рабочем столе. Каково же было его удивление, когда на следующее утро он нашел эту статью, великолепно отредактированную твоим четким размашистым почерком. Следовала и рекомендация: кто и каким образом мог бы развить тему данной статьи. Так продолжалось несколько раз, но едва этот сотрудник стал «забывать» на столе материалы, с правкой которых он мог бы справиться сам, «халява» закончилась.

Признаюсь, Вилор, что, узнав об этой истории, я сразу же, не откладывая, внимательнейшим образом пролистал твою замечательную, объемистую книгу «Мои собеседники», где мастерски вылеплены портреты десятков выдающихся людей Кыргызстана. Думал, что, может быть, и в ней добавились новые портреты, ведь у тебя на сей счет были немалые планы. Меня ждало разочарование. Пока?..

Кстати, ты не задумывался, над тем, как встречи с такими людьми, о которых собираешься обстоятельно писать, прикосновение к их профессиональному дару, таланту, исследование их психологии, способностей влияет на тебя самого, повышает планку собственных возможностей? Среди многочисленных героев твоих очерков и бесед – Суйменкул Чокморов и Алмазбек Атамбаев, Болот Шамшиев и Леонид Дядюченко, Айсулу Токомбаева и Анатолий Карпов, генерал Васько и Ильгиз Айтматов... Попробуй разберись, что каждый из них оставил в тебе и чем из этого благородного коктейля ты потчевал окружающих, которые нуждались в нравственной подпитке. Но в том, что ты раздаривал больше, нежели получал, нисколько не сомневаюсь. Я уж не говорю о воздействии твоих публикаций в газете, журнале, книге. С этим все, вроде бы, понятно.

Прости, Вилор, если я, может быть, сую свой нос туда, куда не следует, но меня раздрает любопытство: что из сделанного, совершенного тобой здесь, на земле, в Небесной канцелярии шло в явный плюс, а что в явный минус? Насколько наши земные представления о добре и зле совпадают с небесными? Или их подход ко всему, чем мы тут занимаемся, гораздо придирчивей, строже? По твоим прицельно сузившимся глазам и потяжелевшему подбородку вижу, что так и есть. Ну, а конкретно? Вот, например, среди множества твоих прекрасных

авторов были и совершенно бездарные, которых, на мой взгляд, нельзя было на пушечный выстрел подпускать к газетной полосе «Творчество». Ты же их лелеял, пытался чему-то научить, публиковал. Хотя, как заметил классик, рожденный ползать летать не может. И они возомнили себя поэтами, надувают щеки, заполняют серостью все, что удастся заполнить. Я, конечно, сгущаю краски, но... Ага, брови вправо, брови влево. Выходит, не так и не эдак. Ладно, проехали.

Дальше. Насколько я знаю твой непокорный нрав, обуздывать вспышки ярости или гнева, особенно в молодости, тебе бывало трудней, чем остановить коня на скаку. Отстаивая свою позицию, ты мог стукнуть по столу в начальственном кабинете, а где-нибудь в вольной компании даже как следует врезать обидчику. Все это здесь воспринималось весьма неоднозначно. А там? Нашли, за что тебя распекать, чтобы попытаться не пустить туда, куда почти каждому землянину хотелось бы попасть? Хмуришься, губы покусываешь. Знать, не все сотворенное тобой нашло там понимание, не везде с тобой обошлись так, как ты рассчитывал, предполагал.

Я вот мысленно разговариваю с тобой, а сам вполуха слушаю радио. Что у нас тут творится, ужас какой-то. Земля напоминает канатоходца, балансирующего над бездной. Кругом бомбят, воюют или собираются воевать. А в твоих нынешних краях, Вилор, как к этому относятся? Неужели небесные силы не в состоянии усмирить здешних беспредельщиков? Да перестань, не может быть, чтобы ничего об этом вы слышать не слышали. Никого там вообще это не колышет? Собрался было ляпнуть, что, дескать, хорошо вы, господа, в райских куцах, как внутри стеклопакета, устроились, но поостерегся. Мало ли что...

Скажи еще, Вилор, вот после того, как ты за эти несколько месяцев всякого на небесах хлебнул, продираясь сквозь лабиринты канцелярии в нынешнюю свою обитель, захотелось бы тебе, если бы вдруг вновь очутился на земле, жить с оглядкой на их порядки? Да не торопись! Тебе же в той обители ой-ё-ёй сколько куковать придется, зачем же портить с ними отношения... Ну, даешь! Ну, молодец! Значит, ни в коем случае? Узнаю твой характер, дружище! Эй, что там с твоим изображением делается? Замелькало, замельтешило, пошло полосами, совсем исчезло. Связь полностью прервалась. Вот и верь после этого в безупречную справедливость небесных сил.

Может быть, в следующий раз повезет больше?

Александр ИВАНОВ

Коротко об авторах

Вячеслав АЛЕКСАНДРОВ

Родился в Беларуси в 1947 году, в семье офицера Советской Армии. Живет в Киргизии с 1954 года. Окончил Киргизский государственный университет по специальности экспериментальная физика. Командовал два года мотострелковой ротой в Советской Армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе. Как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем – кинооператора документальных фильмов – «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор книги «Азиатские Белые Горы».

Дмитрий АЩЕУЛОВ

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999 году стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

Александр ИВАНОВ

Родился в Казахстане, в г. Чимкенте в 1938 году. Окончил Киргизский государственный университет, филфак. Работал в молодежных газетах Кыргызстана и Таджикистана, во Всесоюзной «Литературной газете». С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан», а также издательства «ЖЗЛК». Автор пятнадцати книг документальной и художественной прозы. Заслуженный деятель культуры КР.

Александр КРЯЧУН

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил две книги прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

Анатолий КУРЧАТКИН

Родился в 1944 году в Свердловске. Детство прошло в заводском поселке Уралмаша, где работали инженерами его родители и где сам он впоследствии был фрезеровщиком и техником-конструктором, одновременно учась на вечернем отделении Уральского политехнического института. После службы в армии (1963–1966), оставив институт, работал в свердловской молодежной газете «На смену!». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1967–1972), работал в журналах «Наш современник» (с 1972), «Студенческий меридиан» (1973–1977).

Автор книг: «Семь дней недели», «Переход в середине сезона», «Через Москву проездом», «Вечерний свет», «Записки экстремиста», «Радость смерти», «Солнце сияло» и др.

Член Союза писателей Москвы, редколлегий и редсоветов журналов «Советская литература», «Урал» (до 1999), «Октябрь».

Отмечен премиями журнала «Знамя», премией Союза писателей Москвы «Венец», премией «Серебряная пуля» (Нью-Йорк, США). Шорт-лист премии «Букер» за лучший роман года («Солнце сияло» – 2005). По повести А. Курчаткина снят кинофильм «Ребро Адама» («Мосфильм», 1989).

Александр НИКИТЕНКО

Поэт, переводчик. Член Союза писателей СССР и Кыргызстана. Родился в 1948 году в Душанбе. С 1951 года живет в Бишкеке (бывший Фрунзе). Окончил Киргосуниверситет. Работал слесарем, наладчиком на Фрунзенском заводе сверл, редактором в Госкомиздате, ответсекретарем в «Литературном Кир-

гизстане», репортером в газетах «Вечерний Бишкек», «Моя столица», «МСН». В нашем журнале публикуется с 1967 года. Автор двадцати поэтических книг. Академик Международной общественной академии поэзии Омора Султанова.

Дмитрий САГАЙДАК

Родился в 1989 году в г. Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил школу-гимназию № 26 с углубленным изучением французского языка. В 2012 году окончил Бишкекскую Финансово-Экономическую Академию по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит».

Работал в аудиторской компании, а также в сфере копирайтинга.

Имеются публикации в газете «В конце недели» издательства «Слово Кыргызстана», в журнале «Литературный Кыргызстан», в альманахах «Мозаика» и «Много языков – один мир». Ведет свой блог в сети Интернет, где публикует собственные стихи, фотографии, а также рецензии на творчество рок-групп.

Пишет стихи на русском, английском и французском языках, а также переводит песни и стихи с иностранных языков на русский.

Участник творческих объединений молодых литераторов «Ковчег» и «ЛитКом». Координировал проведение литературного конкурса «Мне близко», а также издание одноименного альманаха, содержащего работы победителей данного конкурса.

Лауреат литературного конкурса «Золотая табуретка-2012» в номинации «За лучшее философское отражение мира в поэзии».

Увлечения: литература, фотография, рок-музыка, спорт.

Валерий САНДЛЕР

Родился в 1940 году на Украине. Журналист. Многие годы работал на радио, в газете «Вечерний Фрунзе», зав. отделом публицистики, ответсекретарем «Литературного Кыргызстана». Автор книг «Не время ждать отбоя», «Верность трудовому слову», «Опечатка». В начале 90-х годов уехал в Америку, работал редактором отдела газеты «Новое русское слово». Выпустил книги – «Чем дальше, тем роднее» и «Разлучили корни с кроной...».

Александр СИДОРЧЕНКО

Родился в 1956 году в городе Омск. Живёт в Бишкеке. Окончил КГИИ им. Б. Бейшеналиевой. Организатор одного из первых продюсерских центров “Гран-При” (джазовые фестивали, театральные капустники, культурно - массовые развлекательные мероприятия и другие шоу-программы). Был первым председателем городского рок-клуба, руководил группой “Рок-Плакат”. Печата-лся в армейских газетах, сейчас принимает активное участие в интернетных литературных группах и сообществах под ником Алекс Сидоре.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

**Подписано в печать 21.010.2014 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 75.
Тираж 300 экз.**